Виктор Федорчук

ДВЕ РОДИНЫ
И СВОБОДНАЯ ПРИРОДА

Избранные стихи, пьеса

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета Петра Великого
2021

ББК 84(2=411.2)6
Ф33

Федорчук В. Н. **Две родины и свободная природа** : избранные стихи, пьеса / Виктор Федорчук. – СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. – 248 с.

В сборник вошли избранные стихи, пьеса автора. Стихи сгруппированы в следующие разделы: «Избранные стихи из разных книг», «Циклы стихов» и «Стихотворные диалоги». В отдельные разделы помещены стихотворные повести «На берегу несинего моря» (о Ленинграде-Петербурге) и «Речка Устья» (о местности в Ярославской области), а также пьеса «Дикий Кот обвиняет». В небольшом числе случаев внесена редакторская правка в ранее опубликованный текст.

Оригинал-макет и оформление *Е. В. Ершовой*

ISBN 978-5-7422-7499-5

© Федорчук В. Н., 2021
© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Избранные стихи из разных книг

Из книг: *«Брезозор» (1997), «Стекло» (1999) и «После зимы» (2007)* 5

Из книг: *«Надежда была» (2013), «Две родины» (2015), «Голосами животных» (2016), «Невечный огонь» (2017), «Стихи о свободной природе» (2018), «Стихотворные диалоги и другие стихи» (2020), «Мера вещей (2020), «На длинной дороге. Стихотворные рассказы и другие стихи» (2021)* ...28

Циклы стихов

Две родины 48
Стихи о лёгкой смерти 57
Стихи о свободной природе 68
Эволюция жизни 74
В окрестности рая 79
Деревья 82
Метки наших предков 87
Стихи русских поэтов голосами животных (отрывки) 91

Стихотворные диалоги

Разговор с одним из Создателей 99
Регистратор RZ 102
На ближней даче 108
Гамлет-отец и Гамлет-сын 109

Юлий и Публий 111
Рыцарь и прохожий 112
Гость 114
Разговор с медведем про жизнь 117
Разговор с псом 120

Стихотворные повести

На берегу несинего моря 121
Вступление 121
На грани суши и воды 122
Екатерининский канал 125
Таврический сад 126
Лиговка и Лесное 130
Елагин остров 136
Площадь искусств 138
Прощание 140

Речка Устья 141
Часть первая. На берегу 141
Окрестности 141
Соседи 143
Часть вторая. Течение 150
Дом 150
Мятежный поход 156
Катырева яма 158
Троицкое 164
Друг 184
Часть третья. Местность 200
Река 200
Урожай 205
На горе 211
Награда 212

Пьеса

Дикий Кот обвиняет. Сцены одного странного суда 217

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ ИЗ РАЗНЫХ КНИГ

Из книг «Брезозор» (1997), «Стекло» (1999) и «После зимы» (2007)

Поколение

Мы – весенний снег,
Лишь разбег для рек.
Мы – зимы итог,
Мы – ручьёв исток.
Мы, водою став, –
Лишь толчок для трав.
Всё, что сверх зимы,
То уже не мы;
Наш недолог век,
Мы – весенний снег.

Брезозор*

Волчье время небыстро проходит,
Наш апрель – брезозор – настаёт.
Кровь берёз в России забродит,
Повернёт всё – наоборот.

Травень-месяц нас приукрасит.
То, что раньше скрывали снега,
В мае спрячет зелёная скатерть
До подзимья, не на века.

А потом нашу слёзную почву
Скроет умерший в бедности лист,
И опять посторонний воочию
Нашу сущность не разглядит.

Мы раскроемся только в предлетье,
В месяц голый такой – брезозор.
Может каждый тогда приметить,

Сколько нами добра за столетья
Было выброшено, как сор.

* *Брезозор (берёзозол)* – апрель,
травень – май месяц (др.-слав.)

* * *

Так было и раньше,
Так было и раньше,
Ведь траур не кончен, и страх не затих:
Невеста – в чёрно-седом одеянье
И в красной одежде – жених.

Они не любили друг друга, но всё же
Была между ними тёмная страсть.
Невесту-Россию к брачному ложу
Вёл тот, кто выхватил власть.

Наряжены в серое шумные гости,
Завешены все зеркала;
Растоптаны зёрна, обглоданы кости,
Допиты вина дотла.

То плач за столом, то смеха раскаты,
То липкий словесный елей.
Но дышит покоем белая скатерть,
Покоем снежных полей.

Все грубы, и грязны, и пьяны без меры,
Но смеют надежду иметь,
Что эта невеста достигнет бессмертья,
Пройдя замужество-смерть.

За окнами тихо, сумрак неверный,
А здесь – пророчат счастье волхвы.
Улыбка горит на устах невесты,
Глаза у неё – вдовы.

Никто не понял,
Никто не поверил,
Но – дрогнул дубовый пол,
И пламя свечей метнулось от двери,
И кто-то – в красном –
Вошёл.

В Угличе

Не зарезали царевича Димитрия,
Сам упал он, дёргаясь, на нож...
Нет, не взяли нас коварной хитростью:
Русских просто так не проведёшь.

Нет, не запугали нас казённые
Люди, что шныряли по ночам,
Мы без них, давно плетьми пленённые,
Кланялись живым мощам.

К нам для пропаганды равнодушия
Чужаки не посылали рать,
Это – мы, самим себе послушные,
Научились руки умывать.

И совсем не люди протокольные
Предписали жить в глухой ночи́,
Сами слишком долго волю вольную
Ожидали, лёжа на печи.

Это – мы над нашей русской местностью
Учинили удалой разбой,
Оправдав его богатством, бедностью
И угрозой от страны чужой.

Нас никто другой не обезличивал
И в бесштанные не загонял полки,
Сами упивались тем, что нищие,
Но зато духовно высоки.
Нас не строгими законами измучили.
Что – законы?! Кто их соблюдал?
Нас болезнь измучила падучая,
Губы растянувшая в оскал.

Не споили мужика пол-литрою,
Сам он – что поделаешь?! – хорош...
Не убили, не убили Дмитрия,
Сам упал он на дурацкий нож.

В России

Здесь не пострижена трава,
И не ровны, увы, дороги.
Зато здесь участь всех ровна:
Жить каждый день – как на пороге.

Здесь не ухожен тёмный лес:
Стволы стоят излишне густо,
Видна им только часть небес,
А в этой чаще много мест,
Где хлам лесной и просто мусор.

Но рядом –
Там, где есть простор
Больших полей, далёких гор,
Где туч высокая тревога, –
Растут,
Хвоёй касаясь Бога,
Поодиночке, и стройны,
Соседям не подчинены,
Встречая мир великим ростом –
Непозволительные сосны.

Свиток

Завтра всё изменится круто:
Мы попятимся быстро назад,
И глядишь – залпы наших орудий
Вновь победу в войне возвестят.

А затем одинокая пушка,
Грохнув силой военно-морской,
Возвестит окончание путча,
Но настанет не вечный покой.

Царь воссядет опять на престоле
И простит непутевый народ,
Но, конечно, излишнюю волю
У народа назад заберёт.

Вслед за нами весь мир бородатый
Дружно спросит: «Нам тоже туда?»
И закроются пар, ток и атом,
Оставляя нас навсегда.

А за ними – приборы для быта
Пропадут, как печатный станок.
Вспомнив всё, что было забыто,
Мы опять забудем урок.

Сквозь мерцание дружб и раздоров,
Сквозь сплетение правды и лжи –
Всё резвей наша задняя скорость
На исходные рубежи.

Вот уже и татаро-монголы
Отступают в родимый улус.
Пронесут нас всемирные волны,
Как с разбитого судна груз.

Мы пройдём, воздвигая преграды,
Те, что раньше разрушили в прах.
Вознесутся Рим и Эллада
На когда-то почивших камнях.

Вновь философ какой-то старинный
Нам задаст безответный вопрос,
А в пустыне, за морем срединным,
Нас ещё раз покинет Христос.

Те, что жили когда-то, – проснутся,
Но опять не наступит покой.
Мир готов до предела свернуться,
Как папирусный свиток сухой.

Ну, а дальше, тупея сердечно,
Упрощая мысли и речь,
Будем зябнуть в шкурах наплечных
Да костры отопления жечь.

И когда в мироздании раннем,
Завершая великий отход,
Мы совсем уже голыми станем,
Бог-отец нас к себе приберёт.

* * *

В наших дебрях чинных
У Оки-реки
Всё живет община
Бабушки Яги.

Эту смесь нечистых
Длинновласых сил
Русский чёрт речистый
Раньше наплодил.

Ряжены, как прежде,
Дети старины:
Правый край одежды –
С левой стороны.

Все живут оседло
Много лет подряд,
Нам почти безвредны,
Но слегка шалят.

Мы от всех нечистых
Береглись крестом,
Реже – здравым смыслом
И всегда – постом.

А теперь забила
Их людская власть.
Как бы этой силе
Вовсе не пропасть.

Не боюсь я леших
И нечистых жён:
Ключ-травою здешней
Я вооружён.

Понимаю ясно
Задорожный крик
Леших безопасных
И хмельных шишиг.

Я их не тревожу,
Матом не браню,
Ихние все рожи
Знаю, как свою.

Беспокоить жалко
Рать нечистых сил:
Леших и русалок
Я всегда любил.

С детства душу лечат,
Если позову;
Мне находит нечисть
Улыбнись-траву.

Эх, ещё послужат
Эти силы нам.
Русь, родная, слушай:
Наши корни – там.

* * *

Там, где реки текут полноводные,
холодные, холодные,
Где немного людей, но полно птичьих стай,
Мы там жили простыми заботами,
свободные, свободные,
Там любили друг друга и весь этот край.

Жили трудно, но были упорны мы,
гордые, гордые,
Сами думали править своею судьбой.
Сами тропы проделали торные
скоро мы, скоро мы,
На вечерней заре возвращались домой.

Было мало там соли и колоса,
золота, золота,
Но зато много леса и вольных зверей.

Мы не знали душевного холода
смолоду, смолоду,
Были рады встречать незнакомых гостей.

Мы простые законы старинные
приняли, приняли –
Никогда не валялись в ногах и в пыли,
Пели славу лишь небу единому,
синему-синему,
А людей не боялись и честь берегли.

Забывать те приметы и радости
надо ли, надо ли?
Наше время сверкнуло, как солнечный блик.
С неба звёзды огромные падали,
падали, падали,
На земле, не смолкая, струился родник.

Там, где реки текут полноводные
холодные, холодные,
Где заметен ещё нашей юности след,
Мы там жили простыми заботами,
свободные, свободные,
Но хотели другого тысячу лет.

* * *

Мы идём из боя
В небо голубое.
Слышим: дуют в трубы;
Значит, мы не трупы.
Правда, наша рота
Странновата что-то:
Головы – без касок,
Раны – без повязок,
Руки – без оружья.
Значит, так и нужно,
Ведь плечам усталым
Сильно полегчало.
Капитан наш рыжий
Где-то сзади, ниже;

И знамёна наши
Впереди не пляшут.
Вместо них из выси
Нам навстречу вышли
И плывут неспешно
Белые одежды.
Вот они какие
Ангелы благие...
Как на землю – пыль,
Оседает быль.

* * *

Стою, как инок, Господи,
Смирение – прими.
Перед Тобой нет гордости,
И нет – перед людьми.

Не горд –
Ни перед вечностью,
Ни перед всей Землёй,
Проученный, засвеченный,
Во всех местах отмеченный
Твоей и человеческой
Кровавой добротой.

Смотрю на быль несметную,
Стою на сквозняке;
Как щит,
Лишь душу смертную
Давно держу в руке.

В чужое мироздание
Попала жизнь моя.
Не жажду оправдания
И даже понимания
От всех
И от Тебя.

Не из упрямой гордости
Отсюда не уйти:
Я – человек, о Господи,
Уж Ты прости.

Парус

Не кормчий я своей судьбы,
А лишь ветрило.
Вся жизнь моя – желанье плыть.
Куда? – забыл я.

Гляжу – теперь у берегов
Темно, ненастно,
И храмы тысячи богов
Стоят напрасно.

Я вспомнить лишь с трудом могу,
Как раньше, где-то
На оживлённом берегу
Сверкало лето.

Там пахло вроде чабрецом,
Но может – мятой,
И было мирно в мире том,
А впрочем, вряд ли.

Там время быстрое текло
Почти беззвучно,
И мир смотрелся сквозь стекло
Благополучья.

Вдали неясен был обрыв
Земли? воды ли?
Там люди в радугу из брызг,
Как в храм, входили.

Моих годов прошла лишь треть,
И было славно
На море яркое смотреть
И просто плавать.

Но не хватало островов,
Обрывов, радуг
И поиска других богов,
Другой награды.

Лес

Кто-то мне из древес
да из нежных трав,
Как лукавый бес,
подливал отрав.
Он кружил меня,
ждал, пока проснусь,
А потом обнял
и привёл на Русь;
Подсыпал удач
среди взрослых игр,
Дал защитный плащ
и душевный мир,
Показал вдали
до́льних смыслов край,
Чуть наметив лишь
очертанья тайн.
Он шершавой корой
мне задел щеку,
Затеплил зимой
то, что стыло в снегу.
Он понять помог,
кто – зачем, и кто – чей,
Он – не бес, не бог
и не из людей.
Он – мой сладкий крест
и молочный брат
Из могучих древес
да из нежных трав.

* * *

Стали заскорузлыми
Сердце и мозги;
Голова – что грузило
В глубине реки.

Чувства обесчувствились,
Мыслей – недород,
Стали сны причудливей,
Явь – наоборот.

Лодка перегружена,
Водоём глубок;
Словно щепка, кружится
Вялый поплавок.

Замочились брючины,
В лодку натекло,
Согнута уключина,
Сломано весло.

Промысел – обуза мне
И совсем не впрок:
Голова – что грузило,
Сердце – поплавок.

Надо, видно, к прежнему
Возвращаться мне,
К берегу безгрешному,
Детской стороне,

И доделать главное –
То, в чём я мастак:
Наблюдать забавную
Землю –
Просто так.

* * *

Я сегодня – река, завтра – озеро.
Ты прости меня, не серчай.
Я сегодня – весна, завтра – осень я,
Не запутайся сгоряча.

То – лежу, как земля бескрылая,
То, как воздух, вздымусь и – прощай.
Среди этих стихий, моя милая,
Неизменное – примечай.

Буду щедр на горячие ласки я,
А потом буду скуп, как лёд.
Ты рисуй меня разными красками,
Каждой краске – свой черёд.

Все сгодится для вечера позднего,
Если он – одинокий – придёт:
Утешает порой слякоть осени,
Согревает – вчерашний лёд.

* * *

Люсе

Нам печалиться нужно не чаще,
Чем дожди посылает весна:
Нам ещё предстоят времена,
Где пока не растрачено счастье.

Может быть, всё ещё – в переди,
Нужно только решиться поверить
И на лёгкий пружинящий берег
По дощатым мосткам перейти.

* * *

Делаем вечное,
Может быть, всуе мы?
Жизнь, словно женщина,
Непредсказуема.

Пусть – переменчива,
Пусть – несуразна,
Жизнь, словно женщина,
Всё же – прекрасна.

Пусть мы повенчаны
С нею лишь временно:
Жизнь, словно женщина,
Жизнью беременна.

Что нам завещано –
Клясть не пристало,
Если та женщина
Нас угадала.

* * *

Всё познаётся в сомнении.
А если – без,
То – золотое тиснение,
Красный обрез,
Распространение
Во все концы
И самомнение:
Творцы! борцы!
Потом – давление
На каждый дом
И удивление:
Куда идём?
Переживание,
Подпольный смех,
И сострадание:
Слаб человек.

Вдруг – осознание,
Что ум – не сыт:
Другое знание
Вокруг лежит.
И что-то высшее
В нём тоже есть.
Сомненье в истине –
Рассудку честь.

Просто – жить

Просто – жить,
Поддаться качке
Неразгаданной волны,
Не уснуть бы только в сказке
Отходящей новизны.

Не спешить грести,
Не верить
В то, что мне судьбой дано
Различить туманный берег
И таинственное дно.

Ощутить:
Прекрасна близость
Тех, кто здесь
со мной,
сейчас,
И желать, чтоб дольше длились
Всплески тихих волн для нас.

Не искать в морской природе
Твердокаменных примет,
Не смотреть, куда уходит
От кормы блестящий след.

Не сводить с прошедшим счёты,
И не двигать время вспять,
И забрызганные щёки
Перед морем не скрывать.

* * *

Как же прост наш всеобщий Создатель.
Как, наверное, молод он был,
Энергичен, и любознателен,
И роскошен в беспечной растрате
Изначально недюжинных сил.

Он придумал весь мир – не для цели.
Что? Прославить себя? – Перед кем?
Только мысли в нём бурно кипели,
А кругом было пусто совсем.

Он творил этот мир не из духа,
Не из тела (где взять-то его?),
Не из древнего света и звука,
Он всё создал – из ничего.

Он всему дал свободную волю:
Всё вольно было всяким предстать.
Он создал тварный мир для того лишь,
Чтобы – что-то создать.

Он был щедрым на формы, на краски
И на виды движения их.
Бесконечность картин – новых, разных –
Вот, быть может, его главный стих.

Он спокойно, с огромной охотой
Наблюдал весь затейливый путь
Вещества, духа, личности, рода.
Он не может ни вещное что-то,
Ни кого-то
Ни в чём упрекнуть.

Молитва

Насыпь мне горсточку удачи,
Везенья крошек не жалей.
Мне помоги,
Но – чуть иначе,
Чем в череде прошедших дней.

Освободи от наважденья
Пылинок на лице Твоём.
Дай знать мне тихим дуновеньем,
Что мы с Тобой – вдвоём.

Склонись над жизнью лёгкой веткой,
Коснись моей пустой груди;
В неё Своей рукою детской
Щепотку веры опусти.

Гончий пёс

Следы зверей воспринимаю как поруку
Устойчивости жизненных границ.
Я, гончий пёс, давно бегу по кругу,
Уставив морду вниз.

Мой первый круг – от детства до печали.
Лису я близко видел,
Резво гнал
Её на выстрелы,
Но выстрелы – не прозвучали,
И я отстал.

Потом воображал я лисий облик
Лишь по её волнующим следам.
На новом круге след уж был истоптан,
И лаять на него я перестал.

Тогда я понял, сколько здесь бежало
Таких, как я, вдогонку за лисой.
Но – до сих пор бегу,
И медных труб сигналы
Не властны надо мной.

Я не хочу туда,
Куда, весь лес тревожа,
Сзывает рог закончивших труды.
Шуршит под лапой лист,
Ложится, как пороша,
Мой новый след на старые следы.

Бегу, как тень, по золотому кругу,
Воображая разных псов и лис.
Все, все следы
Воспринимаю как поруку
Устойчивости жизненных границ.

* * *

Светом быть одету,
небом быть покрыту...
Аввакум

Только светом быть одетым,
Только небом быть покрытым,
Не служить преградой ветру,
Не качаться поздним житом,
Не играть горячей кровью,
Не шуметь речной водицей,
К луговому изголовью
Низко-низко опуститься
На постель из мхов безвестных
И забытых трав невзрачных,
Чтобы видеть свод небесный
Неожиданно прозрачный.

* * *

Пусть устрашат вас лишь одни слова,
А горькие дела не опечалят;
Но лучше, может быть, пусть нежная листва
Вас защитит от жизни изначально.

А если мало вам самих себя
И слишком надобно чужое мненье,
Пусть будет снисходительным судья
И лёгкими – тяжёлые решенья.

Пусть вас простят и, может быть, поймут,
Пусть вашу жизнь измерят вашей мерой,
А от последних горьких смут
Спасёт вас миф, который станет верой.

* * *

Я ворожу словами,
Как листья ворошу,
Я между мной и вами
Сложу из них межу,
Я листьями-стихами,
Как лёгкими сетями,
Себя загорожу.

Межи давнишний пленник,
Ещё я не затих:
Моё немое пенье –
Защита от чужих,
Оно – преодоленье
Стороннего давленья
На жизнь моей души.

Я листьям – лишь хранитель
От площадной гульбы,
Я одинокий зритель
Спокойной их судьбы.
Но если вы хотите, –
Ловите их, ловите,
И в новый круг включите
Словесной ворожбы.

* * *

Выразить – невыразимое,
Изобразить на льду
Красками бледными, зимними
Вечный огонь в аду,

В гипсе тяжеловесном,
Шершавом, как эшафот,
Вылепить – бестелесное,
Лёгкое, как небосвод,

Словом,
Как жизнь неуклюжим,
Вызвать прозрачный бред
И желание слушать
То,
Чего в мире нет.

Рождение песни

От голоса рыб, от шума кошачьих шагов,
От звона парящего – медленно-медленно – снега,
От шёпота мхов и ещё не рождённых стихов
Очнусь я однажды, как будто бы раньше и не́ жил.

И жёсткостью нежной, как милые косы, травы,
И запахом осени в майских аллеях садовых,
И завтрашним блеском чуть видной вчерашней тропы
Настигнут я буду внезапно, как мокрой ладонью.

Я спрашивать стану дрожащую душу свою:
«Где раньше таились свободные лёгкие слезы,
И что за река, над которой я ныне стою,
Всё знающий, но удивлённый?

За что мне обещан внезапный, нежданный пароль
Для входа туда, где даже в печали есть радость,
Где смерть вызывает какую-то сладкую боль,
А музыка слов – всегда завершает награду?

Неужто всего лишь – за долгий невольный отход
От игрищ и торжищ – к земле первозданной и к небу
Я буду разбужен отчётливым шёпотом мхов
И звоном парящего – медленно-медленно – снега?»

* * *

Разделены морями и длинными веками,
А также зрелой истиной, что правде не понять,
Мы тянемся друг к другу вечными стихами,
Как тянутся друг к другу дитя, любовь и мать.

А там, над нашим временем и круговой заботой,
Где нет морских провалов и тяжести Земли,
Там очень много места и есть такое что-то,
Что очень удивительно, но мы туда и шли.

Мы соберёмся там, друзья, где весело и чисто,
Но это будет не сейчас, а как-нибудь потом.
Поэты жизни временной, дети, лицеисты,
До встречи – там, где строится наш настоящий дом.

Неудачный поход

Волоокая ложь пусть тебя не смутит,
В земноводные дебри заманит,
Где ольха о старинной надежде шумит
На чудесную жизнь глухомани.

Вряд ли что-то найдёшь среди зыбких болот,
Кроме старого мутного следа.
Ржавый путь по нему никуда не ведёт,
Но азарт – важнее победы.

Ты пошёл в эти дебри без верных друзей,
Без надежды на помощь державы,
Ты один побеждён правдой правильных дней,
Ты – без тех, кто по-прежнему правы.

Все они не обмыты кипящим дождём,
Не помазаны царственным илом,
Никого из оставшихся в прошлом твоём
Волоокая ложь не пленила,

Не заставила новой надеждой пожить
И вернуться к печали не новой.
Ты один видел правду в доверчивой лжи,
Ты – один
И ни в чём не виновен.

Самомнение

(на мотив Чаадаева)

Самонадеянным умом
Наделены мы от природы.
Но, может быть, ещё поймём,
Что ум с природой – антиподы.

Хотим весь мир преобразить,
Скроить костюм не по фигуре,
Собой природу заменить,
Всё сделать лучше, чем в натуре.

Нам кажется, что мир вокруг
Был создан лишь для нас богами.
Нам вспомнить лень и недосуг
И прошлый свет, и первый звук,
А потому весь мир – не с нами.

Доверясь плоскому уму,
Считаем вечностью желанной
Времён дырявую суму,
А бесконечностью – пространность.

Мы произвольно строим жизнь,
Взлетев на крыльях самомненья.
...Но камень, вознесённый ввысь,
Не избежит паденья.

Наказ властителя

Ни о чём никому не шепни, не скажи –
Ни шумящей воде, ни замолкнувшей ржи,
И ближайшему к сердцу соседу
Ничего о нас не поведай.

Не узнают о тайне ни смерды, ни знать,
Только мы будем волю Всевышнего знать,
А кто тайну посмеет подслушать,
Эту волю святую нарушит.

Поведём к *нашей* цели беспутный народ,
Но не скажем, что к ней, а укажем: «Вперед!»
Ну, а если дорога плохая,
Мы напомним: «Распутица в мае».

Мы объявим: «Идти уж не так далеко,
Потерпите немного; сейчас нелегко,

Но окупится это сторицей»...
Только нам бы – не проговориться.

Памяти Осипа и Надежды Мандельштам

Нас грел не дорогой очаг,
А луч нежданный и бродячий,
И наш инстинкт, почти незрячий,
Благословил на встречный шаг.

Мы знали о любви своей
Не по словам, а по дыханью,
Прикосновенью и молчанью,
Что слов подобранных верней.

Судьба благоволила нам,
Но оставалось неизвестным,
Что будет дальше. Если честно,
Мы просто плыли по волнам.

Мы не искали важных слов,
*А говорили, что придётся,**
Не замечая превосходства,
Над миром, где царит господство
Целенамеренных умов.

**Слова из письма О. Мандельштама жене*

* * *

Когда-то охраняли мы с тобой
Свою свободу друг от друга.
Борьба с любимыми – такая мука.
Но это всё прошло само собой.

С годами сблизились желания и мысли.
Свободы стало много, много седины.
Теперь мы будем, милая, едины и вольны
Всю жизнь. И после жизни,
После жизни.

Из книг: «Надежда была» (2013), Две родины» (2015), «Голосами животных» (2016), «Невечный огонь»(2017), «Стихи о свободной природе» (2018), «Стихотворные диалоги и другие стихи» (2020), «Мера вещей» (2020), «На длинной дороге. Стихотворные рассказы и другие стихи» (2021)

Железо

Всё будет когда-то тяжёлым железом –
И в старой небесной звезде,
И в дряхлой Земле, и неновой Вселенной,
И в людях нелёгких,
Везде.

От силы и власти мы станем железней,
Чем наше земное ядро.
А я был спасён от этой болезни
Воздушным гусиным пером.

Устойчиво в мире тяжёлое тело
И ржа безнадёжных побед.
А я от железа укрыт светом белым
И словом безжалостным «нет!».

Утро

Открыта дверь. Неведомое утро.
Трава седая, чей-то свежий след.
Ребячий смех. Он так звенит, как будто
На свете горя нет
И смерти вовсе нет.

Конечно – нет! Сегодня жизнь не в тягость,
Хотя и давит груз прошедших лет.
Я этим утром с детскою отвагой
Смотрю на свой закат, как на рассвет.

Спасибо им – смешливым детям, внукам
За эту дверь, раскрытую вовне,
За то, что вижу неразрывность круга
Вокруг себя и – пусть чуть-чуть –
Во мне.

Я верю в безнадёжное начало

Я верю в безнадёжное начало
И в тайну неизвестного конца.
Я верю в то, что раньше не случалось,
Но, не случившись, холодит сердца.

Я верю в неизбежность продолженья
Того, что, может быть, не началось,
А только собирается в движенье.
Я верю в то, чьё время подошло.

Я верю в силу слабого начала,
В зародышевые клетки новизны.
Я знаю: если нота прозвучала,
Она пришла – из тишины.

Близкие люди

Чёрное солнце на небе,
Белая тень от людей.
Есть ли что-то нелепей
Этих лучей и теней?

Боги – далёкие судьи,
Сердце у них не болит.
Боги и важные люди
Требуют жертв и молитв.

Нет нам надежды на помощь
Чёрных богов и царей.
Жители скромного дома
Выше, надёжней, светлей.

Самые близкие люди
Наш сохраняют кров.
Те, кто верит и любит,
Делают дело богов.

После крушения

Когда погаснет солнца круг
Совсем и навсегда,
Когда исчезнет с неба вдруг
Последняя звезда,
И прошлых дней счастливый след
Растает в свой черёд,
И даже запредельный свет
До сердца не дойдёт,
Когда останешься без всех
Один во тьме глухой,
Не совершай печальный грех,
Махнув на жизнь рукой.

Из тьмы, что у тебя внутри,
Ты в холод не беги,
А уголь мрака собери –
И чем-то подожги.
Пусть будет искрою – твой гнев.
Он, тьму воспламенив,
Сожжёт в безжалостном огне
То, что тебя темнит.
Сожжёт не боль, а бред и тьму.
Их них – восстанет свет,
И ты увидишь всех, к кому
Забыл счастливый след.

А этот новый свет – он весь
В тебе. Теперь сложи
Никем не сложенную песнь
О пламени души,
О том, что в угольном огне
Не всё перегорит;
Печаль останется на дне
Души, быть может – стыд.

Потом – придёт и новый друг,
Лишь крикнешь: «Покажись!»
А с ним начнётся новый круг,
Уже другая жизнь.
Ты станешь вновь не одинок,
Кому-то – дорогим...
И вот тогда настанет срок
Оставить всё – другим.

Детская жизнь

Пусть смысла нет, и поиск безнадёжен
Конечной истины, которую лишь Бог,
Возможно, знает (иль не знает тоже?),
А жизни срок почти уже истёк,
Не огорчайся: нам даны подсказки,
Как школярам на грифельной доске, –
Листвы осенней цирковые краски,
Узор, оставленный волною на песке,
Рассвета летнего весёлая соната,
А вечером – немая краснота заката.

Пусть нет решения запутанной задачи
Ни в середине жизни, ни потом, в конце,
Смотри – мальчишка беззаботно скачет
И нет печали на его лице.
Он любит жизнь не потому, что цели
Достиг сегодня, просто – день хорош:
Как этим утром славно птицы пели,
Ну а сейчас идёт весёлый дождь.
Он рад тому, что мама обещала
Поехать завтра вместе с ним туда,
Где пароходы дремлют у причала
И где течёт широкая вода.
Он счастлив, путь-дорогу ожидая
Туда, где не бывал пока,
Где чудный мир от края и до края
Откроет для него могучая река –
Тот мир, что будет там, на пароходе
Так близок – руку протяни! –

Селенья, города и всё, что есть в природе,
Что мимо и сквозь них проходит…
Как с мамой будут радостны они!
Потом, усвоив часть людских историй,
Поняв (чуть-чуть) и правду, и обман,
Под вечер, вдалеке они увидят море,
А может быть – великий океан…
Куда ж они плывут? Зачем? Расстаться с прошлым?
(О, только бы не наскочить на мель!)
Пока плывёшь – всё кажется возможным,
Им надо плыть – и только в этом цель.
… Когда же борт большого парохода
Пристанет к берегу неслышно, словно плот,
Тот мальчуган, уставший от похода,
Прижавшись к маме, вечером уснёт.

Продолжение жизни

Памяти мамы и бабушки

Тяжёлый метроном стучит во мгле.
Холодный молчаливый дом.
Засохший довоенный хлеб
Я вдруг нашёл сегодня под столом.

…Гнетущий вой сирен. Подвал.
И где-то взрывов скучный звук.
Обычно – ночь была, и я обычно спал
В объятьях добрых рук.

Но вот – сигнал: «Отбой, отбой!»
Какой тот голос был живой!
И, значит, – нынче выигран бой
Над страхом подлым и бедой.

…Да, это всё давно ушло
И в жизни длинной кажется – мгновеньем.
Тогда две женщины своим родным теплом
Мне подарили жизни продолженье.

Концерт Моцарта

Бывает так: мы заняты делами,
В которых вдохновенье не живёт.
Но всё же – есть, *есть музыка над нами,*
Она смягчит текущей жизни гнёт.

Непостижим её воздушный опыт.
Мелодия печальна и проста,
Но этих клавиш каплезвучный шёпот,
И скрипок вздох, потом – спокойный рокот –
Всё говорит: есть в мире красота.

Прекрасна здесь печаль, легко веселье,
И кажется, что победимо зло;
Всё соразмерно – дело и безделье,
И даже в смерти здесь не тяжело.

«…есть музыка над нами»
(О. Мандельштам)

Озеро

В какой-то день у озера большого
Я всё бродил. Куда б ни бросил взгляд,
Не видно было никого другого;
Машин не слышно, ружья не палят.

Все – далеко. Вода и лес безлюдный
Со мною здесь до завтрашней поры.
Я – не один: какой-то пёс приблудный
Пришёл сюда, сбежав от конуры.

И я сбежал от конуры служебной,
От кожуры, сжимавшей жизнь мою.
Я вновь пришёл сегодня в мир волшебный,
Который знаю и давно люблю.

Здесь нет границ для взгляда и для мысли.
Здесь берега нежданный поворот

Откроет остров или мыс лесистый,
Где время тянется, как загустевший мёд.

…Прошло часть дня. Пёс хочет пообедать.
Я о еде забыл, вкушая мир иной.
Но вот – обедаем (водою, сыром, хлебом).
Пёс, подремав, ушёл (видать, домой).

А я иду, рассказывая людям
Мне близким (мысленно) об озере лесном,
О том, что здесь вдруг прекратились будни,
Как будто двигаюсь за золотым руном.

По берегу чуть видною тропою
Иду всё медленней, уже едва-едва.
Остановился: здесь передо мною
В воде белеет одоле́нь-трава.

Что – одолеть? Себя или природу?..
Как вместе жить? Кого мне предпочесть?
Лес, берег озера? А им в угоду
Себя стеснить? Наверное… Бог весть…

В воде я вижу мира отраженье,
Как и в себе. Но мелкая волна
Кривит слегка его изображенье.
Так и во мне заметна кривизна.

Вдруг слышу, как свистит на ёлке рябчик.
А вот полёвка – там, где ивы куст,
Грызёт лист майника, держа в передних лапках
(Так мы едим разрезанный арбуз).

…Я не хочу быть ни царём, ни смердом,
Ни властвовать, ни подчинённым стать.
Пусть берег э́тот остаётся местом,
Где не кривится́ вечной жизни гладь.

Жизнь вокруг вас

(по А. Блоку: «Скифы»)

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте расстаться с нами!
Да, звери, птицы, да, деревья мы.
Вся жизнь вокруг – вот наше знамя!

Готовы мы сотрудничать,
Но так,
Чтоб не разрушить мир вчерашний.
Нет, мы не примем ваш безумный мрак,
Затмивший свет свободы нашей.

Для вас – века, для нас – единый миг.
Мы были вам одеждой, пищей.
Пусть человек величия достиг,
Но без природы он же – нищий.

Мы старше вас. Мы будем жить тогда,
Когда от вас – одни каменья…
Мы можем быть одни, вы – никогда.
Без нас вам не видать спасенья.

Вы много раз глядели в степь, в тайгу,
В пустыни и в морские воды,
Не понимая на своём бегу
Ни нашей, ни своей свободы.

Вот срок настал. Крылами бьёт беда,
И каждый день обиды множит.
Мы вас простим, но только лишь тогда,
Когда нам человек поможет.

О, мир людской! От ужаса войны
Приди же в мирное соседство.
Пока не поздно – старый меч в ножны́!
Долой безумия наследство!

Пора возвращаться

Пора возвращаться в природу –
К началу, причине, порогу…

Я – чадо природы, но я – не она,
Я – мелкая часть слухового окна.
Мне слышно под крышей небесной,
Как жизни земной стало тесно
От наших голов безумно-лихих,
Что много придумали действий таких,
Которые глупым коварством
Стесняют природное царство.
Они учредили порядок такой,
Что вечно грозят природе войной.
Пора дать природе обратно
Всё то, что излишне изъято.
А то, что мы ценим в себе, сохраним,
Хоть это, возможно, лишь сказочный дым.
А, может быть, если по совести,
И вовсе оно не сокровище?
Но всё же в нас есть, конечно, черты
Достойные сложной земной простоты…
А мне – что ж… пора собираться
И верить в природное братство…

Пора возвращаться в природу –
И в землю, и в небо, и в воду.

После этой жизни

Жизнь продолжается жизнью:
Начатым делом, детьми
Или особенной мыслью,
Что остаётся с людьми.

Если же будет иначе,
Тоже не надо скорбеть.
Нет, мне не следует мрачно
На продолженье смотреть:

Всё, что родиться сумело,
То никогда не умрёт;
Станет оно новым телом,
Даже душою (в пределе,
Если чуть-чуть повезёт).

Буду я частью животных
Или растений Земли –
Диких ли, огородных,
Горных, лесных или водных –
Тех, в ком приметы мои.

Если мне жизнью живою
Сделаться не суждено,
Буду жизнью иною –
Той, где ещё темно.

Стану пылинкой Вселенной –
Той, что вчера не знал,
Вырвавшейся из плена
Плоских земных зеркал.

Я ухожу не рано:
То, что сумел – совершил.
Я – по природе странник,
Житель пределов крайних,
А не пустых могил.

Слава – словам

И тем, кто не слушал, мой также привет!
А. К. Толстой: «Слепой»

Кто знал меня раньше (товарищ ли, друг),
Кто знал мои песни и сказы,
Привет ему! Вольно он входит в мой круг,
Как слово в стихе становится вдруг
Свободным от ложных приказов.

Тому, кто не знал меня – также поклон.
Надеюсь, что позже – узнает,

И будет он в слово чужое влюблён,
А время, в котором не жил раньше он,
Своим, близким временем станет.

И пусть я не знал ни хвалы, ни хулы
(Так плохо был слышен мой голос),
Зато не изведал я их кабалы.
Я счастлив, что знал, как слова тяжелы,
Легки же – когда ими полон.

Так слава – словам, что живут много лет;
Кто слушал их – радости новой,
Кто слов тех не знает – тем тоже привет,
Всем людям – жить мирно без страха и бед,
Поэтам – удачного слова.

Из старой тетради

У больших и старых собак
такой внимательный взгляд,
особенно когда они смотрят на хозяев,
будто они
лучше нас знают,
как нужна нам помощь друг друга.

У больших и старых собак
такой печальный взгляд,
будто они
лучше нас понимают всё
до конца.

Иногда
в их взгляде
мне видится
некоторое удивление,
что мы смотрим не так.

(1991)

Лампада

Гори, гори, лампада,
Не гасни на ветру,
Ты для меня – отрада
На жизненном юру.

Не гасни – ни от ветра,
Ни от железных рук:
Ты – часть большого света,
Ты – сердца мерный стук.

Пусть станет ночь короче.
Пусть слабый этот свет
Жизнь новую пророчит,
Которой ныне нет.

Ты – жизнь, а я – лишь повод
Подумать о тебе
Сейчас
И в мире новом,
Когда сойдёмся снова
Благодаря судьбе.

Будущая жизнь

Однажды, наверное, будет беда,
Всемирное сокрушение:
От нас не останется даже следа –
Всё рухнет однажды в мгновение.

Случиться ли всё от вулкана, войны,
От грубо-небесного тела,
Но разом исчезнет из каждой страны
Вся жизнь, что когда-то кипела.

Но всё же останется здесь простота –
Микробы различного рода –
В подводной тюрьме, на горных хребтах,
В невидных подземных породах.

И – жизнь повторится: не пройденный путь,
А вечный порядок движенья,
И ей суждено, может быть, обогнуть
Неверные прежде решенья.

Жизнь снова проявится в разных чертах,
Иные нам будут знакомы:
В растениях, рыбах, улитках, зверях,
И в птицах, и в насекомых.

Не знаю, родится ли снова наш род
Таким же воинственно-диким,
Но жизнь без людей на Земле не умрёт,
И лес – непременно возникнет.

Чтобы жить легко и просто

Чтобы жить легко и просто
Здесь, на матушке-земле,
Надо дело брать по росту,
Быть с утра навеселе,
Не совать в бутылку пробку,
Если штопор на столе;

Не грустить о том, что кто-то
Ваши дроги обогнал,
В меру быть смешным и кротким,
В меру смелым, донкихотным,
Не смирять девятый вал.

Чтоб не мучиться соблазном
Винограда, что растёт
За забором непролазным,
Надо свой – пусть разномастный,
С виноградником контрастный –
Создавать своеобразный
Свой – хоть сад, хоть огород.

Надо видеть все красоты
Нашей местности родной:

Чувство матери-природы
Даст надежду и покой;

И любить любовью детской,
Поборов претензий муть, –
Мать, семью, друзей заветных,
Дело жизни не победной,
За окном – пейзажик местный,
Хоть бы птичку (но не в клетке),
Хоть кота породы лестной
Или пса… Кого-нибудь!

Жить – чтобы жить

Жить – чтобы жить, ничего не желая,
Кроме прекрасных зелёных лесов,
Неба и вод природного рая,
Чтобы – любить тех, кто ходит, плывёт и летает,
Кто-то – лишь день, кто-то – много годов.

Жить, чтобы чувствовать жизнь как награду:
В людях родных и заветных друзьях,
В этой природе – божественном саде…
Только приходится (что ж, это – надо)
Нам замечать дым от ближнего ада –
То в виде «рая», а то – в виде «клада» –
Что нам суёт здесь – то дервиш, то шах.

Ещё один день

Ещё не видно трав, но небо посветлело,
И птичий голос празднует рассвет.
Какое мы свершим сегодня дело?
Какая мысль родится из бесед?

Неужто потеряем день наставший,
Насыщенный чуть скрытым волшебством,
И не отыщем смысл, куда-то вдруг пропавший,
И друга во Вселенной не найдём?

Я верю, что появится соната,
Которая утешит и простит,
Что именно сегодня, не когда-то,
Возникнет примиряющий всех стих.

Но если – нет… Вот – небо потемнело,
И догорает, как всегда, закат.
А просто – жить? Ведь это – тоже дело,
Как всё другое?!
Это – тоже, брат.

Век песочный

Когда-то раньше был век золотой,
Как говорят, совсем-совсем простой.
Его, к примеру, описал Овидий.
Он вечную весну в тех временах увидел.
Про век серебряный коротким был рассказ:
Четыре времени в году, как и у нас.

А после – медный и железный. В те века –
Сплошные битвы. Жизнь была горька.
Война – от фанатизма, жадности, безделья –
Оправдывалась благородной целью.

Настал наш век. Хоть я не полномочен
Его назвать, но – назову: песочным!
И в том песке (могу я поручиться)
Найти мы можем разные частицы.

Вот – зёрна золота: природы и искусства,
Любви и красоты, порывов светлых чувства.
Вот – не тускнеющие зёрна серебра:
Семейных радостей – блаженства и добра.

Железных зёрен много нам досталось
От прошлых лет, людей, вождей и царств:
Здесь и сейчас различных войн немало,
А также лжи, убийств, насилия, коварств.

Железные песчинки, хоть не каждый раз,
Но часто выглядеть желают, как алмаз.

Так собирайте – золотой песок,
Песок серебряный: ещё не вышел срок!
Собрав однажды эти вот песчинки
Так много (нас ведь много!) – вот тогда,
Тогда, быть может, пропадут причины
Веков железных. Вся их череда
Закончится; и войн безумных паутина
Не сможет оплести грядущие года.

Текущий век – ещё не приговор:
Века иные живы до сих пор.

Не в Нагорном Карабахе

…Так, в Нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше,
Я изведал эти страхи,
Соприродные душе.

О. Мандельштам, 1931

Не в Нагорном Карабахе
И не в городе Шуше,
А во всём людском бараке
Мы живём давно уже
На горючем, ненадёжном,
Сотни лет уже сожжённом,
Предпоследнем рубеже.

Плохо знаем тех, кто рядом,
Ненавидим – кто вдали,
Кто отличен речью, взглядом,
Кожей, богом,
Кто пришли
Позже, раньше, с гор, с равнины…
Их желаем с места сдвинуть
Иль смести с лица земли.

Век идёт за новым веком.
Затихаем – и опять
Человеческие секты
Не хотят других принять.

Снова злоба, снова страхи…
Вот – и в том же Карабахе
Снова начали стрелять.

Может быть, на этом месте –
Не сейчас, когда-то встарь, –
Было чёрное поместье,
Где подземный государь
Вылезал наверх, на землю,
Чтобы землю и туземцев
Превращать в огонь и гарь?!

Неужели неизменна
Горечь чёртовых огней?!
Жизнь людская – драгоценней
Всех воинственных страстей,
Территорий, царств, царей,
Недодуманных идей,
Соблазнительных путей.
Коль поймём – не будет драки
Ни в Нагорном Карабахе,
Ни в полях планеты всей.

Не хватит ли биться друг с другом?

Не хватит ли биться друг с другом, друзья?
Пора позабыть, что вожди там гнусят.
Что нас разделяет? – воинственный бред:
Заботы о славе за счёт чужих бед.
Един у нас воздух – природная высь.
Ещё нам не поздно уверовать в жизнь.

Давайте сойдёмся на общем лугу,
Границы сотрём, как следы на снегу,
Прославим людей, и зверей, и леса,
И шёпот дождей, и птиц голоса,
И чайку в полёте, и белку в дупле,
И всех, кто живёт здесь – на общей Земле.

Путь

Наше время придёт: и не нужно для этого будет
Ни разрухи, ни бунта, ни голода или войны,
Ни гнилья лагерей, ни ломания тысячи судеб,
Ни особых уж подвигов, ни особенной вышины.

Наше время придёт. Мы об этом не сразу узнаем
И не сможем уже на другую дорогу свернуть,
Потому что не к цели вело это знамя над нами,
А был целью для нас – только правильно выбранный путь.

Мы поможем соседям – тем, кто двигался к цели.
Цель – прекрасна, но способы – душат её.
И поэтому цель умертвлялась ещё в колыбели.
Кто-то понял всё это, кто-то – не понимает ещё.

Наше время придёт. Будет в нём хорошо, но не кротко:
Человек – не раскрыт, и природа – отнюдь не проста.
И поэтому снова придётся за лучшее время бороться,
А судьёй остаётся наша троица – любовь, красота, доброта.

Русская идея

Люблю я родину, не скрою,
И символы её смогу
Представить: зимнею порою
Родной мой город весь в снегу…

Да, пусть идеей нашей будет
Всё то, что с детства любо нам.
Потом всё это станет чудом,
Когда вдруг вспомнишь имена
Речушки или деревушки…
И потому хочу назвать
Идеей нашей – имя «Пушкин» –
Всем слово близкое, как – «Мать».

А коль посмотрите вы хмуро
И отмахнётесь: «Мелкотня!»,
Тогда пусть – «Русская культура»
Идеей будет для меня.

Тост

«Я пью за военные астры,
за всё, чем корили меня…»:

О. Мандельштам

Я пью за природную гордость
Животных – кто с нами не жил,
За вольность равнин и за горность
Непокорённых вершин,
За музыку сосен и елей
Во всех заповедных лесах,
Которых срубить не успели
Во всех часовых поясах.

Я пью за свободные воды,
Где нет уж железных акул:
Они теперь в море не бродят,
Неся боевой караул,
За воздух, за самый обычный,
Когда ты – не чуешь его,
За всех, в ком уверен ты лично,
Пусть даже они – далеко.

Я пью за людей во всём свете,
С которыми надо делить
Не очень большую планету,
Где главное действие – жить.

Памяти поэта Георгия Адамовича

Пусть между сном пустым и грубой явью
Пока что – ничего и нет;
Но – есть надежда: от поэтов славных
Нам получить когда-нибудь привет.

В роскошной бедности случайных представлений
Возникнет вдруг – то тихий свет, то звук,
Которые бывают – как пронзенье,
Меняющее нас и всё вокруг.

Как я хочу, но получу едва ли
(Стихи ко мне идут едва-едва),

Чтоб здесь, во мне, меж снов и яви,
Но не случайно, вдруг образовались
Парижской ноты бедные слова.

Слепой полёт

Как брошенное кем-то тело,
Так мы откуда-то пришли.
Как это было? Что ты делал,
Летя под тяжестью земли?

Кто бросил нас, с какою силой,
В какую сторону судьбы –
В миг детства – милый ли, немилый –
Под кровом неба голубым?

Родители и предки предков
Нам приготовили жильё:
Пространств и времени объедки,
Где мы сегодня и живём.

Соседей по календарю и дому
Нам не удастся изменить,
Хоть к дому можно и другому
Чуть-чуть приблизиться – и жить.

А значит, каждый может выбрать,
Чем ум и прочее занять,
Смотря на то, что рядом… либо
Напротив – новое создать.

Ещё зависит участь наша,
Когда лететь настанет час, –
Какой во время пилотажа
Окажется земная тяжесть:
От обстоятельств, что – вне нас.

Но также может оказаться,
Что твой полёт пойдёт не вниз,
А – вверх! И это, братцы,
Совсем уж сказочный сюрприз!

ЦИКЛЫ СТИХОВ

Две родины

Вступление

Две родины судьбою мне даны.
Какую предпочесть – не знаю:
Великий город на краю страны?
Деревню в среднерусском крае?

Две родины… Непросто их сравнить.
Они различны, но едины:
Ведь я – един, хоть и заметна нить,
Делящая судьбу посередине.

Две родины… Я говорил о них
Когда-то в двух почти невидных книгах,
Которые, как два снопа ржаных,
Лежат зачем-то в разных ригах.

И вот, робея, всё же я начну
О родине рассказ недлинный –
Не о стране (как мне узнать страну?!),
О частной родине –
Двоящейся,
Единой.

1. Триумфальные арки и площадь Искусств

Триумфальные арки

Я не любитель триумфальных арок
И монументов, славящих войну:
У всех побед военных слишком ярок
Цвет крови, пролитой за чью-нибудь вину.

Я чту людей, погибших за отчизну
(Кто – на войне, кто – от дурных властей),
Но жертв бессчетных вычисленные числа –
Препятствие для гордости моей.

Нужны для памяти и кладбища, и шпили;
Хранит мой город символы побед.
Мы два нашествия ужасных отразили,
Но шествий наших тоже виден след.

Что нам важнее в памяти сражений?
И только ли победы так важны?
Цена побед и опыт поражений
Пусть нам помогут избежать войны.

Победители

Городу Петербургу

Я знаю тех, кто время победил
И овладел почти чужим пространством.
Они потратили запас душевных сил,
Не натворив безвременных могил,
Не совершив иного окаянства.

Победа им по-прежнему даёт
На ниве новой молодые всходы;
И победители идут вперёд,
Туда, где новый молодой народ
Готов принять их творчество свободно.

Мой город был убежищем для них,
Жилищем или пунктом пересадки.
Те люди – крылья, чтоб для дел простых
Нам не терять в житейских кладовых
Когда-то принятой божественной осанки.

Их в городе значительно видней,
Чем там, где горизонт земли просторней.
Создатели мелодий, книг, идей,
Картин, спектаклей, зданий, площадей

Мне помогали жить среди людей
Правдивей, легче и свободней.

Почёт и слава граду моему:
Его богатств я благодарный зритель.
Он победителей не гнал во тьму,
Он им собратом был, и потому
Мой город – тоже победитель.

2. На трибуне и вдали от неё

На трибуне

Те слова, что нам часто с трибун говорят,
Год за годом, и круг за кругом,
Понимаешь однажды: это – наряд,
Чтобы выглядеть искренним другом.

Это даже вчера уже было старо,
Это платье давно износилось:
Ведь про это когда-то сказал Фигаро́,
Насмехаясь над властью и силой.

На трибунах не ведают даже того,
Что давно уже многим известно,
Но там делают вид, что с поста своего
Слышат голос правдиво-небесный.

Обещают с трибуны для родины всей
Жизнь такую, как в телевещании.
Правда, много придётся истратить людей,
Чтоб исполнить своё обещание.

Ну, а если исполнить не выйдет никак,
Значит, враг помешал заграничный...
Коль трибуну другой оседлает простак,
То навряд ли он выше поднимет наш стяг,
Грабли старые пробуя лично.

Призрак

На трибуне и просто в народе,
Заражая умы и сердца,
Бродит призрак такой… что-то вроде
Чуть подвыпившего молодца.

Он к суровой борьбе призывает,
Говорит (хоть не сразу поймёшь)
О спасении отчего края,
Почему-то вдруг вынимая
Из-за пазухи финский нож.

Он о Силе, о Почве, о Славе,
О народной стихии шумит,
О могучей и вечной державе…
Громко так, будто жестью шершавой
Обшивает заброшенный скит.

Голос гонит к намеченной цели
И для призрака вечно живой:
Чтобы мы обеспечить сумели
Гибель тех, кто понять не посмели
Прелесть жизни в сугробах зимой.

Кто поверит, что призрак вещальный
От кого-то спасает страну,
Тот за родину примет начальство,
За успехи – простое бахвальство,
А за способ любить – лишь войну.

Да и нет

Пускай Россия будет шалой,
Разгульной, пьяной, заводной,
Усталой, бедной и отсталой,
Но лишь бы всё-таки живой.
Пускай живёт лихим обманом,
Не веря свету своему,
Пусть зарастёт глухим бурьяном,

Проросшим из безумных смут,
Пускай её оставят силы,
Пусть будет бредить в тяжком сне…
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краёв дороже мне.
Скажу – спасибо за науку…
Но если вдруг не мне, а внуку
К виску приставишь пистолет,
Тогда – не так!
Тогда – нет. Нет!

Мой круг

Мой круг прекрасней всех иных.
Не все они – мои друзья,
Но в годы трудные на них
Надеюсь часто я.

Подробней был бы мой рассказ,
Когда б стал молодым.
Отчизна там, где любят нас, –
Поэтом сказано. Я с ним
Согласен. Жаль, что многих нет
Из тех, кто раньше жил.
Но и сегодня прошлый свет
Мне прибавляет сил.

Сегодня, как тогда, я рад,
Что жил среди таких людей,
Где не в почёте маскарад,
Где прямо, честно говорят
О родине своей.

Кто был со мною, тот храним
В моей душе. И так скажу:
Я об отчизне – и по ним,
И по себе сужу.

Да, и такой, моя Россия… (А.А. Блок).
Отчизна там, где любят нас (М.Ю. Лермонтов).

Стихи о счастье

Моей семье

О чем печалиться, о чем скорбеть,
Когда несчастий нет, и нет войны сегодня?!
Что мне желать? Всё есть в моей судьбе
(На что я ныне оказался годен).

Мою любовь все возвращают мне –
Жена, и дочь, и внук мой добрый.
Бывают бури – только не в семье,
А лишь на родине, хронически хворобной.

Но если родина – не вся страна моя,
А лишь семья, земля и трепетанье листьев,
То в ней, конечно, тоже счастлив я,
В богатстве сказочном не ведая корысти.

3. Лес и степь

Лес и степь

Природа родины – предмет не для суждений.
Любуйся ею или действуй заодно.
Но как нам быть, когда в краю родном
Так много слишком крайних завихрений?

То – лес, то – степь…
То верим в дух, то – в тело,
То – доброта, то – злоба и стрельба.
Различны мы: то труд и похвальба,
То жизнь идёт как будто бы без дела.

Давно привыкли к разнице заметной
Степи и леса: так живём давно
(В лесу берём бревно, в степи – зерно).
Вся эта смена кажется бессмертной,
Пока и лес, и степь не станут как одно.

Берег без пашен

Как земля велика и пустынна!
Может быть, мы ещё не пришли?
Где же мы? Мы на Волге старинной…
Что-то мало здесь пашут земли.

Может быть, мы войну проиграли,
И мешает чему-то наш враг?
Нет, мы время своё потеряли
И сейчас тоже действуем так.

Едешь, едешь, а берег – без пашен:
Луг, деревня, вот – церковь, вот – лес…
Всё знакомое, прежнее, наше,
Лишь крестьянин почти что исчез.

Новая деревня

Одинокий петух
над пустынной деревней
Потерявшимся путником
в небеса голосит.
Век вчерашний потух,
всё, что было здесь прежде,
Отцвело жёлтым лютиком,
воскресить не проси.

Всё, что было – не будет,
а иное ещё не настало;
Мы пока лишь о древнем
всё тоскуем, не зная покоя.
Успокоимся, люди,
сбросим прошлое с пьедестала:
Жизнь заменит поля и деревни
на другое, другое, другое.

Я здесь люблю

Я здесь люблю послушным быть зиме,
Желать весны и наслаждаться летом,
И ждать, что осень скоро станет мне
Не вечером угрюмым, а рассветом.

Я здесь люблю, смотря на мир, бродить
По чащам тихим и степям спокойным…
Смиряя гордости незлую прыть,
Хочу я быть умелым и достойным.

Я здесь хочу не воевать с людьми,
А понимать их разную природу,
И связи строить – как в кругу семьи,
Так и в кругу соседнего народа.

Здесь путеводен простодушный след,
Ведущий к непрерывному началу
Обычной жизни: ведь в природе нет
Того, что гибель жизни предвещало б.

Здесь нет загадок мира и себя.
Вернее, есть, но разгадать их проще,
Когда вдруг рядом громко затрубят
Два журавля – там, на опушке рощи.

На этом берегу всё кажется нужней –
Наш труд простой, семья, друзья и годы.
Они важнее царства и царей,
Но не важнее царственной природы.

Заключение

(диалог Города и Сельского края по поводу автора)

Г о р о д .
Меня он ценит: он узнал при мне
Миг детства, и любовь, и дружбу,
И всё, что было в мире и войне –

Тепло родных, блокадных окон стужу.
Ему же отдавал я красоту
И знания, как всем другим, – берите
Дворцы, картины, музыку и ту
Обитель книжную, которой я родитель.
Он брал, и он хотел ещё…
Пусть славы он не понимал державной,
Но он ценил меня как часть её,
Как часть страны – то славной, то бесславной.

Сельский край.
Меня он любит: он узнал при мне
Не только то, что всем даётся в детстве,
А что не знают о своей стране
Живущие в квартирах слишком тесных.
Он ясно помнит щедрости урок,
Полученный в деревне им когда-то.
Он жизнь мою принять с любовью смог
Как часть страны – то нищей, то богатой.
Была и красота лесов, реки, полей,
Ночного неба ясное свеченье…
Он ощутил здесь доброту людей
В негромких городах и в небольших селеньях.

Город и Край (вместе).
Согласны оба: нам теперь видней,
Что он – один из наших общих сыновей.

Стихи о лёгкой смерти

* * *

Пожелай мне лёгкой смерти,
Ну а с жизнью справлюсь сам,
Оставляя клочья шерсти
По нерубленным кустам.

Пожелай удачной встречи
На непрошенном пути:
Из неё любые вещи
Сам смогу произвести.

Пожелай мне кожи детской,
Нежных близоруких глаз,
А в кору переодеться,
Стать колючим, цепким, метким,
Я и сам, как все, горазд.

* * *

Я встретил умершего друга.
Был вечер. Московский вокзал.
Обыденным голосом круглым
Спросил я: «Где, друг, пропадал?»

Ответил он тихо и скучно,
Взглянув на меня только раз:
«Был там, где всё же получше,
Чем здесь, у вас.

Там климат, пожалуй, не горный,
Но сыро (почувствуешь, сев),
А местность довольно просторна,
Полого-холмистен рельеф.

Там свет удивительно ровный,
Без отблесков или теней,

Немного неполнокровный,
Зато не бывает ночей.

Там сущность вещей не скрыта,
А мысли приходят из снов.
Там, за горизонтом событий,
Легко избегать грехов.

Идёшь в бестенистые кущи,
Душистость и птичий гам
Без всяких дорог, зовущих
У вас здесь – к иным местам.

Там можно послушное время
И выключить и включить.
А вот отдельных деревьев
И птиц поющих – не различить.

Людей там, по-моему, много,
Но место свободное есть.
Там ближе к далёкому Богу,
А впрочем, не ближе, чем здесь.

Там знают друг друга взаимно
И видят издалека.
Вот помню... как его имя?..
Ну ладно, оставим пока.

Там незачем делать попыток
Узнать, что будет потом:
Нам память – вперёд открыта,
А вас мы не узнаём.

Но ты руку тёплую дай-ка:
Я вспомню, вспомню... сейчас.
Здесь каждая встреча – тайна,
Не то, что у нас...»

...Гудок вдруг разбил пространство,
И время упало на дно.

Шум радио: для чужестранцев
Чего-то вещало оно.

Друг смолк
И тихо, чуть горбясь,
Прошёл сквозь вымерший зал
И дальше – по тёмной платформе,
Где поезд какой-то стоял.

Две сестры

Ни жизнь, ни смерть не стоит наших слёз:
Так мало света от горящей спички;
А чирканье – всего лишь дань привычке.
При вспышках виден – весь в прилавках – мост,
Где много лет торгуют две сестрички.

Есть странность в том, что из двоих одна –
Весёлая и резвая блондинка –
Всё продает на старом этом рынке,
Скупает же – та, что черна.
Глаза её скрывает край косынки.

Чем дольше церемония торгов,
Тем всё темнее веки продавщицы,
Она молчит, уже не веселится,
А у скупающей – гора измятых снов
Растёт на бесколесной колеснице.

Всё продано. Объятия сестер.
Вдруг происходит их соединенье,
Потом – сквозь пламя – снова удвоенье,
И затевается другой короткий торг…
А под мостом – реки спокойное теченье.

Весть

Вой собак под горой...
«Эй, хозяин, открой,

И прими запоздалую весть.
А приняв, не скорби,
Скарб с собой не бери:
У тебя только миг, чтоб присесть.

А потом не забудь
То, что пройдено:
Путь
Начинается снова, поверь.
Там, за тёмной стеной,
Будет мир и покой.
Выходи за тяжёлую дверь.

Я тебе помогу.
У меня на веку
Было много подобных дверей.
Ты не бойся: ведь страх...
Что ты держишь в руках?
Эка тяжесть. Бросай поскорей!

Тяжесть там не в чести́:
Вес мешает идти,
А тем более – просто лететь.
Уж пора верить в то,
Что легко, как листок, –
Что не золото и не медь.

У последней межи
О былом не тужи:
Кое-что сохранится и впредь.
Как войдёшь в мир иной,
Станешь синей звездой
Вечно светом вчерашним гореть.

Ты почувствуешь здесь,
Что бессмертие – есть;
А его источник простой:
Усмирив свою прыть,
Будешь ты, стало быть,
Постоянною величиной».

Плата за жизнь

Это – плата за жизнь, за её жестяной беспорядок,
За тенистые воды среди прокалённых песков,
За всё то, что не может, не может быть, кажется, рядом,
Но что каждый находит в любом из мелькнувших веков.

Это плата за случай, за то, что так выпала карта,
И поэтому ты оказался сегодня живым.
Это плата за мысль, за холодные звуки Моца́рта
И за дым от всего остального, за будничный сладостный дым.

Обращение к ангелу-хранителю

Всё, что мог, хоть мог немного,
Я доделал до конца.
Посылаю в путь-дорогу
К трону Господа гонца.

Всем прошедшим я доволен
И печалью тою рад,
Что мне выпало на долю
В меру горя и утрат.

А смотря на тех, кто рядом,
Кто мне родины родней,
Сознаю, что в них – награда
За потери прежних дней.

Но ещё, конечно, помню,
Что судьбы моей исток –
Русский лес, простор огромный
Да река среди осок.

Из-за них мне удавалось
Говорить – не знаю с кем –
На смешном, конечно, малость
Бесполезном языке.

Всё, что мог, хоть смог немного,
Я осилил до конца.

Наконец-то, у порога,
Я готов понять Творца.

Наконец-то сердце бьётся
Так спокойно,
Как вода
В тёмной глубине колодца,
Где горит одна звезда.

Бесконечная оправа
У кристалла наших дней.
Оставляю жить и править
Молодых ещё друзей.

Мой хранитель белоснежный,
Возвращайся в дальний край.
Ты прими поклон – за нежность.
Бог с тобою,
Отлетай.

Короткое возвращение

Тенью под окнами лягу,
Выпаду летней росой
Или из озера гляну
Зыбкой сгоревшей звездой.

Ветром тишайшим провею
К еле знакомым домам,
Живы ли люди – проверю
И затаюсь между рам.

Утро растает, как свечка,
День забудется сном,
Я же – так и не встречу
Мальчика с тонким лицом.

И ничего не желая,
В зыбкую брошусь звезду,
Облаком в небе растаю
И навсегда пропаду.

* * *

Какие жалкие слова я говорил им –
уходящим,
В глаза мои ещё глядящим –
Слова о том, что жизнь ещё жива.
Какие жалкие слова!

Я говорил о пустяках ползучих,
О том, как шли дела мои…
А надо было – о любви,
Зерне бессмертья в мире сущем.

Свободное дыхание

Соперницы? Наперсницы? Подруги?
Возникшие в былые времена,
Они – два цвета на едином круге;
Их не сложить,
Но цель у них – одна.

И если жизнь – гора, а смерть – ущелье,
То как же нам преодолеть
Житейских гор перекрещенье,
Не смея жить, не смея умереть?!

И если жизнь есть день, где всё так ясно,
А смерть – невидимая ночь,
То как, не чередуя их бесстрастно,
Бездонность суток превозмочь?!

И если жизнь – прикосновенье к струнам,
А смерть – отлёт руки живой,
То как мелодию простейшей руны
Сыграть, не двигая рукой?!

Для непрерывного существованья
Того, кого придумал Бог,
Дано свободное дыханье.
В нём смерть – лишь выдох,
Жизнь – лишь вдох.

Живой огонь

Так коротка бывает жизнь,
Что кажется – мгновеньем.
И всё ж – не надо сторожить
Момент исчезновенья.

Зачем просить от смерти бронь?
От смерти жизнь не лечат.
Прекрасен тот живой огонь,
Который в нас не вечен.

Смерть оживляет краткий путь
Дыханием границы:
Острее жизнь пронзает грудь,
Пусть и труднее,
Мира суть
Приняв,
В нём сохраниться.

* * *

Я хочу быть спокойной озёрной водой
И берег ласкать голубичный,
Я хочу быть обычной прибрежной сосной
И облаком в небе обычном.
Я готов прозябать на лесном валеже,
Как тихие мхи и кислица.
Да, я сделаюсь телом земли,
Но душе
Во что же здесь воплотиться?..
Обернувшись, смотрю из-за жёстких ветвей
В глаза отставших немного друзей.

Не быть

Пропасть навек,
Пропасть совсем,
Не быть –
Ни духом, ни пылинкой,

Ни буквой старческих поэм,
Ни монументом исполинским.

Исчезнуть,
Не оставив след
В предметах или в душах сущих:
Коль нет следов – ошибок нет
В печальной памяти живущих.

Быть чистой пустотой вне колеса прощаний,
Быть просто вечным,
Быть – молчаньем.

Всюду – жизнь

Вот говорят: живое – умирает,
И невозможно избежать смертей
Здесь, на Земле, а не в каком-то рае.
Но хочется поправить вывод сей.

Земная жизнь без смерти невозможна,
Как зубья без пробелов на пиле.
Но жизнь мне кажется всё более надёжной,
Когда присмотришься к процессам на Земле.

Ведь жизнь – повсюду здесь: в лесах, болотах,
В домах, вулканах, в море и траве,
А также (правду скажем, уж чего там)
И – в нас, да и в любом живущем существе.

Вот – человек, допустим: он чихает.
Но это – жизнь другая знак даёт,
Что кто-то в нас живёт и – вылетает,
И к новым «землям» он стремит полёт.

А вот ещё – спаси нас Бог! – в печёнке
Есть лямблии; на коже есть грибы,
В кишках – бактерий многие колонны…
Повсюду – жизнь, круговорот судьбы.

А мусор, остающийся от тела,
Когда оно прошло свой долгий путь?!
Там столько жизни, просто – без предела!
Смерть может здесь спокойно отдохнуть.

Зачем же верить нам в победу смерти,
Коль у Земли столь оживлённый вид?
Нет! Всюду – жизнь, везде, на каждом месте.
Она и смерть любую оживит.

* * *

Как горошек мышиный
За густую траву,
Зацепился за жизнь я
И беспечно живу.

Лишь хозяин просторов,
Где мне жить-поживать,
Может стебель мой с корнем
От земли оторвать
Или просто косою
Отделить от корней –
Сенокосной порою
На усадьбе своей.

Не из бронзы и меди
И трава, и кусты,
Да и люди-соседи,
Да и ты, друг,
И ты,
И тебя перед зноем
Может срезать коса.
Но держусь за живое,
Как за листья – роса.

А когда, друг мой милый,
Из лугов, что я знал,
Понесут меня вилы
На большой сеновал,

Я возьму в это зданье
То, что раньше любил:
Шёпот милой герани,
Чьим соседом я был,
Холод влаги на коже
Тонких чутких корней...
Но спасти невозможно
Запах жизни моей.

Вся трава, что со мною
Упадёт, чуть дыша,
Будет пахнуть копною,
А не грешной землею,
Будет пахнуть покоем,
Как святого душа.

И хозяин вселенной,
Осмотрев всё, что есть,
Скажет: «Доброе сено
Нынче собрано здесь!»

Завещание

Ни поместья, ни кареты,
Ни набитых сундуков
Я не нажил вещи эти
Для семьи и для веков.

Ни теорий, ни религий,
Ни напутствий для семьи,
Оставляю – только книги
(Книги, впрочем, не мои).

Может быть, ещё чего-то
Оставляю – вы уж там
Разбирайтесь, коль охота
Ворошить прошедший хлам.

Я гореть не прекращаю,
Но сказать уже пора:

Ничего не обещаю,
Только угли завещаю,
Что родятся из костра.

Угольки – такая штука,
Что хранят вчерашний жар.
Завещаю дочке с внуком
Ими греть свой самовар,
Посыпать углём все тропы
В огороде,
Чтобы смог
Каждый бегать, как в Европе,
Без резиновых сапог.

Завещаю вам не имя,
А костра неверный след.
Вы углем непогрешимым
Мажьте лица, словно гримом,
Для веселья долгих лет.

Стихи о свободной природе

1

Земной природы безыдейный ход
Нам дан не в образец, а в утешенье:
Не ведомо, куда нас приведёт
Текучей жизни продолженье.

И пусть недавно мы наделены
Тем, что бывает сходно с разуменьем,
Мы не сильнее северной весны
И не добрее братьев наших меньших.

Но, может быть, наш человечий род
Не совершит насилия такого,
Чтоб вдруг исчез свободной жизни ход
На берегах Совсем Иного.

2

Иное царство там, где царствуем не мы.
Оно не ниже нашего, не выше,
Не светоч мира, не источник тьмы,
Там цель одна, простая – выжить.

Там с жизнью нет ни спора, ни игры.
Не до рассудка там, не до идеи,
Не до беспечности,
Когда везде царит
Забота о великом деле.

И только молодняк беспечною порой
Играет в жизнь, но этот миг – ничтожен;
Да и резвятся детскою игрой
Лишь те, кто более на нас похожи.

3

Нет разума? Ну что ж! И пусть!
Тогда и горя тоже нет,
А опыт, выученный наизусть, –
Достойный разуму ответ.

Нет сложных чувств? Ну что ж! И пусть!
Простые звук и цвет
Зато не возбуждают грусть
О том, что есть Тот свет.

Нет доброты? И нет побед
Душевного тепла?
Что ж, там, где нас почти что нет,
Пусть нет добра, а только свет,
Но нет тогда – и зла.

Там бесконечна череда
Естественных смертей,
И вечен этот мир тогда –
Круговорот вещей.

А мы свободной жизни ход
Покинули в свой час,
И значит, нас иное ждёт –
Родиться только раз.

4. У порога

Андрюше

Ещё в душе твоей – лишь свет.
Ты в той стране неуловимой,
Где неизбежной смерти нет,
Добро и зло – неразличимы,
Где нагота твоя чиста,
А время – будто штиль на море...
Благословенные места!
Ты их покинешь, мальчик, вскоре.

Ещё себя не знаешь ты
И жить поэтому не горько.
Что есть прекрасней простоты!?
Вот только,
Только...
Тебе придётся сделать шаг
Туда, где жизнь уже не праздна,
Где разум – друг и он же – враг...
Ты вырос, мальчик,
Здравствуй, здравствуй!

Иди, весёлый мой, сюда.
Не говорю «останься прежним»:
Здесь всё – другое, здесь всегда
Душа и тело – под одеждой.
Здесь на вопросы: «А зачем?»
Не будет верного ответа,
Здесь ты не вспомнишь свой эдем,
А вспомнишь только радость света.

5. Парк

Укрощена здесь дикая природа,
Здесь камень мягок и легка вода,
А к ста фонтанам стерегут подходы
Кусты фигурные невиданной породы.
Здесь так, как не бывает никогда.

Здесь красота застыла.
Краски, формы
Хотят обычную природу удивить

Тем, что отличны от природной нормы;
Но им самим – себя не изменить.

Деревья и кусты, посаженные ровно,
Колеблет ветер. Только он один
Свободен здесь. Вода течёт бескровно,
Куда ей путь укажет господин:

То – вверх и вниз, то – прямо, то – кругами,
То – как бы с гор, то – из дырявых стен...
Здесь есть движение, придуманное нами,
Но нет – свободных перемен.

6

Перед морем глубоким, спокойным, просторным,
Чьё главное дело – быть полным собой,
Перед небом бессмертным серебряно-чёрным,
Чей долг – у Создателя быть под рукой,
Перед этой равниной молчащего снега,
Перед этой горой, чья вершина бела,
Как легко, очнувшись от нервного бега,
Отпустить закушенные удила.

7. Последняя охота

Стволы ружья, стволы притихших сосен…
Пересеченье их – предвестие пальбы.
Полёт дробин хвою и птицу косит...
Оцепененье вместо похвальбы.

На землю падает подстреленное тело;
Оно ещё устало бьёт крылом,
И бог земной с дубиной заржавелой
Вдруг вспомнил о призвании своём.

Во мне настало время созиданья.
Прощай, оружие! Теперь я не готов
Распоряжаться жизнью тёплого созданья
И выхожу из общества богов.

8. Заповедному лесу

В лес вхожу, как будто в воду:
Легче телу, а в душе

Сухопутные заботы
Тонут в лёгком кураже.

Здесь я верую беспечно
В связь природы и добра,
В то, что лес, конечно, вечен,
Да и мой не скоро вечер
У затухшего костра.

Я покину эти чащи,
Но вернусь,
Пускай – другим:
Тихо с веток вниз летящим
Хвойным пеплом молодым.

9

Встану заранее, засветло,
Дверь в божий мир отворю,
Выйду в апрельскую, ясную
Тишь,
Но ещё не зарю.

Выйду бесцельно как будто бы,
Путь выбирая себе
По незаметной, предутренней
Полуслучайной тропе.

У можжевельника сонного
Вздрогну,
Услышу ручей
Или – за редкими соснами –
Первый подлёт косачей.

В старый свой дом возвращусь ли,
Переступая межу?
Здравствуй, озноб предчувствия
Мира, в который вхожу!

Ельником вечным, нехоженым
Выйду к большим холмам,
И за стволами – вот же он! –
Свет вдруг увижу там.

По прошлогодней дернине
Кто-то меня
Бегом
Вынесет к озеру синему
В белом кольце ледяном.

Сердце забьётся неистово,
Освобождаясь от пут,
Ветра струи пречистые
Грудь – разорвут.

Небо прозрачно-безоблачно,
Выход солнца – как крик.
Жизнь моя! – вот она – вобрана
Вся – в этот миг.

Я поднимусь над осинами,
Выше наземных богов
К трепету крыл бекасиному,
К небу без берегов.

Выхриплю в дали окрестные
Горлом сжатым своим
Зов ли, молитву ли, песню ли:
– Господи,
Сохрани...

10

Не потому я здесь свободен,
Что для меня закона нет,
А потому, что путеводен
Здесь жизни простодушной след.

И этот след ведёт к началу
Земли, Вселенной и – всего.
Здесь всё живое не устало
От жизнетворства своего.

Здесь лист, упавший на палатку,
Важней падения царей,
Здесь всё – ответ, и всё – загадка,
Всё – правда, наших правд первей.

Мне здесь спокойно и надёжно.
А если рядом затрубят
Вдруг журавли,
Тогда возможно
Почувствовать озноб на коже,
И сквозь печаль ошибок прошлых –
Разгадку мира и себя.

Благодарю, леса и горы,
За вольность вашу и мою!
Для всей природы непокорной
Свободу жизни – признаю.

Я признаю природы право
Жить так, как нужно только ей –
Хоть прямоствольно, хоть коряво,
Зато отдельно от людей;
Быть разуму – не подчинённой.
Пусть жизнь Иного бытия
Течёт по собственным законам
Со мною
Или – без меня.

Эволюция жизни

Успех

Жизнь достигла успеха, пожалуй.
К ней и разум прилип, как смола.
Ну, а главное – мало-помалу
Всю планету та жизнь заняла.
Всюду жизнь – и в лесах, и в пустынях,
И во льду, и почти в кипятке,
И в горах, и на плоских равнинах,
И на каждом земельном комке.

Сколько было животных, растений
И таких, кто ни то и ни сё?!
Пусть большие случались потери,
Но потом жизнь бралась за своё.
Даже тех, что Земля сохранила
С давних пор до сегодняшних дней,
Сосчитать мы не можем, не в силах…
Разве только – крупнейших зверей.

А как жизнь-то земная различна!
Это – просто восточный базар:
Кто – плывёт, кто – летает отлично,
Кто – медведь, а кто – просто комар.
Есть такие, что кушают землю,
И такие, кто воздух и свет,
Кто соседей ест разных, кто стебли
И листы… Всё идёт на обед.
Те – с рогами, а эти – с клыками,
Самых мелких – совсем не видать;
Есть такие, что всюду за нами
Как друзья, есть – враждебная рать.

Как случилось, что многих и разных
Сохранилось – и этих, и тех,
Разнополых, совсем разномастных?
Как случился этот успех?

Без цели?

Без правильного руководства,
Без веры в какой-то итог,
Без планов и полководцев
Кто жизнь совершенствовать смог?

Без умных прорабов, рабочих
И даже без чертежей –
Кто сделал не быстро, но точно
Бактерий, дельфинов, ежей?

Без войск, президентов, науки
И светлой высокой мечты –
Кто жизнью – невиданной штукой –
Заполнил весь мир пустоты?

Без цели…
Ну, нет уж, её-то я вижу,
Давно озираясь кругом:
Цель жизни, конечно же – выжить
И – жить,
В том числе – и в другом.

Скрещенье

Разнополость возникла не только,
Чтобы множить и этих и тех,
Разнополость – всей жизни на пользу,
Это вклад в конечный успех.

Размешав непохожие гены
Из наборов родственных тел,
Что-то новое для Вселенной
Жизнь творит, как случай велел.

Перекрёстно сливаясь частями
Тел и свойств (коль настала пора),
Жизнь всё чистит себя семенами
От ошибок, что были вчера.

Череда новых деток бедовых,
Пусть похожих на пап или мам,
Всё же больше к другому готова,
Чем родители – к бедствиям новым,
Новым водам, пустыням, снегам…

Догадавшись однажды (примерно),
Что случится со мною (и – как),
Я решил: надо бросить в бессмертность
Хоть частичку своей ДНК!

На развилке

В цветках сирени лепестков четыре,
Но если поискать – найдётся пять.
Коль жизнь идёт в непостоянном мире,
То кое-что приходится менять.

Среди тех свойств – и внутренних, и внешних,
Которые ведут друг с другом спор,
Останутся такие, что успешней
Проходят жизнетворческий отбор.

Так выбирают, надо думать, песни,
Когда готовят маршевый поход:

Годятся те, что проще, и полезней
Для тех, кто движется вперёд.

А если польза, к счастью, совместится
С чертами, что зовётся красотой,
Тогда с прекрасным жизнь соединится,
Как в той сирени позднею весной.

Степень свободы

(Коллективные раздумья неразумных организмов)

Куда ж нам двигаться, меняясь?
Что перспективнее для нас:
Молчать, рычать, быть может, лаять?
Какой создать себе окрас?
Иметь шесть ног? четыре? восемь?
А может двигаться ползком?
Жить в воздухе, в воде иль вовсе
Сквозь все стихии – напролом?

Что будет нам полезным завтра:
Нюх? быстрота? размер кишок?
Густая шерсть? подвижный раструб
На длинном носе? острый рог?

Что главное в таком походе?
В какую сторону идти,
Чтоб приспособиться к погоде
На многовековом пути?

Надёжна только та защита,
Что долго нас не подведёт.
Она разбудит то, что скрыто,
Но что позволит в новой битве
Опять продвинуться вперёд:
Всё то, что делает свободней
Нас от мороза и жары,
От наглых хищников разбойных,
От перемен морозно-знойных
Ещё невиданной поры.

Ошибка?

Неужели – ошибка? Вот это:
Нам не дали ни острых когтей,
Ни рогов, ни клыков и – запрета
Убивать соседей-людей.

И придумал наш разум любимый
Вместо диких рогов да клыков
Тьму орудий иных – для убийства,
Большей частью – людей, не волков.

А инстинкты, что льву не позволят
Убивать соперника-льва,
Спят у нас в давнишней неволе
(Как, бывает, и голова).

Мы, наверное, жить не достойны,
Бесконечные войны творя.
А вот если закончим все войны,
Значит, прошлое было – не зря.

Любознательность – дар наш бесценный.
Если мы, на небо смотря,
Разгадаем загадку Вселенной,
Значит, прошлое было – не зря.

Дальше

Жизнь прекрасна,
Поскольку неясно,
Чем закончится этот поход.
Нам не видно итога; напрасно
Думу думает умный народ.

Жизнью двигает ветреный случай
И чуть видимый нами закон,
По которому выживет лучший,
Кто потомством не обделён.

Ну, а если вдруг станет ошибкой
То, что вызрело в бойком быту,

Канет в темень двуглавая рыбка
И уже не блеснёт на свету…

Я не знаю, конечно, итога.
Что там дальше – не дело ума.
Только верю: для жизни нет срока,
Ни порога, ни эпилога,
Что она всё продолжит – сама.

В окрестности рая

Окрестность

В окрестности рая – почти как в раю:
Здесь рыбы играют, и птицы поют,
Деревья растут рядом с быстрой рекой,
Над ними лежит небосвод голубой.
Здесь зелень свежа и прекрасна,
А жизнь не проходит напрасно.

Здесь всё, как в раю, правда, только – почти:
Позволено людям в то место прийти,
А с ними и разум людской принесло,
Что знает добро и безумное зло.
Так стала чудесная местность
Потом называться «окрестность».

Живиночка в мире

За звёздами – темень провалов
И звуки бездушных миров.
За Млечным крутящимся валом
Не видно живиночки малой,
Не слышно живых голосов.

Но, может быть, голос к нам мчится
Со скоростью световой
Волною – невидимой птицей,
Чтоб с нами скорей поделиться
Улыбкою или слезой.

И, может быть, чем-то заветным
Тот голос нам сможет помочь,
Прибавив душевного света
И в день полноцветного лета,
И в зимнюю хмурую ночь.

А если не светит надежда
На животворящую даль,
Нам надо бы больше, чем прежде,
О жизни заботится,
Реже
Свинец применяя и сталь.

В песчинке такой одинокой
Среди безответных миров
Нельзя же нам выбрать жестокость,
Потом – разносить этот рокот
По миру как праведный зов.

Коль выпала участь такая –
Живиночкой быть только нам,
То надо бы жить, понимая:
Безумно в окрестности рая
Так злобствовать по пустякам.

Рискуем мы здесь поминутно
Не частью природы,
А тем,
Что жизнь может просто и жутко
Исчезнуть с Земли, а попутно –
Везде, навсегда, совсем.

Воспоминание о забытой стране

Туда, туда, меж ёлочек-подростков
И древних елей – в лес большой,
Туда,
Где с чувств и мыслей свалится короста,
Налипшая за долгие года.

За лесом – даль озёрного пространства
И неба неизмеренная высь.

Там, может быть, ещё хранится братство
Со всеми, в ком свободно дышит жизнь.

Ну, пусть – не братство, а хотя б – соседство
Давнишнее. Пусть просто – старина,
Нас и природы сказочное детство,
Забытая любимая страна.

Она ещё жива. Нет, не забыто
То детство, что так хочется вернуть.
Наш подростковый возраст войнами испытан.
Куда ж теперь нам отправляться в путь?

Сочувствие

Свободное искусство соприродно
Высокогорным чащам и лугам,
Степям бескрайним и просторам водным,
Потокам, с гор стекающим свободно.
Всё это близко и земле, и нам.

Близки нам звуки леса и орга́на,
Полёт стрижа, как и полёт стиха.
Мы видим в переменах – постоянство;
Естественность не кажется нам странной,
Она лишь для несведущих дика.

Природа жизнь творит, а мы – искусство,
Что соприродно таинствам земли.
Мы превращаем красоту бесчувствий
В любовь и боль,
Ко всей земле сочувствие.
А в нём – искусства соль.
Поэтому – соли!

Ни буря, ни пожар

Ни буря, ни пожар природе не страшны:
От дел своих она пропасть не может;
И то, что все на смерть обречены,
Не истребит здесь жизнь земную тоже.

Яд этих катастроф – *не ядовит*,
Полученные *раны – не смертельны.*
Пройдут века, а у природы вид
Почти что тот же будет – самодельным.

Но если человек всё это сотворит,
Тогда – не так: ведь мы безмерны в деле.
Наш яд бывает слишком ядовит,
А раны могут быть смертельны.

Яд – не ядовит, раны – не смертельны
(Г. Торо: «Уолден, или Жизнь в лесу»).

Деревья

Царство деревьев

Мы – жители страны большой и многосложной,
Мы ей принадлежим и верно служим ей.
Её без нас представить тоже невозможно,
Как дерево без листьев и корней.

Здесь частые дожди, поэтому и влажно.
Зима хоть и длинна, но всё ж не круглый год.
Давно мы здесь стоим дворцом многоэтажным,
Который всем живым и кров, и стол даёт.

Да, многие из нас стремятся выше, к свету
В надежде на простор и даже на тепло,
Другие – не спешат, идут под полог этот,
Чтоб их не бил мороз и солнце не сожгло.

Давайте же себя послушаем. Оценим
Роль всех лесных колонн под сводами дворца:
Кто больше сил отдал для прочности строений,
Кто первым достигал полезных изменений
Для жизни общей и для каждого жильца.

Берёза

Я – первая на поле,
Где человек не сеет,
Где он не пашет больше
(Не хочет, не умеет).

Я – первая на гари,
Где лес сгорел однажды,
Где мы с сосною в паре
Смягчаем почвы жажду.

Пустоты без подроста
В лесу из старых елей
Я заполняю просто –
Собой (для общей цели).

Коль лес чуть жив иль помер,
К нему лечу я с вестью:
«Я – скорая, я – помощь
Тебе от сил древесных».

Я – только лишь начало,
За мной придут другие,
И встанут в новом зале
Колонны вековые.

Ель

Да, расту я неторопливо
И вперёд пропускаю других,
Потому что я терпелива
И уверена в силах своих.

Я держу за собой это место,
Потому что земля не пуста.
Не страшны мне ни сумрак древесный,
Ни древесная теснота.

Не спешу я расправить все ветки,
Обозначив к соседям вражду:

Рухнут наземь берёзы-соседки
И осины… а я – подожду.

И останутся рядом надолго
Только те, кто похож на меня.
Будет занято всё только ёлкой
Вплоть до стона пожарного дня.

Сухая сосна

Вот и я дожила до предела
Лет своих и размера ствола.
Да, кора моя отлетела,
Но ещё древесина цела.

Нет уж птиц и птичьих дитятей
На моих ветвях и стволе,
Прилетает теперь только дятел,
Что гнездился когда-то в дупле.

Даже ветер меня не качает:
Я – прозрачна, я вся – как скелет.
Но всё это меня не печалит,
Потому что я верую в свет.

Не внимала я часто призывам
Жить на высшем и долгом посту.
Я отчаянно светолюбива:
Там, где свет – там и расту.

Я жила не напрасно на свете,
Заполняя голь скал и степей:
Вот же, рядом – взрослые дети,
А там, дальше – дети детей.

Молодой дуб

Тот дуб – на жизнь меня моложе.
Почти – на жизнь… И что с того?
Он знает столько же, хоть прожил
Лишь дольку века моего.

Он знает: как пора настанет,
Всем почкам надо силу дать,
Чтоб листья, будто птичья стая,
Могли бы в небе трепетать.

Он знает: надо быть терпимым,
Не верить в полчища врагов,
И дать приют в лета и зимы
Всем тем, кому так нужен кров.

Сопротивляться надо ветру,
Который гневом обуян,
И восстанавливать все ветви,
Что повреждает ураган.

А желудёвый блеск осенний
От всех животных не скрывать:
Они – едят, они – и сеют,
И возрождают дуб опять.

Он верит: в мире своенравном
Всё ж обнаружится должна
От дуба этого – дубрава…
Она, как ствол его, прочна.

Вместе

Мы живём и всё делаем вместе:
Все – сильнее, чем кто-то один.
Лес – бесчисленных черт перекрестье
И поэтому непобедим.

Вместо ёлки пусть встанет осина,
Пусть берёза заменит сосну,
Лес останется сутью единой,
Несмотря на стволов новизну.

Все здесь делают общее дело,
Даже те, кто под землю ушли.
Все душою живою и телом
Защищают лик нашей земли:

И деревья, и разные травы,
Мхи, грибы, птицы, звери и те,
Кто почти что невидим. Все правы
В этой нашей лесной пестроте.

Всё, что делаем мы друг для друга,
Не желая, пожалуй, того, –
Не какая-то наша заслуга,
Это жизни лесной естество.

Только вместе,
Сплетаясь корнями,
Не давая прохода ветрам,
Мы продолжим ту жизнь, что веками
Каждый строил: да – с лесом, но – сам.

Отпор

Настигали нас разные беды:
И ветра, и стволовая гниль,
Листоеды, жуки-короеды,
Едкий дым и прочая быль.

Жёг пожар наших братьев по телу,
Убивали топор и пила,
Кто-то свалки и пустоши делал
Там, где старая роща росла.

Но мы снова потом возрождались,
Из бурьяна и пепла росли;
И опять лесом полнились дали
Разорённой когда-то земли.

Мы стоим, как бойцы на параде,
И не дрогнет стволов череда.
Создал нас бесконечный Создатель,
Чтоб скреплять землю с небом – всегда.

Метки наших предков

Цикл стихотворений о некоторых врождённых программах поведения человека и животных

(по мотивам книги В. Дольника
«Непослушное дитя биосферы»)

1. Вышина и толщина

Опасность чуя – вздулась жаба.
И – не подвёл её инстинкт:
Кто толще и на длинных лапах,
Тот получает выше чин.

Чем толще жаба, тем страшнее
Она для тех, кто хочет съесть.
И звери кажутся мощнее,
Когда топорщится их шерсть.

Да, рост и толщина – наглядны,
Чтоб ранг животного поднять.
А ум и сила – непонятны:
Как оценить на первый взгляд?

Полезны внешние знаменья
Для всех животных… и – людей:
Вот – есть трибуны для зачтенья
Докладов маленьких вождей,
Есть пьедесталы, монументы,
Портреты (тоже – *над* толпой),
Есть и другие инструменты,
Что так роднят нас с жабой той.
А тульи воинских фуражек?!
Они – как гребни петухов:
Чем выше – тем главнее (даже
Того, кто курицам покажет,
Где есть тут больше червяков).

Давайте надуваться смело,
Вставать на что-нибудь ногой.
Наш ранг так связан с крупным телом:
Ведь можно мериться – не делом,
А вышиной и толщиной.

2. Два лося, мальчик и ворон

Ферма. Лось. Забор простой.
За забором – лось другой.
И – сошлись: бодает первый –
Колья, жерди, колья, жерди,
И – другой бодает в лад…
Щепки в стороны летят.
Так проходят вдоль забора,
Не снижая ни напора,
Ни своих могучих сил…

Вдруг – ворота! Кто открыл?
Постояли носом к носу,
Но друг к другу нет вопросов:
Что-то здесь мешает им
Бить оружием своим.
И пошли опять к забору
С двух сторон. Под их напором
Снова – грохот, щепки, рык…

Тут – мальчишка: «Эй ты, бык!?
Струсил, что ли? (к лосю, видно,
обращается) Не стыдно
Отступать, когда сейчас
Можно рогом двинуть в глаз,
В морду и в чужую шею!?..»
«Это делать не умею» –
Возразил ближайший лось.

Вдруг мальчишке кто-то: «Брось!
Объясню я всё сейчас
(Ворон с ветки прокричал):
Ваши люди-человеки
Вечно делают набеги
На своих же. Кто сказал:
Ум людской – вот идеал?
К тем, в ком родственные души,
Только слабое оружие
Применяем мы,
А вы –
И стрелу из тетивы,
Камни, из железа палки
И какие-то стрелялки

Можете употреблять
И народ свой истреблять.
Голова у вас, похоже,
Что-то делает негоже.
А душа – ума раба,
И мораль у вас слаба.
Потому – в мороз и зной
Занимаетесь войной…»

А тем временем два лося
Колотить забор забросили,
Пожевали ивы лист
Да кору…
И – разошлись.

3. Два стада на пастбище

На пастбище горном – два стада овечьих.
Но в этом году – трудно с травой.
Еды – не хватает…
И пламенной речью
Баран вдруг заблеял.
А смысл был такой:

– Нас тут слишком много, есть лишние кто-то,
А значит, избыток ненужных нам ртов.
Не наших овец я тут чую.
Работа
Теперь нам такая: убрать чужаков!

– А как отличить их, похожи все очень:
Их шерсть – то светлее, а то – чуть темней?

– Найти нужно пятна на шерсти. Короче:
Тех – с пятнами – выгнать отсюда скорей.

– Но разные пятна я вижу на шерсти:
Вот – белые, есть и песчаная масть…

– Нужны нам такие из нескольких версий,
Которые выгодно нам принимать.
Тогда эта часть травоядного рода
И будет считаться барано-овцой,
Дадим им всем пастбище, также – свободу
Быть – здесь, не считаясь с волей иной.

Чужих мы прогоним, конечно, отсюда,
А здесь будет сытно, исчезнет вражда,
На первых порах, может статься, и трудно,
Зато уж потом… Все скорее – сюда!

Тут многие стали отыскивать пятна,
Кого-то – и выгнали (больше – ягнят).
В «гонял» превратился каждый десятый…
Но травы обильно расти – не хотят.

… А время всё шло. И баран (но не прежний)
Сказал, что исходный баран был не прав:
Что дело не в шерсти, вообще – не в одежде…
Тут спор затянулся… Но нам уж – пора.

4. Послесловие о полуприродной войне

Сложна природа, да и жизнь сложна…
(Ещё и постигать сама себя должна!?)
Бывает, как с пословицей: она совет даёт,
Но мы всё делаем наоборот.

Животных эволюция ведёт туда,
Где есть для них удобная среда
(Конечно, в том числе – обильная еда).
Но действует и вот какой закон:
Коль очень сильно ты вооружён,
Ну, например, имеешь рог, клык, яд,
Их применять законы не велят
К своей родне. А это значит: зло
Такого рода, вроде бы, ушло.
Но человек легко вооружён
И потому от зла не ограждён.
Зато достиг он сильного ума,
В котором оказалось мыслей тьма.
И понял скоро человек, что надо
Иметь оружие сильней рогов и ядов.
Оружье новое, но – старая мораль,
Которая нам позволяет, как ни жаль,
Коль нет запрета в нас – не бить своих,
А жар агрессии природной не утих,
Вести давно непобедимый бой
С самим собой,
С самим собой.

Стихи русских поэтов голосами животных
(отрывки)

У лукоморья

У лукоморья стало сыро,
Там ныне ель, ольха, сосна.
Учёный кот давно уж вырос,
Ушёл в иные времена.

Но на протоптанных дорожках
Ещё видны следы зверей.
В избушке (не на курьих ножках)
Есть окна (правда, нет дверей).

Ещё там леший где-то бродит;
Русалку видели давно,
Яга куда-то делась (вроде б),
Но это, впрочем, всё равно.

Там царь Кащей над златом чахнет
(Но нам-то золото зачем?!),
Там дух лесной чащобой пахнет
И не отбить его ничем.

Там лес и дол видений полны,
А из видений (лёгкий труд!)
Животные там создают
Стихи невольно и привольно
О жизни птичек и зверей
В чаду совсем недавних дней.

Молчание!

Молчи, скрывайся и таи
Запасы беличьи свои.
Их прячь в земельной глубине,
Под листьями, в дупле и пне.
Ты зубы верные точи,
Запасы делай – и молчи.

Жить для себя самой умей:
Создай запас еды своей.
Когда настанет день забот,
Твой клад никто не заберёт.
Ты от него храни ключи,
Заначку кушай – и молчи.

Умом не понять

Умом чащобу не понять,
Да и ума здесь – птицы, звери…
Здесь даже мишки – наша знать –
В чащобу могут только верить.

История государства чащобского

Послушайте, что вспомнил
О том, как было встарь,
Наш ворон:
– Лес огромный
Стоял, медведь был – царь.

В лесу – стволы застыли,
Скрывая свой секрет.
Всего вокруг – обильно,
А вот порядка – нет.

Задумал сильный ветер
Почистить наш удел,
Чтоб за «порядком» этим
Другой кто присмотрел.

Он повалил деревья
(Осталась только треть).
И вот, итог узревши,
Скончался царь-медведь.

Но расплодились быстро
И гриб, и короед.
И стало тут нечисто,
Да и порядка нет.

А всех жуков свирепей
Возник такой палач:
Он грыз наш лес, как репу…
А звать жука – усач.

Он разных насекомых
Насильно подчинил,
Построил им хоромы…
А лес всё гнил и гнил.

От этой перемены
Пропали кедр и дуб.
Порядок стал отменный,
Хоть и отменно груб.

Но пищи стало мало
При том лесном царе.
Всё царство обветшало,
И жук-усач умре.

Потом пришли напасти
От разных прочих бед –
Личинок разной масти,
Грибов… на много лет.

И пусть не слишком сладко
Жить при клеще, хруще,
Но лучше, чем в «порядке»,
Что был при усаче.

Лес отрастал немного,
Явился и подрост.
Порядок стал нестрогим,
Был строгим, правда, пост.

Теперь – не те приметы:
Порядок! жизнь – на плюс…
Подробности?
Об этом
Я говорить боюсь.

Правила жизни

Коль дружить, так с волком смелым,
Коли драться, так за дело,
Коли падать, так в траву,
Коли грызть, так наяву.

Коль бежать, так без оглядки,
Коли спать, так очень сладко,
Коли выть, так уж зимой,
Коль кусок, так уж большой.

Крайний северянин

Я – очень крайний северянин:
Мне мишка бурый – не родня.
Я – белый: посмотрите сами,
Какая шкура у меня.

Я покорил снега и полюс,
Я все торосы покорил,
Я проявил стальную волю,
Порвав при этом восемь жил.

Я – не слуга, я – царь народа:
Тюленей, рыбы и моржей.
Могу я северным проходом
Пускать в Америку людей.

Теперь живу не так, как ранее:
Я на конфетах утверждён,
Омониторен, оэкранен
И в зоопарках разведён.

Да, для меня простор полярный
И ныне – жизни образец.
Я – символ жизни авангардной
И белизны её венец.

Песня вальдшнепихи

Не спи, кулик вальдшнепный,
Я здесь, я на лугу.
Хрип подавай волшебный:
Ты у меня в долгу.

Не спи, борись с дремотой,
Не прерывай труда,
Ты крыльями работай,
Лети скорей сюда.

В пространствах беспредельных
Материя темна,
В теориях модельных
Не ясно ни хрена.

А здесь – такая ясность,
Лети, дружок, хрипи,
Ты не сиди, будь ласков,
Как псина на цепи.

Лети без проволочек
Над кронами берёз.
Туда, где много кочек,
Спусти свой длинный нос.

Не спи порой весенней,
А то… а то – смотри ж…
Лети ко мне, мой гений;
Я чувствую – летишь!

Быть слишком тучным – некрасиво

Быть слишком тучным – некрасиво.
Не это поднимает ввысь.
Не надо слишком экспрессивно
За землеройками нестись.

Охоты цель – азарт удачи,
А не шумиха, не успех;

Хотя, конечно, есть задача
Ловить мышей. Зачем же всех?

Нет, надо жить без самозванства.
Я – не одна: есть много сов.
Весь лес – совиное пространство,
Не запертое на засов.

Нет, надо делать и пробелы,
Оставив часть живых мышей,
А также зайцев, птиц и белок
Для сов иных семьи своей.

И можно падать в неизвестность,
Запрятать в ней свои следы,
Отправившись в иную местность,
В лесные тёмные зады.

Чужие по живому следу
Там не пройдут за пядью пядь:
Ведь ты про личную победу
Лишь близким можешь сообщать.

Ты должен быть семейной долькой
Всего совиного кольца
И кушать много,
Но лишь столько,
Чтоб не случилось вдруг конца.

Зубы

Не позволяй зубам лениться.
Коль ты пожить ещё не прочь,
Они обязаны трудиться
И день, и ночь, и день и ночь.

Не разрешай им спать подолгу.
Чуть рассвело – и сразу в путь,
А то положишь их на полку –
Придётся ноги протянуть.

Коль дать им вздумаешь слабинку,
Освобождая их от пут,
Они последнюю шерстинку
С тебя без жалости сорвут.

Ты их держи, сжимая челюсть,
Пока осину не грызут.
Они – твоя немая челядь,
Их дело – долгий, тяжкий труд.

От них должна кора дробиться,
Иначе ты – какой же лось?
Они обязаны трудиться,
Чтоб сохранить их удалось.

Большая элегия долгому дождю

(с сокращениями)

Джон Донн уснул, уснуло всё вокруг.
Уснули стены, пол, постель, картины…
Иосиф Бродский

Медведь промок. Промокло всё вокруг.
Промокли мхи, подстилка, травы,
Листва деревьев, корни, даже сук,
Который подминал медведь упрямо.
Повсюду дождь: в лесу, в полях, в селе,
Среди стволов и у реки промокшей.
Промокли звери, птицы – твари все.
Что может быть на свете этом горше?
Вода повсюду – в воздухе, в земле,
На пнях, кустах и на медвежьей шерсти,
На рухнувшем осиновом стволе.
Промокли сойки, лисы, черви, шершни.
Промокли мысли и картины те,
Что представлял себе медведь заранее.
Уже не в той, казалось, чистоте
Он будет жить, когда зима настанет.
Вода везде…

Но – чу! Ты слышишь – там, на высоте,
Там плачет кто-то или шепчет в страхе.
Там кто-то предоставлен пустоте.
И – плачет он. Там кто-то есть во мраке.
Так тонок голос, будто бы игла.
А нити нет… и он так одиноко
Плывёт в воде. Повсюду эта мгла…
И эта лужа… как она жестока.
Не ты ль, душа моя, поёшь во мгле
Так жалобно?.. не ты ли плачешь
Одна, как я сегодня на земле?..
Неужто ты не можешь петь иначе?

«Я вовсе не душа. И ты ещё не стар,
Чтоб верить всем душевным наважденьям.
Я не душа твоя, я – лишь комар.
К тебе я обращаюсь за спасеньем.
Очнись, очнись, прими меня к себе,
Туда, где ты сидишь, туда – под ёлку.
Едины мы в сегодняшней судьбе,
И я, приняв тепло, тогда умолкну.
Открой свой нос, ведь сколько будет лить
Проклятый дождь – не знаем: дни? недели?
Но если можно с кем-то кров делить,
То мы давай и нашу кровь разделим.
Давай жить вместе. Где же ты, ответь?
А! Вот – нашёл: как будто это – ухо…
Не я рыдаю, плачешь ты, медведь,
Пока не станет солнечно и сухо.
Лежишь один…»

Подобье птиц, он спит в своём гнезде,
Доверив мокнуть всей лесной округе.
Промокло всё. Навечно и везде.
Но сухо, видимо, в медвежьем ухе.
Сшивает дождь различные тела.
Они сегодня, может быть, едины.
Медведь за ухом чешет, но цела
Вся кожа, только лапы стынут.
Промокли все. А над землёю пар.
Промокли все (возможно, кроме уток).
Но будущее делает комар,
Найдя в медвежьей шерсти промежуток.

Предсказание

Лес, тишина, река да поле…
То – серый, то – зелёный свет.
Иди хоть тыщу вёрст, хоть более –
Конца чащобы нет и нет.

Пройдут века, века иные,
Нам не уйти от этих мест.
Всё будет так же, как и ныне,
Всё те же – поле, речка, лес
(Коль вырубок не будет здесь).

СТИХОТВОРНЫЕ ДИАЛОГИ

Разговор с одним из Создателей

Создатель мира смежного
(За мраком чёрных дыр),
С «тарелки» лётной спешившись,
Вступил в подлунный мир.
Там, превратясь в подобие
Любого из всех нас,
Спросил меня:

– Удобно ли
Вам говорить сейчас?
– Удобно, но мне кажется…
Приезжий перебил:
– Здесь всякий житель важен мне,
Хоть я не здесь служил.
Скажите откровенно мне,
Без всяческих прикрас:
Когда грехи военные
Здесь были в прошлый раз?
– Земные люди кликают
К себе войну давно.
Была война великая,

Теперь – других полно.
– Не могут быть великими
Война, обман, разбой.
Какие же тут дикие
Причины жить с войной?
– Для войн причины разные
(Не две, не три, не пять):
От жадности, от праздности,
От зуда пострелять.
Наш Бог за наши лихости
Всем волю дал давно…
– Свобода воли в дикости?!
Пожалуй, не умно.
– Но, говорят, по образу
Мы созданы Его?
– Скажу Вам, житель, попросту:
Не вышло ничего.
При вашем сотворении
Создатель пожалел
Своей родной материи
Для ваших душ и тел.
Слепил Он вас из пористой
Непаханой земли.
Отсюда ваши горести,
Возможно, и пришли.
Не дал Он сердца чуткого,
Где от убийства страх
И угрызенья жуткие,
Использовал – лишь прах.
– Ещё Он Змея выдумал
И странную страну,
Где на погибель, видимо,
Адаму дал жену.
– Ну, опись мироздания
Творец ваш упростил,
Что б вам для понимания
Людских хватило сил.
Но к странному решению
Творец тогда пришёл:
Создать несовершенное
И верить: «Хорошо!»

А если лишь для опыта
Он сотворил ваш свет,
Тогда не надо б ропота:
Вины на людях нет.
И что-то слишком медленно
Эксперимент идёт:
У нас пути изведаны,
А Он чего-то ждёт.
– А там, где Ваши, смежные,
Находятся места,
Есть люди? Все – безгрешные?
Нет войн? Вся жизнь – не та?
– Планеты очень разные
И всё ж нет ни одной,
Где жители опасно бы
Играли в смерть войной.
– Но как же в Ваших высях-то,
Скажите, мудрый Гость,
Создать народ – и мыслящий,
И мирный – удалось?
– Я частью сердца Божьего
Пожертвовал для них,
Чтоб стали осторожнее,
Не трогали других.
А если где мучительный
Вдруг возникал затор,
Решал тогда включиться я
В естественный отбор.
И в гене прогрессивности
Разрушил те пути,
Что к свойствам агрессивности
Могли бы привести.
– Так, значит, нет случайности
Там, где возникла жизнь?
– Нет, есть, но – не до крайности:
Смешно не дорожить
Всем тем, что раньше вызрело.
Но всё же я всех лиц,
Кто с лезвием и выстрелом
Вошли в состав убийц,
А также их поднатчиков,

Зачинщиков и проч.,
Наметил в неудачники.
Им уж нельзя помочь:
Пришлось принять решение
(И тот закон суров) –
Запрет на размножение
Подобных чудаков.
– А нашему Создателю
Помочь бы не смогли?
Соседу, по-приятельски?..
Ну, хоть бы – для Земли?
– Нет, этого, любезный мой,
Я сделать не могу:
Есть правила железные
На каждом берегу.
Но просьбу Мы внимательно
Изучим. И ответ
Вам даст Совет Создателей,
А после – обязательно
Отправит в интернет.

…Вдруг – взрыв! «Тарелка» лётная
Ушла за горизонт,
И тьма распалась плотная,
И мой растаял сон.

Регистратор RZ

Его я встретил около погоста.
Стоял он, прямо глядя на закат.
Был худощав, немаленького роста,
В берете, епанче, немолод, черноват.
Глаза косят. Их блеск какой-то странный.
А башмаки протёрты и в пыли.
Разговорились:
– Нынче осень рано…
– Зато грибы хорошие пошли…

Спросил его (поняв, хоть и неточно):
Где служит, где живёт и как сюда попал.

Он улыбнулся:
– Я служу в спецпочте…
– Давно?
– Да, стаж уже не мал…
Ну ладно, маски прочь! Ведь сколько ж
Сказаний вы придумали о нас:
«Я – часть той силы…»
Вспомнил?
Можешь больше
Узнать, когда поговорим хоть час.
– Я любопытен, но боюсь той силы,
Которая распространяет зло.
– Не бойся: зло мы в мир не приносили,
Его на Землю с вами занесло.
Моя задача – дать отчёт. Создатель
Подсчитывает данные о том,
Чего в вас больше. Не робей, приятель:
Мы этот час неплохо проведём.
– Но ты не хром, и встретился не ночью,
Не в скалах, не в пещере, не в лесу.
– Что ж, всё идёт вперёд, сменилась цель и почва,
На коей службу тяжкую несу.
Не соблазнять я ныне должен смертных,
А изучать размер и быт грехов.
Мне надо наблюдать – что нового заметно
Из года в год в течение веков.
Я – Регистратор дел, увы, не белых,
Чтоб дать Создателю когда-нибудь ответ
О результатах Опыта, что сделан
Здесь, на Земле (отсюда – буква «зет»).
– А о добре земном Создатель слышит?
– Доложат ангелы, о добром болтуны.
– Их много?
– Много, хоть добра – не слишком.
Они по видам все объединены.
– А вы?
– Подручные мои многосторонни;
Но есть спецы по зависти, вранью,
Насилию, предательству, по войнам.
Итог же – я Создателю даю.

– Тогда скажи: зла стало больше в мире?
Вернее – на Земле? И что произошло
В последние столетья:
Уже или шире,
Распространилось или ссохлось зло?
– Грехи всё те же в вас. Не вижу перемены.
Их Алигьери описал отменно,
Хотя смешно грехи тогда покрасил
В цвета одной (конечно – римской) ипостаси.
– Неужто нового в землянах не заметил?
– Заметил многое, что стало здесь в ходу.
Не сообщу я только цифр да сметы,
А лишь примеры.
– Говори, я жду.
– До круга пятого, что в книге Алигьери,
Грехи не изменились. Но в шестом –
Их стало меньше. Что – не веришь?
Клянусь водою и огнём!
Вот ереси – почти не числим в греховодстве.
Для нас ваш опыт стал, как для оливок – пресс:
Пришлось признать, что ересь – не уродство,
А часто даже – правда и прогресс.
Зато явились старые пороки
Под новой маской и в большом числе.
Вот, например, такие есть «пророки»,
Желающие рай построить на Земле:
В них вера есть (как будто в аксиому),
Что рай помогут строить адские приёмы.
– Цель благородная оправдывает средства?
Ведь главное же – обрести её?
– Нет, нам указано: коль зверство – это зверство;
А цель – ничто. Зато движенье – всё.
– Про «рай» я знаю: был в таком «раю».
Как двигались туда, я тоже очень знаю,
И «средства» наблюдал почти всю жизнь свою,
Но только не увидел «рая».
– Корысть и зависть борются друг с другом…
– Но разве это новость?
– Новость каждый раз.
Коль зависть победит, тогда с богатством туго,

Коль жадность – то большой контраст
Между людьми.
– Я знаю, как их сочетать.
– Кого?
– Корысть и зависть: надо их менять.
– Кому?
– Конечно – руководству,
Чтоб год от года плюсы и уродства
Хозяйства – изменялись…
– Ты – «знаток»!
А вот ещё один урок:
У ваших войн забавные причины:
Коль Бога по-другому назовут,
То и война вдруг возникает тут,
И все бегут туда, не видя паутины.
Мне не понять, я очень удивлён был,
Узнав о битвах из-за сих словес.
Ведь скажет вам любой ребёнок,
Что *«Лес»* и *«Wald»* – всё тот же лес.
Ещё заметил новые симптомы
Болезни старой, но с иным апломбом.
И это – не насилие, не лесть,
Не ложь, не гордость от незнания, –
Весьма заразная болезнь,
А звать – «победомания».
– Слыхал, при ней – и жар, и сип;
Похожа, кажется, на грипп.
– Опасна для страны, и для людей коварна,
Весной бывает регулярно.
– Откуда в людях зла так много?
Не лучше ль жить жуком или миногой?
– Зло – это самовластья плеть,
Что разрушает чьи-то души:
Коль силы нет себя терпеть,
То надо – мир чужой разрушить.
– Зачем, скажи, нужны грехи и зло?
Неужто мир от них не может быть очищен?
– Вам всем, приятель, просто повезло:
В мирах беззлобных страшная скучища.
Создатель мог бы, если б захотел,

Зло упразднить решением всесильным,
Но у него и так немало дел.
– А жизнь?
– Что – жизнь? Пусть необильно,
Но продолжается.
– На скольких из планет?
– Не знаю: то – дела не наших полномочий,
Но знаю, что на вас похожих – нет,
И все похожи в тоже время, впрочем.
– Так! Жизнь возникла в разных вариантах?
– О, да!
– А результат? Каков её итог?
– Не знает даже Бог.
Зависит всё от ваших всех «талантов».
– Мне не дожить. А вам бессмертие дано?!
– Но мне оно, увы, без интереса:
Бессмертие уже осуждено,
Поскольку не ведёт к прогрессу.
– А в чём прогресс?
– Не знаете? – Беспечность!
Живёте техникой, наверное, ха-ха!
Подумай! Ну же?! – В физике, конечно,
И в биологии; другое – чепуха.
…Я пошутил; хотя и есть часть правды
В словах, произнесённых для затравки.
– Я понял сразу: ты – большой шутник.
– Шутить нельзя: пока ещё на службе.
Но нынче выходной, и развязать язык
Могу, пожалуй. Некто мне по дружбе
Пожертвовал пирожное, ситро…
Приятно ублажать своё нутро!
– Вот так и мы…
– Не только в выходные
Вас соблазняют сладости иные.
– Но всё же, пусть пороки те же,
Что были раньше, чаще ли они
У нас?
– На кол сажают, кажется, пореже,
Чем в прошлые, мне памятные, дни.
– Что ж будет с миром?

– Время подтвердит
Мою ненужность: вот – кредит.
– Что это?
– Диплом о пенсии на тот печальный случай,
Когда закончит свой пробег
Животное, чьё имя – человек.
– А дальше что? Быть может, будет лучше?
– Жизнь здесь пока не прекратится,
То в форме дерева, то бабочки, то птицы,
Неважно.
– Для тебя, а что же с человеком?
– Хозяин он своей судьбы.
Пусть занимается спортивным бегом,
Войной, охотой. Если без борьбы
Не мыслит он своё существованье,
То, видимо, его исполнится желание.
– Террор публичной власти стал сильней,
А частный человек слабей, бесправней,
Хотя и нет единых правил…
– Тебе-то это, думаю, видней.
О людях мне судить совсем не просто,
Ну, а по должности и вовсе не с руки.
Но всё же – мало люди задают вопросов
Начальству. Очень вы робки.
– Такой отчёт и понесёшь ты к Богу?
– Ему представлю всё, как есть.
– Ты сделал бы анализ, хоть убогий.
– Он разберётся Сам во всём, что здесь.
Ведь я веду людским грехам учёт,
А о добре реестр – Главангел принесёт.
– Но мне ты не сказал, какими стали люди:
Пороков больше ты увидел в этот раз,
Чем раньше?
– Всё, как надо, будет…
Потом узнаете – без нас, без нас…
– Когда?
Чего не отвечаешь, Регистратор?
Уж больно ты неясен… иль хитёр?..

Я огляделся: дым, пустырь, ограда.
Нет никого. Передо мной – костёр.

На ближней даче

На ближней даче, где-то под Москвой,
В саду, на кресле, что стоит в беседке,
Сидел генсек.
Вдруг над собой
Услышал крик вороний.
Ветки
Соседних вишен закачались вдруг,
И хрустнул где-то рядом сук.

Генсек увидел тёмную фигуру…
– Ты – кто?! Ты как сюда попал?!
Эй, стража! Власик! Генерал!
– Молчи: чего вопить-то сдуру?
Никто не слышит. Разве не узнал?
«Я – часть той силы…». «Фауст» здесь не в моде?
– А, понял: чёрт?! Ну, что-то в этом роде…
– Ха! Понял? Вы свои грехи
Готовы приписать нечистой силе.
И ты такой же?
– Этой чепухи
Не признаю, хоть это мы учили...
Зачем пришёл?
– Ты очень любишь власть?
– Не ради власти, ради коммунизма.
– Ну как мне в смех, прости, не впасть,
Коль веришь в форме терроризма?
– Пришлось вести борьбу.
– Я знаю.
Про инквизиторов и ведьм, бывает, вспоминаю.
Но ты ж не веришь в цель! Конечно – нет,
Что для диктаторов – обыденный сюжет.
Ведь что потом: конец земной истории?
Скорей – конец придуманной теории.
Конца движению не будет никогда,
Пока есть мир, а в нём – светил стада.
А твой конец уж скоро: ты же болен…
– Когда же?!
– Отвечать не волен
И интереса нет.

– К чему?
– К тебе. Зашёл попутно:
У всех диктаторов, в любой стране
Одно лишь на уме. Все люты и надуты.
– Но я…
– И ты. Похожи все, как в СССР – трусы…
Вот разве что – усы… *(Пропадает)*

Гамлет-отец и Гамлет-сын

Отец.
А! Вот и ты. Коль ныне в виде тени,
То, значит, умер… Что ж, привет, мой сын!
Просил когда-то я тебя о мщении.
Ослушаться ведь не было причин?

Сын.
О да, отец! Я сделал это. Только
Я мать свою не смог, увы, сберечь.
Пусть месть сладка, но послевкусье горько…

Отец.
Уж ты не на неё ль направил мести меч?

Сын.
Нет-нет, отец. Конечно, нет. Я медлил,
Но сам король всё дело убыстрил…

Отец.
Ты медлил? Шил на зайцев петли?
Иль просто – не хватило сил?

Сын.
Пришлось себя с окрестным миром сверить…

Отец.
И долго мерил?

Сын.
Долго…

Отец.
Что потом?

Сын.
Людское свойство – бить, конечно, первым
И – правым быть: всегда, везде, во всём.

Отец.
А разве – нет? И повода для мести
Ты не нашёл?
Сын.
Нашёл, нашёл, нашёл.
Отец.
И что же?
Сын.
Я размышлял о чести…
Отец.
О чести? И куда же ты забрёл?
Сын.
Под бременем своих несовершенств
Я захотел понять, как человеку можно
Затеять низкий помысел, поступок, жест,
Не мысля о своей душе подкожной?
Отец.
Борьба с неправдой (правда ведь, скажи?)
Приводит часто только к новой лжи.
Сын.
Да, миру навязать несложно
Тобой придуманный ответ.
Но будет ли такой ответ не ложным?
Скорее – нет.
Но если к своевольным честолюбьям
Добавить волю высшую, тогда
Быть может и свершиться чудо…
Отец.
Так как ты действовал? Открыто, да?
Сын.
Я ждал, когда меня поддержит провиденье:
И месть тогда – уже не преступленье.
Отец.
Дождался?
Сын.
Да, я действовал успешно,
Когда нет выбора. Но всё же – не безгрешно:
Смерть матери, Офелии, других…
Отец.
Что ж, смерть догонит также остальных.

Сын.
Как долгий дождь рождает наводненье,
Так и убийство гонит к новым преступленьям.

Отец.
Так создан мир.

Сын.
Так создан… но – не мой.
И всё же зло в его ж ловушку
Загнать мне удалось разок-другой,
Когда я с провидением-судьбой
Совместно действовал отчаянно-послушно.
И вот – свершилось: наступил конец.

Отец.
Но ведь и ты погиб, подозреваю?

Сын.
Что ж, чем-то жертвовал и Бог-Отец.
Не видя ада, как достигнуть рая?!
Я лишь хотел не дать дождю пролиться…

Отец.
Что ж надо было делать?

Сын.
Мне – молиться.

(В стихотворении учтены некоторые мысли, приведённые в статье А. Машевского о трагедии В. Шекспира «Гамлет»: журнал «Нева», 2012, №4)

Юлий и Публий

Они сошлись недалеко от Рима.
Здесь Юлий – жил, а Публий – ехал мимо:
На вилле – Юлий, Публий – на осле.
Остановив осла у виллы, Публий слез.
Рабы, что у ворот стояли, странно
Смотрели на него.
– Я – летописец бранный…
Потом, подумав, рявкнул, будто здесь парад:
– Для Юлия здесь Публий – воин и легат!

Какой-то раб ушёл. Пришёл. А позже – Юлий.

Юлий: А, это ты! Уж год как мы вернулись
С последнего похода. Ты уже легат?

Публий: Смеюсь, конечно: я – поэт всего лишь, брат.

Юлий: Идём *(уходят и устраиваются для трапезы)*.
О чём стихи – титанах и богах?
Или попроще – о пастушках-пастухах?

Публий: Нет, воспеваю только битвы наши,
Но так, что золотом и серебром не крашу.

Юлий: Зачем же портить столь блестящий след?
Ведь без побед – и славы нет!
Нам нужно сохранять ту правду, что всех краше,
Которая прославит нас и время наше.

Публий: Но правда – не в борении и славе.

Юлий: А в чём же?

Публий: *(смеясь)*: Ну конечно, в правде.
Несчастье, счастье, дождь и суховей,
Победы (их, конечно, прорва),
Но также гибель лошадей, людей,
Бывает – целых легионов – под Фигсдорфом…

Юлий: Твоим рассказам, Публий, не поверят:
Все факты люди нашей мерой мерят.

Публий: То, что записано – вот правда! И при этом
Особенно – когда записано поэтом.

Юлий: А ну как я тебя зарезать прикажу?!
И после – все листки твои сожгу?!

Публий: Друзья запомнили все строки,
Что я когда-то написал…

Юлий: Ну, ладно: старые уроки,
Как всё и всех, сотрёт девятый вал.

Публий: Так, Юлий, так: что нам о будущем гадать?
Ты лучше прикажи ещё вина подать.

Рыцарь и прохожий

В таверне, что у ро́сстани стояла
Дорог – неведомо каких,
Вели беседу рыцарь в шлеме без забрала

И неизвестный;
Этих вот двоих
Я видел раньше: где, когда – не помню,
Поскольку в голове – каменоломня.

Про пыл сражений вспоминал тот рыцарь,
Про подвиги – отряда и свои:
Как перешли они какую-то границу
У мутной затуманенной реки,
Как осадили город малый,
Разбили войско, что пришло потом
На помощь городу, как город разоряли…
Потом был праздник – с песнями, вином…

Но собеседник был весьма скептичен:
– За что сражались, друг, пожалуйста, скажи?
В твоей стране, я знаю, много нив и дичи.
Зачем идти в чужие рубежи?
– Соседи наши глупы и беспутны:
Все пьют не то, едят не ту еду,
Они неправильно одеты и обуты,
Не знают то, что очевидно людям;
О странах всех – совсем неверно судят,
Дудят в какую-то фальшивую дуду,
И к нам, похоже, чувствуют вражду.
Ещё – в богах неверных веруют;
А если – в правильных, то так, что нам,
Которые богов узнали первыми,
Не бить соседей – стыд и срам.
– А вам-то что?! Пускай живут, как знают.
– Они – для нашей черни образец.
Мы не потерпим ослабленья края…
К тому ж – у нас профессия такая:
Сраженья – жизни слава и венец.
Я победил великого Урюка,
Потом – Изюма с юга победил.
Я буду славен у детей и внуков…
– Есть дети у тебя?
– Нет времени и сил.
– Ещё, наверное, вам надобна добыча?
Для войск могучих – это не пустяк?

– Конечно, это важно, только нынче
Не так, как раньше… ну, почти не так.
– А есть ли на Земле неглупые соседи…
Ну, там, где жители похожи все на вас?
– Похожи будут, коль одерживать победы
Над ними. И то – не каждый раз:
Ведь у чужих – о, чёрт, такую матерь! –
Все жители – кто жулик, кто предатель.
Все норовят подумать о себе:
Там каждый третий – книг пустых глотатель,
Второй – семейства чинного ваятель,
А то – пустых делишек собиратель;
Никто не думает о мировой судьбе!..

…Из горла рыцаря летели рык и слизь.
Во мне смешались грусть, тоска и жалость…
Собаки, что к таверне собрались,
Услышав рыцаря, в лес ближний убежали.
И я бежал в просторы чащ лесных
Пока звук бурной речи не затих.

Гость

Дорогу, кажется, он знал, но не заметил,
Как очутился там, где раньше не бывал.
Холмиста и дика здесь оказалась местность,
Лес тёмен был и высотой не мал.

Ручей сверкал, вдали сияли горы,
Дышать легко, усталость вдруг прошла.
Куда он шёл так долго и упорно?
Куда тропа слепая завела?

От серебра росы трава к земле приникла,
Хвоя дышала, тихо лось бродил,
Пел рябчик, бегал лис, цвела черника,
Жук древесину старую точил…

Вдруг изменилось всё в одно мгновенье:
Хвоя не шепчет, птица не поёт.

Недвижность. Тишина. В природе нет движенья,
И даже вод остановился ход.
Ну что же это? Что за представленье?
Задумчивость? Времён переворот?..

Но голос он слышит из чащи молчащей:
– Сейчас всё вернётся в день настоящий.
Я – Дева лесная, я – леса душа,
Я очень боюсь человека.
Когда он приходит что-то решать,
То я замираю, как зимние реки…
Но ты, может быть, со мной плохо знаком?
Обсудим тогда всё – твоим языком.

…И мир стал снова звучным и подвижным:
Запели птицы, зажурчал ручей,
А голос Девы стал, как будто, ближе –
Слышней и, главное, ясней:

– Тебя боятся все: они не знают,
Куда идёшь, и что же будет с нами?
Вот и сегодня – ты желал быть первым,
Но вновь пошёл дорогою неверной.

– Но кто ж ты, Дева? От какой природы
Ты получаешь просьбу и наказ?

– От дикой, вечной и свободной.
Но вечность всё ж зависит и от вас.

– От человека?
– Да, который
Преобразился очень скоро:
Он был таким, как мы, потом – как гость незваный,
Воспитанный среди каких-то банд,
Родной Земле стал наносить изъяны,
Как будто глупый оккупант.
Себя считает главным (как бы по уму).
И что же? Гибнет лес и живность, а ему,
Прельстившемуся этой ролью,
Всё мало: надо больше, больше, больше.

– Мне надо лучше есть, а жить
Не в поле, а – в жилище,
Что б от природы защитить
Себя, семейство, пищу.

– Ты правильно искал свободы от природы,
От крайностей её: от голода, жары,
Искал той пищи, что тебе в угоду;
Ты приручил огонь, ты ввёл в дома костры.
Но в некий миг ты слишком возвеличил
Значение незрелого ума.
Ты, оказалось, как ни странно, ищешь
Путей прямых…
Но жизнь – не так пряма.

– Не понимаю я тебя опять.

– Коль можно десять лет ещё доить корову,
Зачем её вдруг убивать?!
Не стоит превращать защиту – в катастрофу;
Не надо волю отдавать пиле,
Когда собрался жить на дереве, в дупле.

– Неправильны твои претензии и стоны:
У нас же есть охранные законы…

– О, как стара, я помню, эта тема:
Законы есть, с законностью проблема.

– Жизнь коротка, подвижна и туманна,
Не ясен также дальний эпилог…

– У нас не так: изменчивость рождает постоянство,
А в крайностях – движения залог.
Былая жизнь – стволы, хвоя ли, листья,
Вся смерть – прислуживает жизни.

– Постой! Я вспомнил: был на белом свете
Один философ (многих был умней).
Он как-то правильно заметил,
Что человек – есть мера всех вещей.

– Нет! Мера всех вещей – не ты,
А та немыслимая сила,
Что мёртвой вечности черты
В цветущий сад преобразила.
Она – сама себя ведёт
Дорогой новой, неизвестной.
Пусть не намечен жизни ход,
Итоги – всё равно чудесны.
Да! Жизнь – вот мера всех вещей.
И пусть лишь ей дано страданье,
Но также ей и только ей
Подвластно миропониманье.
И не о том сегодня речь,
Кто здесь важней – лес, люди, звери, птицы, –
А просто надо чудо-жизнь беречь,
И верить в жизнь, и жизни покориться…

…Вот стала удаляться Дева,
Но голос слышен был, всё более слабевший:

– Прощай… Вот – дорога…
В твоём ремесле
Надо б ошибки поправить.
Тогда будет вечной жизнь на Земле,
Мирам не зелёным – на зависть.

Разговор с медведем про жизнь

Сидя у костра с медведем
(После длительной ходьбы),
Занимались мы беседой
О превратностях судьбы.

– Я не верю человекам –
Утверждал, хрипя, медведь –
Одарён зерном, и млеком,
И скотиной – правда ведь?
И зачем ему охота?
Диких жителей зачем
Убивает он охотно
И природу губит тем?

– Мы кормились раньше вами –
Дичью – птицами, зверями,
И привычек тех набор
Сохранили до сих пор.
Любим мы стрелять в живое
И железом резать плоть,
Тешить сердце удалое…
А случается такое –
И друг друга заколоть.

– Да, охота друг на друга –
Ваша главная наука.

– Не скажи: мы пашем пашни,
Приручили кой-кого –
И зверей, и птиц (из ваших),
Вот – и мясо-молоко.

– Только одолела жадность:
Всё вам мало и – всего.
Города и пашни – ладно,
Остальное – для чего?
А дорог-то стало сколько!
Очень много… как людей.
Ограничили вы вольность
Всех простых, как я, зверей.

– Говорят, мы улучшаем
Все природные черты:
Повышаем урожаи
До громадной высоты,
Что-то новое выводим…
То, что есть в самой природе,
Лучше делается (вроде б),
Больше пищи стал запас,
Говорят, что – и для вас.

– То, что вам идёт на пользу,
Отражается в нас болью.

– Но не всем же? Сохраняем
Тех, кому жить тяжело.
Пусть мы волю их отняли…

– Это, друг мой, тоже зло.
Почему вот человечьи
Преступленья (так смешно!)
Вы зовёте *зверством* вечно,
Хоть всё это – вам дано:
Пытки, ложь и вероломство…
А на кол сажать людей!?
Разве это – *зверство*?
Гомство!* –
Вот названье тех затей!
Ваш большой и бедный разум
Часто движется туда,
Где вы не́ были ни разу…
И – не надо никогда.

– Да, мы слабо преуспели
В сферах, где клубиться мрак:
Слишком поклонялись цели,
А вот методам – никак.
Но – в движении природа.
А куда она свернёт,
Мы не знаем; но народы
Всё же движутся вперёд.
В людях тоже есть природа…
Выпьем, миша, по одной:
Для тебя – напиток с мёдом,
Мне – стакан воды простой.
Хорошо с тобою рядом…
Но – пора уже, пойду.
Всем бы людям, право, надо
Говорить хоть раз в году
С лосем, волком ли, лисицей,
С куликом ли, журавлём,
С диким зверем или птицей:
Ведь Земля – наш общий дом.
Хорошо бы мненье ёлки
Также выслушать хоть раз…
Эх, мечты мои… Надолго
Прерываю свой рассказ.

---

* *От «Homo sapiens».*

Разговор с псом

Дворовый пёс был весь в репьях,
Но выглядел довольно сытым.
Бродил он, видимо, в степях,
Но не уставшим был по виду.
Глаза блестят, а шерсть была
На лапах и груди протёрта.
Видал я псов такого сорта
Здесь, на окраине села.

– Куда бредёшь, что ищешь, милый,
Зачем не дома на цепи?
– Люблю просторы. Исходил я
Сто вёрст по лесу и степи.
– А как же волки? С ними биться
Не просто. Не боишься ты?
– Какие волки?! Лишь лисицы
Да мыши разной вкусноты.
– Ты чем питаешься?
– Мышами,
А то – кузнечиков ловлю.
Жить можно. Вот – смотрите сами
(Ткнул мокрым носом в мышь свою).
– Ты плохо жил в деревне, что ли?
Пусть цепь на шее – не пустяк,
Зато ты ел и пил – всё вволю.
А может, было там не так?
– Так, так. Цепочка – не могуча,
Не коротка и не длинна.
Но было, знаешь, очень скучно.
Картина каждый день одна:
Колодец, вёдра, вилы, грабли,
Помои. Пища каждый день
Всё та же; дети, «войны», сабли,
Лапта безумная, плетень,
Визжанье баб, в хмелю хозяин…
Бывало, бил… но так… пустяк.
А если по бутылке взяли
В пяти домах… вот это – мрак.
Встречают новую победу

В полузаброшенном селе:
К любому приходи соседу –
Весь мир тогда навеселе.
А мне суют: кто – хлеб, кто – палку.
Бросают камни. Мой оскал
Им нравится. Пугливым стал я.
Не выдержал: тоска, тоска!
– Ну что же, жизнь волне обычна…
И у меня… у нас, у всех.
– Хочу иного! В жизни личной
Готов я походить на тех,
Кто по земле свободно скачет,
Бывает там, бывает тут.
Ну, а в селе я буду чаще,
Когда детишки подрастут.
Хочу давно я за машиной
С весёлой яростью нестись,
Облаять… и с хозяйским сыном
Купаться в речке – чем не жизнь?!
– И что ты делаешь в саду?
– Мальчишек выросших всё жду.

СТИХОТВОРНЫЕ ПОВЕСТИ

НА БЕРЕГУ НЕСИНЕГО МОРЯ

I. Вступление

1

У несинего моря, там, где дома́
Неподвижным, засохшим кажутся лесом,
Где полуночный свет, где полдневная тьма,
Там для жизни моей было найдено место.

Я люблю этот город, который Петром
Был заложен у края могучей стихии.

Я стихийность природы считаю добром,
Укрепляющим стены и дни городские.

Может быть, мне понятней живые леса,
Где листва так легко откликается ветру,
Где слышнее земли и людей голоса...
Но и в город у моря – я верю,
Я верю.

2

Здесь кое-что осталось от природы:
Не властная, но грозная Нева,
Обрывки редкие былого небосвода,
Дубов и лип неяркая листва,
Травы садовой коврик необильный,
Ну а зимою – снег,
Но лишь в тот миг,
Пока не потемнел от наших ног и пыли
Его бесстрастный поднебесный лик.

Здесь заменяют блеск небес безличных
Дворцы и залы в россыпи огней,
И цвет домов – яичный ли, кирпичный,
И свет умов, далёких от властей.
Но место это предстаёт иным,
Когда природа набирает силы:
Тогда Нева бывает тёмно-синей,
А небо серое – прозрачно-голубым.

Арена главная, где мир природы спорит
С искусственным созданием ума, –
Не улицы, каналы и дома,
А мы
У моря.

II. На грани суши и моря

1

На грани суши и воды
Богатство жизни сухопутной
Такое, что бывает трудно
Найти отдельные следы.

Везде истоптанный песок –
На дюне крайней и на пляже,
И даже следопыт не скажет
Числа топтавших берег ног.

И грань прибоя не мертва,
Хотя здесь каждый день смывает
Тех, кто уже идёт по краю
Привычного всем естества.

Не разглядев иных миров,
Мы сушу лучше понимаем,
И часто глаз не поднимаем
К догадке – лёгкой, как перо.

Но на краю побед и бед,
В соседстве моря, неба, суши,
Здесь на вопрос о всём живущем
Всего надёжнее ответ...

Идя в залив несиний наш,
На часть вопроса мы ответим,
А после – просто не заметим,
Что дюна кончилась
И пляж.

2

Ты, море, такое, как было всегда,
И всё же в тебе – иная вода.
Вернее, теперь в тебе много иного –
Слишком земного, слишком земного.

3

Смешно считать, что людям можно
Отгородиться от морей
Какой-то насыпью ничтожной
Из глыб бетонных и камней.
До высоты блокадной дамбы
Волна, пожалуй, не дойдёт,
Но – обойдёт песок и камни
И хлынет из других ворот.

Не лучше ль с морем по-соседски
В квартире общей жить свой срок?!
От моря нет случайных бедствий,
В нём – наш исток, урок, итог.

А если при веселье бурном
Вдруг море наш порог зальёт,
Есть повод вымыть то, что дурно
Помыто городским дежурным
И ощутить безмерность вод.
Пускай вода, вставая дыбом
На общежитие людей,
Убережёт их от ошибок
Самовлюблённых кораблей,
Которые мечтая сделать
Из тайны моря путь земной,
Способны только ржавым телом
Достигнуть глубины морской.

Ни тяжесть дамб, ни лень заборов,
Ни сон естественных преград
Не усмирят морских просторов
И Петербург не усмирят.
Но волн упорных вознесенье
Лишь до подошв кариатид,
Возможно, должное смиренье
И в нас, и в море сохранит.

4

Вдали, где море слито с небом,
Где их неразличим свинец,
Там кружатся, обнявшись крепко,
Начало жизни и конец.

Нам лоцман опытный не нужен:
Все знают, что уплыть туда
Поможет с надоевшей суши
Невы попутная вода.

И как приплыть на низкий берег
Известно всем не первый год:
Старинный курс давно проверен
Приливами варяжских вод.

Всё то, что городом зовётся
И прибывает каждый год,
По вольной воле создаётся
И никогда не пропадёт.
Здесь будет до скончанья дней
Движенье душ и кораблей.

III. Екатерининский канал

1

О «медных всадниках» и прочих
Царях, потом – секретарях,
Возникших на российской почве,
Пускай другие говорят.

Мне дела нет до византийства
И смены правящих элит.
Но вот одно цареубийство
Давно мне душу бередит.

Тогда, на городском канале,
На потрясённой мостовой,
Мы вновь ошиблись, вновь остались
Со злобой прежней и собой.

Лицом к лицу с душою тёмной,
Как с подворотней в мёртвый час,
Остались мы; светильник скромный
Заколебался и – погас...

2

Нет, не азартное решенье
Разрушить мир, который плох,
Хочу я вспомнить – рук движенье,
Непроизвольное, как вздох.

…Метальщик третий с бомбой третьей
Царя увидел. В этот миг
Раздался взрыв. И сразу ветер
Лица горячего достиг.

Метальщик юный, видя рядом
Кровь и упавшего царя,
Держал свой свёрток со снарядом,
Но позабыл он про снаряд.

Он подбежал и неумело,
Со всеми вместе, кто здесь был,
Искромсанное взрывом тело
Поднял и в сани положил.

В тот миг его рукам дала
Толчок не та чужая сила,
Что к подворотне привела,
А та, что с детства сохранилась.

...В нас эта сила сметена
Была другой. Нет, не закрыты
Зим бесконечных времена.
...Март в Петербурге – не весна.
«Как холодно!» – сказал убитый.

3

Там, где бомбы бросали в надежду
Срам прикрыть не дырой, а одеждой,
Ныне храм стоит балалаечный.
Так-то вот, Александр Николаевич!

Там толпится пытливый и праздничный люд,
Рядом – вещи кустарные продают…
Неужели матрёшки неженской породы –
Это статуи нашей свободы?!

IV. Таврический сад

1

Меня крестили в Греческой церкви,
Которой давно уже нет;
Теперь здесь зал для концертов.
Об этой бессмысленной жертве
Когда-то сказал поэт:
Как мы жертвуем тем, что было,

Разрушаем – ради чего? –
Время прошлое, храмы, события...
Ради времени *своего*?

2

Детство первое – это Таврический сад.
Если дни пролистать назад,
То я вижу – неясно, как на бегу,
Чёрные ветки на белом снегу,
Своих одногодков бестолковую стаю,
Которую взрослые, не понимая,
Хотят сделать смирной, будто надгробие,
По своему образу и подобию.

Вижу ещё, как будто сквозь лёд,
Сбитый, с нелепым хвостом, самолёт
Возле воды кругового канала
(Может быть, этого и не бывало?)

3

По счастью, в детях нет воображенья
О будущих невзгодах и потерях.
Но чувствовал я взрослых настроенье
И, значит, знал в какой-то мере,
Что вдруг пришли другие времена,
Что началась война.

Тоскливы дни бессчётных отступлений.
Пусть бодрость взрослых исчезала быстро,
Быстрее таяли продукты и поленья,
И голод с холодом вдруг стали просто бытом.
А что потом? – Тревоги и сомненья...
Но успокоились немного все, едва
Врага отбросила декабрьская Москва.

4

Произрастает счастье – из простого,
Его субстрат, как наш суглинок, сер.
Я вспоминаю март сорок второго
По двум картошкам, отогнавшим смерть.

Кто их принёс, хоть стыдно, но не помню.
Зато я помню, как я к ним приник,
Забыв о холоде, убежище и бомбах,
Забыв о матери, наверно, в этот миг.

Не хлеб сырой и не сухарь, который
За оттоманкой прятался в пыли,
Достался мне – рассыпчатый картофель,
Великий плод подзолистой земли.
Простой картошкой обернулось счастье...
Еды другой с тех пор не знаю слаще.

5

Вот настал наш черёд, и однажды
Налегке мы покинули дом,
Оставляя прошлое в нём
Неизвестным наследникам нашим.

Из квартиры, где и поныне
Кто-то мне незнакомый живёт,
Унесли меня люди родные
На подтаявший ладожский лёд.

А потом – до Кобоны и дальше –
Я от сада сквозь сон отступал
К Танкограду, на южный Урал...
Отступали и те, кто постарше.

6

...Она те годы вспоминать не любит,
Но как-то вспомнила:
Была тогда метель,
Шла женщина в каракулевой шубе,
На противне везла она портфель;
Шла, низко кланяясь порывам слабым ветра,
Был шаг её длиною в четверть метра...

7

Это – не футбольное поле, это – могила.
Здесь много таких. Иди и смотри!

Я же – нет, не могу: мне сердце сдавило,
Возьми другого в поводыри.

Я говорить о прошедшем не в силах
И не буду пытаться сложить строку.
Это слишком печально, друг ты мой милый,
Нет, я не смогу, не смогу.

И не надо, ты скажешь.
Конечно, не надо:
Мы с тобою об этом читали не раз –
О тех, кто погиб тогда в Ленинграде,
Кто выжил, спасая город и нас;
О гордости нашей, о высокой боли
Всё сказали – и наша Анна, и наша Оля,
И не нужен другой рассказ.

8

Из таврических, полутропических снов
Что же вспомнилось в жизни дальнейшей?
Может быть, только вкус огородных даров,
А не запах земли, не шершавость стволов
И не цвет небосвода нежнейший.

И когда, волнуясь, я снова приду
На свиданье с таврическим детством,
Я, конечно, пойму, что в этом саду
Есть куда от прошедшего деться.

Сад подскажет, что нет буреломных причин
Вспоминать всё ушедшее с болью:
У древесных стволов здесь столько морщин,
Сколько было и раньше,
Не больше.

И детей будет столько же, сколько тогда,
Лишь, пожалуй, иначе одетых,
Но в пруду придворцовом живая вода
Вдруг покажется менее светлой;
Кто-то может сказать, что не так и чиста...
Только я – не из их числа.

V. Лиговка и Лесное

1

Я рад за тех, кому не слишком сложно
Считать сегодняшний салют
Лишь отраженьем нашей славы прошлой.
Они меня, быть может, не поймут.

Но в детской жизни – той, в которой нет тщеславья,
Где для событий нет возвышенной цены,
В тот, прежний май, другое было главным:
Не День Победы,
Нет,
А – День Конца Войны.

2

...После войны, не слишком скоро,
Мы, наконец, возвратились в свой город.
Но здесь не осталось прежнего детства:
Ни прежних игрушек, ни старого места...

Детство моё – как два осколка
Чашки одной. Но только
Этот разбитый фарфор
Не склеить мне до сих пор.

3

Теперь я от сада жил далеко –
У Лиговки, между двух вокзалов.
Я знакомился с городом нелегко,
Начинал почти что с начала.

Наш дом стоял у горы кирпича,
Которая до войны была домом тоже.
Здесь пленные немцы, как в старых вещах,
Разбирались в своём боевом прошлом.

Мы с отцом пилили дрова во дворе,
А весною снег сбрасывали с крыши.
Нашу комнату постепенно уют согрел,
А мой сон, где я видел налёт и обстрел,
Становился короче и тише.

4

Садик на Лиговке. Тесная скука.
Здесь сдавались нормы ГТО.
В школе, что рядом, учили наукам,
Прочим предметам, а кроме того,
Старые мысли начальства мочалили
О единомыслии да единоначалии.

Но вот, наконец, от «рва» городского,
От садика для детей и котов
Добрался я до Лесного
И юношеских годов.

Настало хорошее время...
И – место: там в парке белел
Лесной институт среди древних
Дубов и прочих деревьев...
Там города был предел.

5

Я выбрал для жизни занятье
Такое, чтоб город не смог
Тяжёлым гранитным объятьем
Меня не пустить за порог.

Теперь я с природой был связан
И думал, что место нашёл,
Где самонадеянный разум
Ещё не творил произвол.

Но мы не готовы к дружбе
С миром свободным, иным:
Язык бензопил бездушных
Для леса – непереводим.

И нам чужда беспредельность:
Мы крошечным миром живём
И думаем только о деле
Ближайшего дня и недели,
О времени бедном,
Своём...

6

В стране беспокойных осин,
В краю древних елей и сосен
Твердил я каждую осень:
«Мой город, я – блудный твой сын.
Как жить без тебя,
Без твоих
Людей – родных и знакомых,
Без друга, без отчего дома?
Как жить без приневских, морских
И прочих просторов безмерных
(Которых не скрыли в тот миг) –
Музейных картин, старых книг
И музыки этой бессмертной?!»

Завидовал я поездам,
Что ехали к городу-чуду.
Хотелось быстрее – туда!
(Почти как весною – оттуда).

А город с чужого плеча
Одежду носил многолетно.
Здесь стала почти незаметной
Даль моря.
И я замечал,
Когда одевался в платье,
Какое в лесу не носил,
Что выскользнуть из объятий
Булыжно-бумажных понятий
Уже не хватало сил.

7

Питер снова чёрно-белый:
Влажная метель;
Туча край земли задела,
Под ногой – кисель.

Я иду, оставив ныне
Свой надёжный дом;
Ветер дует, как в пустыне,
За любым углом.

Белым снегом, серым снегом
Занесён гранит,
Между городом и небом
Чья-то сеть висит.

Что на свете: чёрный день ли,
Белая ли ночь?
Город милый, снега пленник,
Как тебе помочь?

Я и сам в сугробах сонных
Словно утонул,
Слыша вечно однотонный
Пустозвонный гул.

Что ни делай – нету дела,
Что ни говори, –
Только пар из ртов несмелых
Над людьми царит.

Липкий снег следы заносит
И следы следов;
На плакате – профиль козий
Нескольких богов.

Ухожу от них, гадая,
Есть ли дальше жизнь? –
К берегам за Голодаем...
Море, покажись!

Там, где суша, там, где море,
Снег везде лежит.
Между ними – ни забора,
Ни простой межи.

Я ищу тропинку лисью,
Грань, границу-нить
Между жизнью – и нежизнью...
Нет, не различить.

Возвращаюсь в чёрно-белый
Лабиринт домов,

На кисель обледенелый
Сумрачных годов.

Снег простудный давит плечи
Вместо эполет.
Прихожу домой под вечер:
Стол, кровать, буфет.

8

Что делать в городе весной,
Когда водой уже обмыты
И светлых тротуаров плиты,
И камень серой мостовой?

Здесь жизнь меняется не сильно
Внутри и вне кирпичных стен,
А сердце хочет перемен
И не мирится с этой былью.

Что делать в городе, когда
Глухарь давно по снегу чертит
Письмо простое против смерти
В лесу далеком?
Нам – туда!

Что делать там? Вопрос некстати:
Ответ важнее получить
На то, кем нам *не надо быть*
И что *не делать* нам, приятель.

Нам нужно побывать на воле!
Мы отъезжаем, торопясь,
Куда-нибудь за речку Сясь,
В Замóшье, Зáборье, Запóлье,

Где больше воздуха и солнца,
Где на заснеженной тропе
Невольно выветрим в себе
Старинный чад низкопоклонства.

Везде мы дома, если нам
Даны леса, поля, болота,

Была бы скромная охота
С беседой тёплой пополам.

Мы разговор вели без фальши,
Так откровенно и легко,
Что если б слышал *кое-кто*,
Послал бы нас *гораздо дальше*.

Но знали мы, что вся округа
Была и с нами, и за нас;
Здесь не унизит, не предаст
Ни тень лесов, ни ветер луга.

В ружейный ствол, как в рог трубя,
Мы уносились в наше детство
И становились – наконец-то! –
Похожими лишь на себя.

А возвратившись в город свой,
Держались мы остаток года,
Пока жила внутри свобода,
Разбуженная весной.

9

Как часто время давит на пространство!
И даже здесь, у вечных этих вод,
От пустоты властительного чванства
Дух Петербурга не всегда спасёт.

Я чувствовал: меня вот-вот покинет
Надежда вырваться из липких дней.
Тогда мой город был, как в паутине
Завистливых и мстительных вождей.

Я убегал в природные просторы,
Как при бомбёжке прячутся в подвал.
Но я бежал не от тебя, мой город,
А от чужого времени бежал.

Да, я не верил, что на тощей почве
Возможны разноцветья времена,
Не замечал, что прорастали ночью
Невиданных растений семена.

Как прорывает старую солому
Растущая из глубины трава,
Так возникали из примет знакомых
Другие краски, звуки и слова.

…Мой город, выросший на грани
Стихий, народов и веков,
Был временем несчастным ранен,
Но это время в море канет,
А с ним – и пыль временщиков.

VI. Елагин остров

Под мостом, на лодочке прокатной,
На протоке дальнего пруда
Целовались временем закатным
Мы с тобой,
Как лодка и вода.

Я тогда был просто отраженьем
Твоего, любимая, воображенья
Обо мне и нас двоих.
Но, наверно, губ твоих движенье
Было отраженьем губ моих.

А вода под нами шевелилась,
Отражала летний небосвод.
Шел тогда тебе, и ныне милой,
Двадцать третий год.

Мы потом стояли молчаливо
Здесь, на стрелке. Я не замечал
Близости стеклянного залива
Из-за твоего плеча.

У тебя была открыта шея,
Блузка в чёрно-белых полосах...
Долго мы кружили по аллеям,
Останавливались на мостах…

А сегодня, обгоняя шлягер,
Вновь идём по крутизне моста.
Мы опять вернулись на Елагин,
Вспоминаем прошлые лета.

Нынче здесь почти как в Ленинграде.
Песни, правда, на иной манер;
А вот лодки, что дают в прокате,
Сделаны ещё в СССР.

Но теперь возможно стало внуку
Взять авто на медленном ходу.
Жаль, что вырос я, и мне такую штуку
Напрокат сегодня не дадут.

На заливе пёстрый беспорядок,
Катеров и яхт подвижный строй...
Через сорок лет мы снова рядом
Здесь, на стрелке западной, с тобой.

Впереди у нас немного суши.
Мы стоим, как раньше, налегке.
Просишь ты: «Не торопись,
Послушай,
Как шумит волна невдалеке».

Что же, волны и теперь не реже,
Чем тогда – идут за валом вал...
Горяча твоя рука, а прежде
Я её своею согревал.

Замечаю, стоя у залива,
Что всё чаще я смотрю назад.
Жизнь была со мною справедлива,
Если – нет, то я и виноват.

Солнце торопливое садится.
Ветер стих. Не виден стал Кронштадт.
Перед нами пролетела птица,
Зачеркнув бледнеющий закат.

Город в летнем сумраке светлеет
Светом фонарей и окон-глаз...
Кажется с годами всё прямее
К островам ведущая аллея,
По которой жизнь кружила нас.

VII. Площадь искусств

1

Нам удалось купить для дочери билет
У старой женщины, пожавшей наши руки.
Билет ей выдали за горе прошлых лет,
За старые печальные заслуги.

Для этой женщины певец испанский не был,
Конечно же, насущным хлебом,
И потому был ею заменён
На скудный, но трехдневный рацион...

...Каррерас пел в большом белоколонном зале.
Зал полон был. Но большинство людей
За стенами, на площади стояли.
Все слушали, как этот чародей
Внушал, что *не от Слова* жизнь из тьмы восстала:
С небес безгласных – *Голос был сначала*!

Он пел о том, что для людей всех стран,
Для всех сердец – закон единый дан
На голос – столь высокий – отзываться
Всегда любовью братской...

Был где-то далеко большой шумливый Питер.
Певец был на экране плохо виден,
Но голос страстный долетал
До каждого, кто этого желал.

...Не замечал никто, как цвета слив, росла
Из-за гостиницы соседней туча.
И вдруг – дождём весёлым и гремучим
На площадь вылилась гроза.

Воды блестящей мелкодробный вал
Набросился на слушателей яро
С небес, деревьев, крыш и тротуаров,
Но голоса певца не заглушал.

Исчезла грань меж небом, морем, сушей.
Соединили их текучая вода
И голос, к высшему единому зовущий...
И мы в единое поверили тогда.

2

О, блаженное, бессмысленное слово,
Где взять силы, чтоб тебя найти?!
В Петербурге мы сойдёмся,
Словно
Он и есть цель нашего пути.

Среди сумрака обманов и наветов
Только здесь не могут лгать уста.
В этом городе мы снова – просто ветви
Одного словесного куста.

Лёгкий пепел собран по крупице.
Руки жён блаженных, это вы из снов
Привели нас в царскую столицу
Бесполезных и бессмертных слов.

Много нас. Но здесь никто не лишний.
Заболев, как раньше, воспаленьем чувств,
Мы слова желанные услышим
Из своих – живых и мёртвых – уст.

Мы расслышим каждого.
В ознобе
Будем слушать, смерти не боясь...
В Петербурге мы сойдёмся,
Чтобы
Слов блаженных не порвалась связь.

3

Пока в нас есть к прекрасному полёт,
Пока душа за вечностью в погоне,
Наш Петербург вовеки не умрёт,
Венеция в лагуне не утонет...
Спасенье будет этим городам,
Пока душою оживаем там.

VIII. Прощание

Уноси меня, море, несинее море,
В безмятежную холодность вод,
Где настанет развязка прошедших историй...
Но пускай там – не всё пропадёт.

Город мой, ты прими в себя то, что осталось
От кружения жизни моей.
Это ныне всего лишь ничтожная малость,
Но прощальная нежность – в ней.

...По сосновому лесу на косогоре,
По песку и опавшей хвое
Я на берег сойду...
Наша родина – море,
Но расстанемся мы на земле.

2002–2006, 2018

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Екатерининский канал.
«Метальщик третий...» – И.П. Емельянов, молодой человек 20-ти лет, участник покушения на царя Александра II.

Таврический сад.
«...Когда-то сказал поэт...» – И. Бродский («Остановка в пустыне», 1966).
«...Но как-то вспомнила» – из воспоминаний Кузнецовой Прасковьи Георгиевны.
«...К Танкограду, на южный Урал» – Танкоградом во время войны иногда называли г. Челябинск.
«...И наша Анна, и наша Оля» – А. Ахматова и О. Берггольц.

Лиговка и Лесное.
В разделе речь идёт о времени с конца 1940-х годов до середины 1960-х.
Городской «ров» – Обводный канал.

Елагин остров.
«... Лодки… сделаны ещё в СССР» – речь идёт о 1990-х годах.

Площадь искусств.
«В Петербурге мы сойдёмся…» – слова из стихотворения О. Мандельштама.

РЕЧКА УСТЬЯ

Стихотворный рассказ об одной русской местности

Посвящение

Крестам на Троицком погосте,
Могилам здешним и иным,
Всем тем, кто сгинул, словно дым,
На вечном нашем перекрёстке;
А также вам, ещё живым, –
Тем, кто остался с речкой Устьей,
И тем, кто странника суму
Несёт по нашим землям русским.
...И Лёве – другу моему.

Часть первая.
НА БЕРЕГУ

Окрестности

1. У реки

Вот речка Устья – малая вода,
Над ней стоит деревня Слобода.
А рядом, выше по теченью, –
Сосновый лес и пойменный покос.
Вниз по реке – поля, селенья,
Там – Троицкое: церковь и погост.

Наш дом, как полдеревни, смотрит на закат.
Построен он давно, но кажется, был вечно.
Отсюда видно близкое заречье,
Где дом помещичий стоял. Его фасад
Глядел на нас и Барский омут.
Теперь помещика никто не помнит,
Да и купца, купившего тот дом...
Однако мой рассказ о времени ином.

Из Слободы видна дорога на Москву,
А также на недальний Углич.

Но если ты не только город любишь,
Побудь со мной: я здесь порой живу.

Что мне сказать о родине людей,
С которыми я жизнью длинной связан?
Об этом после, а пока скорей
Туда, где взгляд мудреет и добреет разум.

2. В лесу

Шум сосновый здесь тише
Сонных устьиных вод.
Только б это и слышать,
Да душа не даёт.

Вечной хвойною нитью
Здесь скреплялись века.
Только лес и ценить бы,
Да земля велика.

Здешний лес – для молитвы,
А не только для дров.
Только Богом и жить бы,
Да никто не готов.

Отступление о рябине

Сколько рябины в этом году!
Это на радость или беду?

Вкус этих ягод –
Прошлого след:
Терпкая мякоть,
Сложный букет.

Южные листья,
Северный рост,
Осенью – лисий
Цвет у волос.

Древние краски,
Смешанный стиль:
Дерево – сказка,
Ягода – быль.

Соседи

1. Саша

Нам смертельно местное спиртное.
Мужики здесь умирают часто:
То – мороз, то – дело ножевое,
То – петля... В деревне жить опасно.
Есть такое, что и не приснится.
Вот недавно Колька помер. В 30 лет-то!
Говорят, разрезали его в больнице,
А внутри – лишь водка да конфетка...

Подошёл тут как-то к огороду
Наш сосед, и вид его был странен:
Шляпа – что ведро (под мусор, а не воду),
А лицо темнее старого бурьяна.
Вспомнил я отца его. Давно уж
Он живёт в местах не матерьяльных.
Человеком был вполне нормальным
(Ну, по местным меркам – как же по-иному?!).
Раз пошёл он вечером на пчельник,
Выпив много лишнего, наверно.
Пчёлы, видно, тоже захмелели
И его зажалили до смерти.

…Вспомнил я и спрашиваю Сашу:
«Как живёшь? Ты что такой горбатый?».
Равнодушно оглядел он наши
Бодрые картошку да томаты,
Ватник снял, ответил, как во сне:

«Хреново, хреново тут мне,
Не знаю, чем и заняться,
От скуки впадаю в тоску.
Иду в батраки наниматься
К такому ж (почти) бедняку».

«Ведь ты же не «в людях» живёшь, –
Ему говорю, – а в избе
Своей. Что ж дело себе не найдёшь
По душе, по судьбе?

Земля твоя заросла,
Крапива кругом да пырей.
Не хочешь так жить, чтоб цвела
Хотя бы картошка на ней?»

«Зачем нам теперь-то земля,
Когда мы её расхотели?
Мы общей землёю наелись,
Друг друга и мир веселя.
Кто будет пахать свой гектар,
Когда в нём загадок по пояс?
Здесь вырастет больше разбоя,
Чем нынче травы. А товар,
Коль вызреет, пусть небогато,
Кому и куда продавать-то?
А мне одному много ль нужно,
Чтоб есть не траву, и пить не из лужи?»

Он ватник потёртый, кургузый
Поднял с поленницы дров
И пошёл,
Но несколько слов
Сказал на прощанье «по-русски».

Через год мне увидеть соседа уже не пришлось:
Было вольно однажды душе его пьяной,
Саша мой до крыльца лишь чуть-чуть не дополз...
А на воле стоял смертельный мороз.
И то и другое – не очень-то странно.

Отступление о русском мате

1. Что-то вроде теории

Русский мат – от русской жизни:
От тоскливости зимы,
От того, что бескорыстны,
Разрушая что-то, мы,
От неверности соседей,
От напрасности тюрьмы,
От телеги, что не едет,
От внезапности сумы,

От красот земли родимой,
От того, что барин крут,
От чудес, так долго чтимых,
Не исполнившихся вдруг.

Русский мат – от русской власти.
Что за стыд... такую мать!
Постояннее напасти
Здесь в России не сыскать.
Наша власть – то расточитель,
То – как будто оккупант,
То – народных дел хулитель,
То – идейный вор-грабитель,
То – обычный спекулянт.

Но зачем же власть мы дарим
Тем, кому всё нипочём?
Тем, кто вздорен и бездарен,
Для чего поклоны бьём?
Трудно нам винить чужих:
Русский мат – от нас самих.

То, что делается с нами
И творится возле нас,
Только «русскими» словами
Можно выразить подчас.

2. Случай на вокзале

Из деревни как-то летом
Я приехал на вокзал.
Был спокоен: я – с билетом
(Потому что раньше взял).
Ожидаю с нетерпеньем
Я состав обычный свой.
Вот уж время. Я в сомненье
К кассе: «Где же поезд мой?»
Говорят мне не со смехом,
А совсем наоборот:
– Поезд ваш вчера уехал.
– Почему??? Билет же… вот!
– Изменилось расписание...
Как – «зачем»? Пришла пора.

– Я ж билет-то взял заранее!
– Надо было брать вчера!

Этим бодреньким куплетом
Завершаю очерк свой.
Перешёл и я тем летом
На язык страны родной.

2. Слух о Вшивой горке

За Дубняками бывшими
Среди лесов осиновых,
По слухам, есть гора.
Как говорят бродившие
С огромными корзинами,
Та горка, впрочем, малая
И как бы захудалая,
Вся ростом – в три ведра.

Зато грибов – невиданно,
И ягод – как раскидано,
Орехов – как в саду.
Размеры всех проверены:
Грибные шляпы, веришь ли, –
Что хлебы на поду́.

Не только днём, и ночью-то
Там с веток льется со́чиво
На прошлогодний лист.
А на земле, как мячики,
Тетерева да рябчики,
Но нет коварных лис.

Вся жизнь на этой горке-то
Не кислая, не горькая –
Совсем наоборот:
Кругом всё чисто, ладно так,
Безлюдье, пища сладкая
Попасть мечтает в рот.

Не пахано, не полото,
Не сеяно, не молото,
Всё – даровой припас.
Прийти лишь надо вовремя,
Чтоб не было кем собрано
Готовое для нас.

Дают приметы верные
Соседи деревенские,
Как горку отыскать:
«Идите на Держи́лово,
Потом у дуба хилого
Придётся влево взять.
А дальше – на Мона́рево
По краю сечи старенькой,
Там будет восемь пней.
Болотце рядом плёвое
И мишкина столовая,
Где кости двух лосей.
А там – берёзы малые
И ямы длиннопалые, –
Вот, значит, и пришли.
Спасибо богу случая,
Коль доведёт, не мучая,
До сказочной земли».

И я ту горку Вшивую
Пытался у Держи́лова
Искать из года в год.
Приметы знаю на́крепко,
Но выхожу всё на́ реку,
Туда, где Леший брод.

Быть может, за Держи́иловым,
Быть может, за Мона́ревым
И правда есть гора.
Но где – счастливцы? Жили бы
Они богато... Или же
Всё скрыли? Люди знали бы!
Нет: сказочка стара!

3. Разговоры с Петровичем

Ты ведь, Петрович, кажется, был сапёром
И с войны вернулся не скоро?
Как случилось, скажи-ка ты мне,
Что ты выжил в прошлой войне?

«Что ж, главное – это, конечно, удача.
Но надобно было и кое-что знать:
Не только, как мины в земле разряжать,
Делá попроще тоже многое значат.
Допустим, быстро дрова напилить,
Вмиг наколоть, печь растопить,
Кашу различного сорта
Сварить, крупу не испортив,
Воду найти в степи прокалённой
В расположении батальона,
Сапог починить, смастерить волокушу,
Рассказ рассказать, чтобы не было скучно...
Такие дела, ты мне можешь поверить,
Дни и часы сохраняют от смерти.
Короче: чем больше умеешь,
Тем будешь, даст Бог, и целее».

—

«Говорят, что труд – это наш воспитатель;
Он творит не просто людей,
А таких, каких замыслил Создатель
Как своих любимых детей.

Но не каждый труд на это сгодится:
Сотворишь ли лучшее в себе,
Коли печь сложил, а она дымится,
Или плохо убрано в избе?

Кем ты станешь, коль не замечаешь:
Ты всё делаешь, как забиваешь гвоздь
В ту же дырку, что была в начале, –
В древесину, сгнившую насквозь?

Не признает Бог тебя, коль не умеешь
Делать кое-что по-новому, – так, чтоб
И земля и вещи от тебя умнели,
Делать так, как не умел никто.

Ну а если ты по-божески работал,
А живёшь всё время, как бедняк,
Объясни мне: то – задумка Бога,
Или мы здесь что-то делаем не так?»

—

«Жизнь вокруг – как в хозяйстве старинном:
Выжжем, вспашем, посеем. Потом
Раз-другой зерно соберём
И забросим: береза, осина
Пусть растут. Это место в свой срок
Называется «перелог».

А затем – опять изменение –
Бунт, война, словотрясение:
Выжжем всё, что считаем не впрок,
Вновь посеем, посмотрим – нет толку!
Вновь забросим пашню надолго,
И опять у нас – перелог.

Нет, чтоб кроме самосожжения,
Применять ещё удобрение».

—

«Сколько леса сожгли, а всё не тепло.
Сколько хлеба убрали, а сытнее не стало.
По нашим усам всё богатство текло,
А в рот почти не попало.
Может, надо сбрить эти наши усы-то,
И тогда, наконец, будем сыты?»

—

«Ты не думай, что я только и знаю,
Как заполнить по́дпол свой да сарай.
Я уже давно понимаю,
Что мне нужен не только сам урожай,
Но и дело выращивания урожая.
Потому-то не просто к клубням
И к зерну я привязан тут.
Я землю люблю – и она меня любит,
Инструмент люблю – и он меня любит.
Вот это и есть крестьянский труд».

Часть вторая.
ТЕЧЕНИЕ

Дом

1. Изба

Ещё хранятся здесь старинные предметы,
Которые служили весь ушедший век.
Их действие на нас пока заметно
(Но, может быть, уже и не на всех).
Нет многих лиц, глядящих со стены
На жизнь, которую понять им было б трудно,
А нынешние, глядя с *этой* стороны,
Себя невольно сравнивают с теми, кто – *оттуда*.

Уже небратство есть (как ветра с мёртвой веткой)
Предметов старых – с нынешним житьём.
Вот и живём мы здесь давно уж только летом.
Но всё-таки пока ещё живём.

А надо ль сравнивать людей и поколенья?
Живущий, как известно, *несравним*.
И всё же польза от взаимного гляденья
Для нас, конечно, есть. Но нужно ль это *им*?..

Печально мне спокойное незнанье
Как жизни тех, кто нас сюда впустил,
Так и старинного призванья
Вещей, хранимых из последних сил.

Здесь центр всего – тепло от печки русской.
Она – и мать, она – и власть.
Ведь у её мерцающего устья
Жизнь здешняя когда-то началась.

Избу же эту старую, простую,
Которая для нас важней иных дворцов,
Построил вместе с братьями над Устьей
Егор Михайлыч Кузнецов.

2. Исход

У Егора дом высокий,
В доме девок урожай.
Кто задумает жениться,
Тот к Егору поезжай.
(Местная частушка прошлых лет)

Дни, в труде протекая,
Могут даром пропасть.
Трудно строить, не зная,
Как поведёт себя власть:
По-петровски?
По-бесовски?
По-хозяйски?
По-босяцки?

Счастье было едва ли:
Быт крестьянский суров.
Но в двадцатые дали
Землю – десять паёв.
Им бы жить и пахать бы
(Семь родилось детей),
Девок вырастить к свадьбе
И поднять сыновей.

Но советская власть –
Не баранка, не сушка.
Жизнь семьи завилась,
Как сосновая стружка.

___

Поначалу семейству дали
На семи полях – семь полос.
Клевер сеяли, картошку сажали,
После репы – лён, жито, овёс.
(Егору с Анной дети уже помогали).

Доставалось всё потом и кровью.
Жизнь наладилась, наконец:
Появился конь, две коровы,
Завели романовских овец.

(Коль скотиной обделён,
Как ты вырастишь свой лён?).

А косили в пойме – на Рóгах,
Был в Куры́шине также покос.
Хлопотать приходилось много,
У детей доходило до слёз.

Зимою льном занималась Анна –
Куделью да маслом. А всю весну
Сидела она у ткацкого стана,
Ткала суровую новину́.

А Егор после заморозков осенних
Работал в лесу и на постройке дорог;
Иногда он ездил на базар в Заозерье,
Чтобы продать полсажени дров.

Для детей (а каждый чуть-чуть да не сыт)
Был приезд отца – как праздник.
Привозил из Ильинского он мироновской колбасы,
Из Заозерья – связку баранок.

Жизнь была не легка, но, к счастью,
Постепенно светлела она,
Как лежащая на мартовском насте
Небелёная новина́.
И если б оставили деревню в покое,
Жизнь потекла бы, как масло льняное.

—•—

Но вот – ветер столичный
Весь достаток унёс:
Труд закончился единоличный,
Появился колхоз.

Сдали лошадь, корову,
Инвентарь, семена,
Амбар, ригу, сарай новый...
Да, иные пошли времена!

Как непаханый воздух,
Стала общей земля,
И от этого позже
Разлетелась семья.

По советскому свету
Раскидало детей,
Что солому под ветром, –
Пятерых дочерей
И двоих сыновей.

___

В годы те немилые
Потерял фамилию
Житель слободской.
Очень смело начал он
В Слободе начальствовать.
Способ-то простой:
Коли раскулачивать,
Значит, надо начисто
Обобрать дома,
Из которых выгнали
Всех хозяев (выслали);
Жизнь для них – тюрьма.
Что в домах осталось, то
Следовало, стало быть,
Государству сдать.
Всё, что взято сговором,
Где-то в Каблуково там,
Стали продавать.

Ну, а этот деятель
О себе радетель был:
Тихо забирал
Он из общей кучи-то
Часть вещей (получше что),
И не продавал.

Так его фамилия,
Как вода над вилами,
Вся ушла.

И вот –
Стал его не Галкиным
Звать, а – Раздевалкиным,
Слободской народ.

___

... Были долгие годы
(До войны и потом) –
Жили Анна с Егором
В нашем доме вдвоём.

Приезжали к ним дети.
(Гости! Что с них возьмёшь?).
Дети, внуки – как ветер:
Ну, гостинцы, приветы.
Жизнь своя у них. Что ж...

После смерти Егора
Жизнь совсем замерла.
Дрань на крыше так скоро
Погнила, потекла...

___

Остывает замолкнувший дом,
Зарастает порог лопухом;
Бельма окон – доски-закро́и –
Знак покинутых жизнью построек.
Уж не шепчут поленья в печи,
Даже мышь не шуршит, не пищит.
Днём темно, но луч тонко-нежный
Освещает немного мир прежний.
Всюду чисто, ведро – без воды.
Для мышей не видно еды.
Ничего на столе не пылится.
А в углу – пустая божница.

Отступление об ожидании Иного

В час другого дня зачатья,
Если свет готов к рожденью,

Зреют новые понятья
Для дневного воплощенья.

Новый день – ещё икона;
Он почти что бестелесен,
Он ещё настолько новый,
Что теням в нём нету места.

Как в нём жизнь пойдёт? – Иначе?
Потечёт блаженство речкой?
В нерешаемых задачах
Пропадут противоречья?

Бестенистые надежды
Только в этот час возможны:
На понятьях – нет одежды
Из вещественной рогожи.

В час другого дня зачатья
Не видать его итога,
И тогда – возможно счастье
В ожидании Иного.

3. После Егора

А когда Егора и Анны не стало,
Заезжала в дом иногда родня,
Кто на месяц, кто на три дня.
Но добра не прибывало.
Старый дом дряхлел, капал дождь внутри.
Огород усох, стал – ну, сотки три.

А потом у внучки Егоровой
Родилась такая дочь,
Которая была здесь жить не прочь,
До осени расставаясь с городом.
И поэтому стали всё чаще
Мы видеться с речкой молчащей,
И с домом старым, и с огородом,
И с лесом, и слободским народом.

А хозяйкой старого крова
Стала дочь Егора – Прасковья.

И вот с Божьей помощью (и Петровича)
Дом Егора мы перестроили.
Заменили гнилые венцы,
Дранку шифером сверху покрыли,
Двор сараем стал (ни кур, ни овцы),
Огород до старой рябины дорыли.
А потом от прогона соседнего
И до места омшаника дедова
Мы поставили новый забор.
Он стоит до сих пор.

Но по-прежнему мы – перелётные птицы:
Для зимовки изба не годится.
И теперь у неё другие задачи:
Быть не домом (увы!), а всего только – дачей.

Мятежный поход

(впечатление участника по нескольким пересказам)

Старухин пришёл из Нагорья
И стал нас убеждать:
«Мы, мужики, ещё хлебнём горя,
Если не сменим рабочую власть.
Уже и хлеб, и скот отбирают,
Потом насильно в коммуну возьмут.
Там общим будет не только труд...
А церкви, слышали, как разоряют?»

Мужики сочувствовали, но молчали.
Слушая дальше, поняли потом:
Хоть и боязно идти на волисполком,
Но говорит же человек, что власть кой-где поскидали.
Решили завтра пораньше встать
И пойти скидать советскую власть.

Так и было. Утром собрались,
И в Ильинское – с песнями, с матом густым, как творóг.

Я с собой не взял ничего, а иные взяли,
Кто топор, кто семечки, кто что мог.
Добежали, открыли контору,
Дверь высадив (не помню, кажется, плечом).
Никого не застали там. Тот, который
Агитировал нас, убеждал горячо
Ничего не трогать. Какое!
Со столов мужики потащили скарб:
Ну, ножницы там и всякое такое...
И вдруг – выстрелы грянут как!
Это из Углича – комитета дружина,
Лошадь, телега и при ней пулемёт.
Мы – врассыпную. Вот и вся причина,
Почему не удался этот поход.

Оказывается, ночевал в деревне нашей
Солдат из Питера по фамилии Львов.
О сходке прослышал он днём вчерашним,
А ночью в Углич ушёл. И вот –
Подъехали в Ильинское угличане
И быстро нас разогнали... Да.
А Старухин спрятался; помнится – в бане.
Его всё-таки расстреляли тогда.

Старухин – не наш, но и Львов – уж не сельский.
Что нам было тогда до этих двоих?
Жить своим умом, видишь ли, не захотели,
Решили поучиться у других.
Кто из них был – как лист последний,
А кто – как первый жестокий мороз?
Так и не поняли ни я, ни соседи,
Зачем к нам чёрт тех двоих принёс?

Да, было в Ильинском той осенью жарко.
Решил я больше не участвовать в мятежах:
Вот глядите, – без оглядки от выстрелов убежав,
Потерял я по дороге шапку.
...А что мы потом потеряли все вместе,
Это знают и куры мои на насесте.

Отступление о целине

Заросла тропа,
Там – излом-трава,
Ох, колючая, эх, липучая.
Нет! Тропа – не по мне,
По простой целине
Пойду лучше я.

Русских дел целина
Широка и вольна,
В ней бескрайнего чуда россыпи.
Тот, кто любит бродить,
Чудеса находить,
Целиной той набродится до́сыта.

В нашей долгой стране
Тропы есть в целине,
Но на них стебли трав, словно надолбы.
Ну а я, зная Русь,
Без тропы доберусь;
А куда – не скажу.
Куда надобно!

Катырева яма

Памяти Оли Черновой

Поклоны ив воде речной –
От жажды бесконечной.
Людей же тянет в мир иной
Для дел околоречных:
Для полоскания белья,
Что выстирано в бане,
Для дела дельного и для
Пустого дела тянет;
Одних людей – для ворожбы,
Других – для дел сердечных,
Обычно – просто для косьбы
Травы приречной;

Иные любят рыб ловить
Из тайн глубоководных,
Другие здесь хотят забыть
Про мир негодный.

—

Анне Ка́тыревой душно и жарко,
Не спасает и свежий рассвет.
Ей своих дочерей, ох, как жалко,
А себя – уже нет.

К Устье утренней – по Пусто́шке,
Шаг её – тороплив.
Из тумана, как шалые лошади,
Вырастают призраки ив.
Вдоль по лугу сенокосному
Анна почти бежит,
Чтоб скорее, скорее кончились
Её жизнь, её страх, её стыд.

—

…А вчера свиноматка Фроська
Залегла наконец-то рожать.
Был уж вечер. Соломы в станок подбросив,
Анна приготовилась ей помогать.

Родились четыре сначала,
Через час – ещё два.
Анна пуповины перевязала,
Рты очистила поросятам. Едва
Это сделала, Фроська забеспокоилась, заворчала,
Но вроде уснула. Надо ждать,
Когда выйдут другие. Сколько их будет – три, пять?

«Какая Фроська ворчливая у меня.
Эх, мало даём соли, клевера да ячменя».
…Лампа тусклая еле светила.
Задремала Анна и ей
То ли вспомнились, то ли приснились
Глаза её дочерей,
А потом – бесконечное сено,
Что ворошила и огребала она,

Как пришла с покоса и села
У избы возле окна.
И увидела пьяного Павла.
Он сказал: «Что расселась, смотри,
В огороде трава, словно патлы
У бабы, нечёсаной с девичьей поры,
И пора уж давно (такую-то мать)
Огород поливать.
А днём я всю избу перерыл,
Из еды нашёл лишь творóг.
Зарабатывать я бы тоже мог,
Коль с хорошей еды набрался бы сил.
Твой свинарник, я слышал, хвалят,
А в доме – ни мяса, ни сала,
И дети наши заброшены.
Что нашёл я в тебе хорошего?
Да, душа когда-то – была... А – тело?
Но теперь и душа очерствела...
Упросил я, Анна, свою мать
Наших детей в дом отцовский забрать...»

Он ворчал, будто небо при громе
Или голосом чавкающих свиней.
...Проснулась Анна и видит –
Нет поросят на соломе!
Их нет ни рядом с Фроськой, ни под ней.

Свинья, видать, родилá остальных,
И съела кровавый послéд,
А за ним – и детей всех своих.
Нет поросят! Совсем нет! Нет!..

—

Наступал неизбежный тяжёлый рассвет.
Появился Пикулин – колхоза начальник.
«Поросят сколько?» – спросил он сначала.
«Не знаю, – говорит Анна в ответ.–
Не увидела я, как Фроська
Стала опять рожать,
А потом поросят и съела».
«Брось-ка!
Если – так, то тебе несдобровать:

Ты вред нанесла колхозу,
А, значит, и всей стране.
Нам ведь, знаешь, отовсюду угрозы,
Мы нынче, как на войне.
Потому я должен, как руководитель,
Сообщить, кому надо, что ты – вредитель».

«Ты сам-то загнал, – забыл уж? – коня
И пьёшь, как мужик мой запойный.
Забыл, что двое детей у меня,
А Павел – что ветер вольный?
Разродилась-то Фроська лишь к середине ночи.
А я в прошлый день устала очень».
Засмеялся тогда Пикулин
И сказал, глядя Анне в глаза:
«Мне щадить тебя нельзя,
Чтоб меня с должности не турнули.
А о детях-то не беспокойся:
Свекровь возьмёт их к себе.
Ты подумай-ка лучше о своей судьбе,
Скоро спать-то придётся в казённой избе,
И жить – по команде «Стройся!»»

Он вышел. Анна села
Рядом с логовом Фроськи на пол.
Ни о чём думать не хотелось
(Хорошо, что Пикулин ушёл).
Лампы тусклые, плохо видно...
Фроськины роды – как страшный сон...
Жито, отданное в район,
Требуют голосистые свиньи...

Ей страшно стало. Но больше – стыдно
За себя и такую жизнь,
Когда телу всё же бывает сытно,
Но нету хлеба для бабьей души.
Что утешит?
Не Пашка же, играющий в карты с парнями,
Не доски же скользкие на свинячьем дворе,
Не мухи же, липнущие при летней жаре,
Не плетюга же с сеном, будто с камнями,
Не пыль же от сена при зимней тряске,

Не сон же тяжёлый, как на вилах навоз,
Не рука же мужа с ремнём для острастки
И не дом родительский – дом-то быльём порос...
Разве дети? Но для них уж не будет времени,
И сейчас-то ласкаешь больше поросят, чем ребят...
Есть ведь в деревне крепкие се́мьи-то...

Захотелось Анне отдохну́ть от себя
И увидеть, как ястреб кру́жится
Над рекой и кустами ив...
Там весной когда-то цвели калужницы,
А над ними струился прозрачный речной разлив.

—

Ка́тырева Анна –
Розовый платок.
Что спешишь так рано
Этот пить глоток?

Как детей-то бросишь?
«Я уж – не жива...»
Ноги, губы, косы,
Водная трава...

Эх, Катырева Анна,
Платочек – розов цвет.
Есть – Катырева яма,
Анны – нет.

—

Её хватились в тот же день.
Искали долго по порогам
Домов окрестных деревень.
И, наконец, в Большие Ро́ги
К покосам пойменным идя,
Платок её нашли однажды.
Платок лежал на сене влажном,
Как Фроськи мёртвое дитя.

...Там, где не видно ни креста, ни камня,
Где ивы над водою виснут,
Осталась – Катырева яма
На месте жизни.

Отступление о русских женщинах

Если будет день всепрощения
У высшего в мире суда,
Бог скажет особое мнение
О женщинах русских тогда.

Он скажет:
«За грех в своей жизни
Они заплатили вполне –
Трудом тяжёлым излишне
И голодом по весне,
И тем, что детей бесконечно
Смывало военной волной,
Что знали лишь поле да печку...
Они заплатили судьбой,
В которой мужицкое дело
Решать приходилось, когда
Мужик – то в город, то в пекло
Войны,
То в хмель – в никуда.
Грехи они оплатили
Не только страданьем,
А тем,
Что хлебом часто делились
(Коль не было худо совсем),
И тем, что счастья хотели
Назло пророкам иным,
А всех несчастных жалели
Счастливым сердцем своим,
И тем, что весёлыми были,
Когда был правитель суров,
И тем, что жарко любили
Беспутных своих мужиков,
И тем, что упавшую долю
Несли,
На судьбу не греша,
Что всё же – на Высшую волю
Надеялась их душа».

...Бог скажет –
И станет иначе
В стране, где сплошной снегопад,
Где кони безумные скачут
Да избы всё время горят.

Троицкое

Преподобный

Храм Святой Троицы на р. Устье.
Основан в 1492 году.
(Из надписи на памятной доске)

Весна была обычной, но земля
Ещё не стала настоящей сушей.
Ручей разлился, вышел на поля
И беспокойные смущает души.

...Что днесь задумал инок Вассиан? –
За Волгу смотрит, не мигая,
Бормочет, что-то повторяя,
И вот к игумену идёт, не зван.

В а с с и а н

Учитель, отче! Скоро двадцать лет,
Как я здесь в послушанье строгом,
С усердием монастырю и Богу
Служу. Но ныне нужен мне совет.

Мне нравится столярня и просфорня,
Я с удовольствием работаю в саду,
А надо быть пономарём – иду,
И на покосе действую проворно.

Хоть главный утешитель жизни – труд,
Я знаю здесь немало утешений:
И книг великих новое прочтенье,
И те беседы, что ведём мы тут.
Ещё люблю ходить я по безмолвным
Божественно украшенным местам.

Как дивен мир, он – словно светлый храм!
Мне в нём покойно, сладко, богомольно.

Но жизнь мирская слишком близко здесь.
Тут Углич, торг и власть, всё – рядом.
Нас задевают княжеские дрязги;
У всех правителей – одна болезнь.
Вот князь Андрей – мне за него обидно!
И в Лу́ках дальних, и во Пскове он
Зачем нарушил Божеский закон,
Теснил и грабил беззащитных?

П а и с и й

Князь Андрей родился в темнице
И, наверно, преставится в ней.
Быстрой смерти, Бог даст, не случится...
Жаль его молодых сыновей.
Я просил за них князя Ивана:
Неповинным зачем же страдать?
Он молчит. Что ж, не буду нежданно
Его просьбами досаждать.

...Но что нам сей мир, не главный, не первый?
Мы же служим Спасителю нашему, Христу.
Нам следует душу свою очищать от скверны,
В трудах и молитвах обретать чистоту.

Считали, что год сей для тварного мира –
Последний. Однако же срок,
Назначенный людям, ещё не истёк.
Значит, есть у нас время на Божью милость.

Спокойная жизнь на Руси – ненадолго.
И скоро придёт череда таких дней,
Когда по стране будут бегать голодные волки,
Одетые в личины людей.
А наши грехи Господь отмечает. Недаром
Он даёт нам знать, если что не так.
Вспомни: пятнадцать церквей сгорели в прошлогоднем пожаре,
И это – Его знак.

В а с с и а н
Готов я строить там, где нет ещё строений,
Готов молиться там, где храмов нет,
Чтоб видеть, как работа – сок земли весенней –
Всё оживит, на всём оставит след.
Как стало одиночество мне мило,
Стремлюсь в ненаселённый край.
Ты, отче, укрепи меня и веру дай,
Чтоб жизнь моя переменилась.
Способен я заполнить то, что пусто,
Родиться вновь, жить, новое творя.
Хочу быть земляничным усом
Покровского монастыря.
Укрой меня молитвой, как покровом,
Прости все прегрешения мои,
Направь же к испытаньям новым
И на пустынножительство благослови.

П а и с и й
Сын мой, верю в тебя. Да откроются
К новой надежде новые силы твои.
Что ж, Вассиан, строй обитель – во имя Троицы.
Иди ко мне... Господи, благослови!

В а с с и а н
Отче, учитель, я верю,
Что построю обитель и храм.
Я давно о Троицкой церкви,
Конечно, думал и сам.
Я вижу её не только снаружи,
Для меня – это делание человеческой души,
Это то, что невозможно разрушить,
Камни мертвые переворошив.
Троица – это мысль, которая доспела,
Это соразмерного мира красота,
Это единение всех людей, всех пределов,
Это замысла Создателя нашего истинная полнота.

—

Влечёт в дорогу неизвестность
Того, кто лёгок на подъём,
И до поры не знает местность

О госте будущем своём.
И гость ещё не знает, где же
Придётся с большака сойти,
Но он уже давно в пути –
Идёт упрямо шагом пешим.

Для Вассиана путь знакомый
Был только до Улéймы. Там
Едой пополнил он котомку
И разузнал про те места,
Где сохранился лес старинный,
Есть пожни, рыбная река,
Куда топор с косой пока
Заходят редко, где – пустынно.

Был месяц травень. Но белели
Ещё последние снега
Там, где росли густые ели.
Из них брусничник выбегал
На свет; зимою утомлённый,
Лист кожистый блестел; он рад
Тому, что нет уже преград
Для жизни новой и несонной.

...Костёр вечерний грел, как дома
(Подумал Вассиан) очаг, –
Теплом таким давно знакомым,
Что путник тьмы не замечал.
Ночь пролетела. Ранний вальдшнеп
Прохоркал где-то за холмом,
И новый день в себе самом
Почуял Вассиан: «Ну, дальше,
Дальше!»

...Сначала шум воды был тихим,
Как дальний говор косачей,
Но нарастал, и вот Звени́ха
Открылась в резвости своей.
Ей путник радостно внимает,
Уже почувствовав родной
Просторный воздух, звук живой
Ещё не виданного края!

И посох свой втыкая в землю,
По крутосклонному холму
Взошёл наверх он.
Всем ли, всем ли
Досталось счастье, как ему,
Увидеть утром яснооким
Картину новых детских дней?!
Там – веры в Бога и в людей
Незамутнённые истоки.

«Зябликов хор громогласный,
Лес, долина, река...
Жизнь, как же ты велика
И – не напрасна!
Боже! Ты здесь ещё ближе.
Сколько в мире любви!
Всё, что вижу и слышу,
Благослови,
Благослови!»

___

Он сосны рубил для будущих стен,
Из ели он делал стропила,
А крышу покрыл берестою, затем
Её землёй завалил он.
Он печку сложил из глины речной,
Он репище выбрал на склоне,
Где грелся от солнца растительный гной,
Но было тенистее в полдень.
Капустник копал он на низких местах,
Где летом прохладно и влажно,
Он то́ни разведал в трёх омутах
И рыбу ловил на каждом.

___

В трудах и долгих молитвах Богу
Он жил, но не ведал ещё итогов
Прошедших на Устье дней...
Был сентябрь. Лист летел всё быстрей.

А когда он ставил часовню,
То однажды понял: «Бог мой!

Ты задумал ввести нас в мир новый,
Чтобы он не страдал пустотой».

Все последние дни и молитвы
Вассиан вдруг увидел не как
Золотое чистое жито,
А как жито, в котором сорняк.
И за эти непраздные дни
Стал себя укорять и казнить:

«Несвобода от чуждых, ненастных
Властных сил – это тюрьма.
Но есть и другая опасность:
Жить по прихоти злого ума...
Своего!
Он же хочет
Не зависеть ни от чего,
Чтоб жилось как можно проще,
Чтобы слушать себя самого,
Не зависеть от добрых знакомых,
От реки, от лесов и полей,
От друзей и отчего дома,
От родителей, от детей.
Если ты живёшь, не делая
И не принимая добра,
Ты – оторванная от дерева,
Быстро сохнущая кора.

Я же здесь не смогу, не сумею
Лишь себе спасенья искать;
Перед Господом благоговея,
В людях чувствую благодать.

Нет, я – не стручок без семени,
Я сердцем навеки прирос
К пахарям местного племени,
И меня знает народ.
Я не просто построить церковь
Здесь хочу,
А чтобы – сто лет
В людях здешних не мерк бы

Божьей искры свет,
И церковь стояла – невестой,
Чтобы так была хороша,
Как местности чудной окрестной
Чутко замершая душа!..
Но Божий храм – не стены каменные,
А люди верные и праведные».

И пошёл Вассиан по ближайшей округе
С просьбой к людям – помочь построить храм.
И стали здесь чаще топорные стуки,
А потом и церковь возникла там.

Обращение Вассиана
(к жителям соседних деревень после излечения ребенка)

«Что дивитесь, люди окрестные,
Этим якобы чудесам?
Я сподоблен творить дивы местные,
Потому что явился к вам,
Потому что меня здесь очистили
Лес великий, Устья-река,
Травы утренние росистые
И голубиные облака,
Потому что я, братья, верую:
Божий мир – для божеских дел,
Вот болезнь, правда, не смертную,
Я у чада – видите!? – одолел.
Бог мне дал собраться с силами
И прийти сюда, где стою.
Если праведник я, то Божьей милостью,
И за то, что вас люблю».

—

Однажды поздно вечером (лучи
Уже скрывались за соседним лесом)
Явился странник. Молвил: «Научи
Любить Создателя: в душе моей – завеса
Из низости и злобности людской,
Корю, виню себя, но не найду покой.
Прошу: сними с меня житейскую коросту».

Ответил Вассиан неведомому гостю:

«Как Богу послужить без боли и любви?
Ты должен пережить страданье.
Бог есть во всём, что ты ни назови.
Открой Его в себе. А ключ – к любви призванье.

Любил ли ты свой дом, страдал ли за него,
Пытался ли спасти его от разрушенья?
Любил ли друга? женщину?
Всего
Лишался ли в одно мгновенье?
Предел своей души ты знаешь ли, мой брат?
Готов ли ты смирить в ней то, что может
Всё оправдать, высокое – попрать,
А, значит, и всю душу уничтожить?..

Я вижу, странник, по твоим слезам,
Что ты, живя, не обделён был болью.
Что ж, будем вместе строить келью, храм:
Из древа – топором, а из души – любовью».

Остался странник. Вскоре стали жить
Здесь многие. Они нашли отраду
В житье по Божьему закону. А закон души,
Он, оказалось, не всегда грешит;
И два закона здесь им разделять не надо...
Так стало расширяться иноческое стадо.

___

Братья землю пахали под рожь и под ярь,
Всякий овощ сажали на грядах
И косили траву у реки. Здесь и встарь,
Говорят, был подобный порядок.
А из леса бревна возили зимой
И строили многие кельи –
Для себя и для тех, кто ненастной порой
Без крыши встречал новоселье.
Всех увечных кормили тем, что смогли
Заготовить до осени строгой.
Но потом...
А потом дни иные пришли:
Вассиан собрался в дорогу.

Последнее слово Вассиана

«Оставляю вам, братья, недостроенный дом:
Бедный храм деревянный, наше скромное дело.
Завещаю вам жить, не скорбя о былом,
И хранить то, что создано (может быть, неумело).

Исцеляйте больных, милу́йте сирот,
Одевайте нагих, питайте голодных,
И давайте бездомным странникам кров,
Свои души смиряя свободно.

Не ищите вы славы у смертных людей,
Не считайтесь скорбями – кто выше, кто первый,
Вы служите Тому, кто всех первых первей,
И любите друг друга не лицемерно.

В мире много лихих сокрушителей стен,
Кто стремится всё время разбрасывать камни.
Нам же надо собрать братство душ, а затем
И настанет время нового храма.

Собирайте же камни: и каменный храм
Здесь появится, если вы сложите основание.
Он не будет подвластен пожарным огням
И многих утешит...
Вот моё завещание».

Сон Вассиана: явление Устьи

«Уходи, если время настало прощаться,
Ты, и правда, совсем уж старик.
Что ж, тебе суждено в ту часть неба подняться,
Где вечернее солнце горит.

Ты окажешься там – за ря́бовским лесом,
За куры́шинским полем, – там, где
Кто-то синим платком вытрет кровь из порезов
И повесит платок на звезде.

Но каким-то далёким безоблачным утром,
Видя крест колокольни и рожь,
По росе непокосной ты, верный мой спутник,
Как когда-то, к началу придёшь.

Ты поклонишься здесь тишине и покою.
Крестным знаменем их осеня,
Ты в камнях не признаешь то, прежде родное,
Но сразу узнаешь – меня.

Ты пойдешь вниз, ко мне,
По пути узнавая
То, что раньше узнать не успел,
И заглянешь в лицо мне – лицо нашего края...
Здравствуй... отрок! Смотри – сколько дел».

2. Разорение

Храм Святой Троицы... Основан в 1492 году...
В 1548 году воздвигнут храм-башня (ныне летняя церковь)...
(Из надписи на памятной доске)

Ответ горожан полякам,
подступившим под Углич

«Что вы грабите наши грады и веси?
Почто домогаетесь наших жён?
Зачем принуждаете к вашей вере,
Чтобы мы чтили не свой закон?

Или вера ваша – не прочней паутины
И не может без крови прожить?
Или жёны ваши – не слаще рябины?
Так их надобно – научить!

Или пашни ваши – не богаче болота?
Так в них надо навоз положить.
Или пахари ваши – не пашут до пота?
Так их надобно – проучить!

Вы сидите в седле, небось, без подпруги?
Вы шатаетесь по Руси, как дым.
Мы вашему королю Жигимонту – не слуги,
И веры вашей панежской – не хотим».

—

По весеннему снегу – чёрный монах.
Невозможно на это смотреть:

То в обитель летят горе и страх,
То движется чёрная весть.

Сам игумен встречает монаха-гонца,
А на том – нет лица, нет лица.

«Отец мой, я послан тебя остеречь,
Я из бедной Улеймы иду,
Там кругом уже польская речь...
Подожди: голова, как в чаду.
Дай попить, отдышаться... Сейчас, сейчас...
Боюсь начинать рассказ.

Разорили поляки многолюдный Углич,
Куда ни посмотришь – огни и дымы,
Не осталось в городе прежних улиц –
От бежавших оттуда это узнали мы.
Единодушно и храбро защищали жители город,
Отбивали наскоки разбойных людей.
Угличане две битвы сражались упорно,
А в третьей – сребролюбцы были сильней.
Оказалось, на смерть не каждый готов:
Подкупили поляки наших стрельцов.

И не грянул на башне сполóшный набат,
И Волга не прянула в страхе назад,
И солнце не скрылось в холодном дыму,
И ужас видений – был лишь одному,
И звёзды остались на прежних местах...
Неужто измену – уже не числят в грехах?!

Да, мы каялись в храме Успения
В крамоле своей, ослеплении,
Великом своём душегубстве,
Сердечном своем кривопутстве,
В хотении блага тленного
И спасения душ непременного,
Но, видать, зла в себе не увидели
Ни простой народ, ни правители.

Вот – не стало града, и люди исчезли с ним,
А кто спасся – бредёт по трущобам лесным.

Из церквей теперь виден лишь небосвод;
Кто в разрушенный храм молиться придёт?..
Псы да хладные гады живут в алтарях,
Иногда лишь заходят отряды бродяг,
Чтобы в кости играть на досках икон,
А хоругви срывать и срезать – для попон,
Пить мирское питьё из потиров...
Не настал ли уже конец мира?

А вчера до Улеймы дошла злая рать.
Приготовьтесь и вы, как и мы, умирать:
Все они на конях, скачут быстро,
И ведёт их, должно быть, Антихрист».

«Что ж,– игумен сказал, – надо с честью суметь
Смертью страдной за веру свою умереть:
Нет ни каменных стен здесь, ни доброго рва,
И оружия нет, лишь мечи, но их два;
А несломанный меч – всего лишь один,
Чтобы вербу срезать для плетенья корзин.

Нам теперь успеть бы проститься,
Исповедоваться да причаститься,
Да силы собрать в ожидании
Жизни лучшей. А страда – её оправдание.
Ныне участь желанная, братья, пришла,
Звоните скорее в колокола:
Пусть миряне, кто хочет быть с нами,
Собираются здесь, в этом храме.

А все деньги, что пахари дали на храм,
Чтоб они не достались жадным врагам,
Закопайте на месте условном.
Тот, кто выживет чудом и деньги найдёт,
Пусть на холм их тому принесёт,
Кто захочет построить всё снова».

(Лишь когда-то потом этот денежный след
Будет мальчиком найден на вспаханном поле.
Но пройдут сотни лет до того,
Сотни лет...
Где ж иные следы?

В нашей памяти, что ли?..
Ну, а мелкие деньги – жертвенный сбор –
Все исчезнут в трущобах советских контор).

___

А назавтра был солнечный день, и восток
Осветился весенним приветом.
Но от запада шел – будто новый потоп:
Стая туч ползла против света.
Это – толпы врагов, черней, чем грачи.
Как зарницы, сверкали в ней латы, мечи,
А над ними – хоругви убогие,
На хоругвях – кресты тонконогие.

И обрушилась стая на Троицкий холм,
Прошла все затворы, все входы местные.
Нет, не дождь весенний тогда прошёл,
Обернулась туча – страдою крестною.

Стали рыскать латинцы и русские воры,
Жаждая злата церковного да жемчугов.
То, что мало всего – это поняли скоро,
И свирепство напало на чужаков.

Разорили они кресты покоища Троицкого,
Подожгли кельи иноков и самый храм;
Всё, что многолетно и многотрудно строилось,
Захотели обратить в пустоту и хлам.
Добрались они и до вассиановой гробницы,
Рассекли её, ругаясь и смеясь,
А потом – такое не могло и присниться –
Мощи преподобного вывалили в грязь...

И никто не препятствовал этому злодейству.
Напал на окаянных – лишь деревенский пёс,
Лишь он оказал им противодейство,
Но смертельный укус ему меч нанёс.

И пёс, заплакав, как чадо, как заяц,
Пополз, часть себя на земле оставляя,
И крик его жалкий туда полетел,
Где не было крови и резаных тел...

А люди, которых рубили мечами,
На лютых врагов взирая,
Молчали,
И те, которых живыми – в землю,
Тоже были – как будто немы,
И тех, которых бросали в пламя,
Вьющееся вокруг того,
Что оставалось ещё каменным храмом,
Те – тоже не крикнули ничего.
И даже мальчишка какой-то упрямый,
Которого проткнули длинным копьём,
Не крикнул от боли хотя бы – «Мама!»,
А молча упал со вспоротым животом.

И деревья молчали, и даже Звениха,
Как будто от прочной запруды, затихла.

И лишь через день лес соседний заплакал,
А дым утончился и стал тонкостебельным злаком.
Потом даль закрылась взъерошенной птицей небесной,
И серые крылья нависли над этим холмом бессловесным.
Вдруг шорох раздался, и снег повалил тяжело...
И вместе со снегом всё бывшее в древнюю Устью ушло.
Снег долго стекал, он пенился, словно мыло,
И душу реки эта пена холма – исказила.
В речных омутах непрозрачною стала вода,
А травы вдоль берега не колосились тогда.

—

О, Угличская земля!
Сколько бед ты претерпела,
Сколько разорений ты перенесла,
Сколько неповинной крови впитала,
Скольких скитальцев породила!

Где твои лучшие сыны?
Где твои прекрасные дочери?
Где твои святые церкви?
Где красота земли и града Углича?
Всё единым часом в пустыню обратилось.
Сколько лет прошло – и нет тебе воскрешения.

Но и блаженна Угличская земля,
Ибо обагрилась кровью жителей своих.
Но и блаженны твои граждане,
Ибо за веру и землю свою погибли.

Дай, Боже, погибшим – вечный покой,
А живущим – мирное житьё и благоденствие,
Но также – светлое покаяние и утешение сердечное.

___

На выбитом поле – зверобой да бастыльник.
По русскому полю бродят стада.
Как стало здесь бедно, сухо и пыльно.
Седые кобылки шуршат иногда.

От засухи листья травы побелели:
Дожди уже месяц не шли.
Как мало осталось людей поземельных,
В деревне – одни беспашенные бобыли.

Стада из поляков, бездомовников русских,
Воров, казаков – не во сне, наяву! –
Кочуют по полю, ржут и блеют стоустно
И выедают траву.

На выбитом поле – тусклые лица.
Песок завивается между стеблей.
Дайте дождя равнине великой,
И что-то – свершится в ней!

___

...Те беды из Руси пошли назад, когда
Вдруг встала над Москвой хвостатая звезда.

Отступление о русском снеге

Создана Россия для
Неизвестных лет...
Да, Россия – и земля,
И простор, и свет,
И разливы по весне

Бесконечных рек...
Только всё, что есть в стране,
Покрывает снег.

Он летит косой пургой,
Заметая путь,
И приходится дугой
Здесь порой свернуть.

А когда пурга замрёт,
То тогда – странна –
Над равниною взойдёт
Тишина.

Где здесь куст, а где овраг?
Всё занесено.
Здесь от снежного ковра
Всё и всем равно.

Охладить здесь может он
Всё, что на земле.
Крепок долгий зимний сон
О большом тепле.

А нежданною весной,
До травы-листвы,
Снег затопит нас водой
Выше головы.

После, как сойдёт вода
Из лугов-полей,
Вдруг пожалует сюда
Ветер-суховей.

Будет рожь – как рыжий мех,
И трава – как ржа;
Дом, который выше всех,
Будет жечь пожар.

Но когда иссохнет пот
И утихнет боль,
Нам Россия поднесёт
Снова снега соль.

В наступившем полудне,
Где белым-бело,
Будет падать ровный снег,
Будет тихо, как во сне,
И почти светло.

3. Отпор

Храм Святой Троицы... Основан в 1492 году...
В 1929 году храм спасён Троицкими женщинами от закрытия.

(Из надписи на памятной доске)

Против холода есть теплицы,
Против бедности почвы – навоз,
Против засухи – просто поливы
(Но – водой, а не вёдрами слёз).

Против зависти горе-соседа
Есть и щедрость, и добрый смех,
И пример, как не сделаться бедным,
Одаривая всех.

Против туч разрушительной страсти
Ясность разума людям дана.
Ну, а против давления власти
Существует в нас – глубина.

___

Попа давно послали на рытьё
Северо-западного канала.
Земная власть, хватая не своё,
Всё больше воли получала.
Закрыта церковь, на ступенях лёд.
И время к неизбежному идёт.

___

Евдокия молвила: «Бабы!
Отберут нашу церковь, коль мы
Не сумеем денег собрать – хотя бы,
Чтоб налог заплатить до зимы».

«Много ль надо?» – спросил кто-то.
«Много, бабы. Ну, так что ж,
Давайте займёмся общей работой,
Чтоб пресечь нашей церкви грабёж.
Вы несите ко мне, кто сможет,
Семя льняное, зерно или лён,
И верных людей просите о том же,
Но всё делайте осторожно:
У комбедовских – знаете! – свой закон.
Днём ко мне не ходите,
Только в тёмное время несите свой дар.
Двор будет открыт, и вы не стучите,
В сарай на сани складывайте товар.
А ты, Анна, иди во Владышню,
Ты, Катерина, давай в Слободу,
К кому – сами знаете: будет не лишним
То, что они для церкви дадут».

Неделя прошла и другая.
Снег выпал. На Устье давно уже лёд.
На три подводы товара набралось в сарае.
Пожалуй, лучшее принёс окрестный народ.

А на праздник Николы, днём коротким и серым,
Всё собранное женщины продавать повезли
На большой базар – в Заозерье.

Богородица да Никола им помогли
Удачно продать.
И вот – староста в сельсовете
Заплатил церковной общины долги...
Ещё тёплые дни были так далеки,
Но солнце уже повернуло на лето.

___

А потом вернулся отец Тимофей
(На второй или третий год).
Он решился служить в церкви своей,
И однажды собрал народ.

Но семья Тимофея повисла на нём:
«Не дадим служить, отступись,

А то и нас, как тебя, потом
Уведут на канал, а не в жизнь!»

«С нами Бог! – сказал тогда Тимофей, –
Он всё видит и нас защитит,
Вот, смотрите: у этих открытых дверей
Весь приход наш сегодня стоит.

Удостоен я быть при вас – при тех,
Кому вчера не помог.
Я в ответе за всех деревенских – за всех,
У кого надежда – лишь Бог.

Так войдём же в наш старый храм,
Может быть, не спасёт он от бед,
Но любовь и надежду оставит нам,
А утешит нас – вечный свет».

Вот тогда-то служба первая началась...
И ослабла земная власть.

___

Кто сказал, что нельзя дать отпора
Наводнению, ветру, огню,
Самодуру, разбойнику, вору,
Сабле острой, ножу, кистеню?!

Всё возможно! Надо лишь видеть
Силы этой стихийной предел,
И, сделав такое открытье,
Не бегать от жертвенных дел.

Всё возможно. Только лишь надо
На другую надеяться жизнь,
Пусть надежда – слабее лампады,
Но её – отчаяньем – не тушить.

Всё возможно. Надо лишь верить
В невозможное – в те дела,
От которых смиряются звери,
А зима станет царством тепла.

Надо верить, что души благие
Всех бездушных стихий сильней...
И родится тогда – Евдокия,
И придёт к нам тогда – Тимофей.

Отступление о сеятеле

Когда необходимость подоспеет
Народу перейти свой Рубикон,
То во́время среди толпы созреет
Свой местный Цезарь, свой Наполеон.

Когда приходит время делать дело,
Готовить почву, утверждать закон,
Всегда найдётся человек умелый –
Микула-пахарь и мудрец Солон.

Ну а когда идёт иное время,
И поле вспахано, но жить запрещено,
Найдётся и тогда озимой жизни семя
И сеятель, бросающий зерно.

4. Церковь

В 1784-1787 гг. сооружены зимняя
церковь и колокольня...
Охраняется государством.
(Из надписи на памятной доске)

На холме между Устьей
И Звенихой-рекой
Ныне хоть и не пусто,
Но великий покой.

Из сирени погоста
Колокольня и храм
Два креста светоносных
Здесь несут к небесам.

На пороге горбатом
Прорастает трава.

Всё, что было когда-то,
Люди помнят едва.

А про то, что здесь будет,
Угадать не дано...
Церковь – памятник людям
Или в небо окно?

Это – помощь нам, грешным,
Сделать к Господу шаг,
Или местности здешней
Так застыла душа?

Друг

1. Охота

Мы жили в Питере и встретились в Лесном,
В том институте, что в старинном парке
Белеет парусом широким. Нам весло
Тогда не нужно было, – нас несло
Туда, где необычное сверкало ярко.
Хотелось бы сейчас нестись на прежний свет,
Но паруса того во мне уж нет.
Те годы – не сказать, чтоб святы...
А был – конец пятидесятых.

Привычное уже приелось нам.
Все мы немножко бунтовали,
И песни Киплинга мешали
С блатным фольклором пополам.
Не рубль, не доллар, а «Долля́р»
(Портвейн не слишком утончённый,
По правде, очень уж креплёный,
Зато дешёвый) – утолял
В нас жажду жизни неизвестной,
Как лес, охота;
Пир совместный
Растущих душ – вот идеал...
Но что-то в нас ещё бродило

И соблазняло, будто грех.
Возможно, это – справедливость
Для всех.

Корыстной и идейной цели
Мы, слава Богу, не имели,
А верить, думаю, могли
В такой закон Земли:
Когда глухарь начертит письмена
Своим крылом на снеге сахаристом,
Тогда придут иные времена,
И будет таять снега пелена,
И всё изменится – естественно и быстро.

___

…Где дружбы нашей был источник?
Увы, не рассмотреть сейчас.
Что в первый год сближало нас,
Мы и тогда не знали точно.
Но вольно думать обо всём
Могли, пожалуй, лишь вдвоём.

Я другу помогал слегка в учёбе,
А он меня к охоте пристрастил.
Но в русский лес стремились оба,
Он нас, наверно, и сдружил.

Друг добрым был, хотя горячим.
Когда излишне выпивал,
Он то обидою считал,
Что для других – не много значит,
И становился, как незрячий.
Лишь мне, быть может, удавалось
Смирять его неистовую ярость...

Любил он в гордости невольной
Стихами веселить ребят.
Стихи, конечно, говорят
О нашей жизни полушкольной.
Мне излагать их не с руки,
Вам предлагаю лишь куски:

«...Вот я, смотри, скелет совсем,
По десять дней жратвы не ем,
Спина уж к брюху приросла,
Как у столетнего осла...».

«...У нас же, видишь ли, финанс
Даёт на брюхо резонанс...».

«...Пузатый, мелкий вы народ,
Что ни студент, то идиот:
По роже съездишь одному,
Глядишь, уж дали самому».

«...С лица внезапно побледнев,
Вскочил спросонья бедный лев...».

«Люба – тонкая натура,
Влюблена в литературу:
Только тот ей люб мальчишка,
У которого сберкнижка».

___

По бедности студенческих карманов
И тесноте своих квартир,
Мы без собак, одним обманом
Пытались раскусить тот мир,
Где на берёзах косачи чернели,
Следили зайцы на снегу...
Мы – что случиться – знать хотели
Не на веку,
А на току.
Как жизнь в квартирах небогатых,
Охота скромною была,
В ней вместо гончих и легавых –
Манки, засады, чучела.

В недальнем Лисине среди лихих проказ
На тягу вальдшнепов ходили мы не раз –
Без выстрелов и без ущерба
Для нашей практики учебной.
Зимой, в каникулы, мы по худому следу

Бродили часто, не стреляя, до обеда.
Потом, в избе знакомой греясь,
Бесед открытых мы ценили прелесть.

А что касается добычи
Пера и пуха, тут как раз
Число и вес сражённых птичек
Хотя и занимало нас,
Главнее было – *поиск* дичи.
(Однако голос наших тел
Так часто про жаркое пел!
К тому же без ружья по молодости лет
Ходить по лесу скучно, сонно.
В лесу нельзя быть просто посторонним:
Он не раскроет свой секрет).

Пальба ружейная согрела
Часы охотничьи мои.
Был запах пороха острее
Зажатой в кулаке хвои...
Да, кровь – была. Теперь о том жалею.
Но и жалею тех, кто в юные года,
От воздуха и пороха шалея,
Азарта не испытывал тогда.
С тех пор душа моя созрела:
Я понял, что чужим свободным телом
Владеть нельзя,
Тем более – душой,
Хоть птичьей, хоть звериной, хоть иной.

___

Вот мы из города уходим
Туда, где край пустых полей,
На бескорыстную охоту
За впечатлениями дней,
Туда, где что-то происходит,
В лесную глушь,
К сердцам друзей.

Там выслушать готов собрат
Твоё особенное мненье,
Там мира прежнее движенье

Вдруг изменяется стократ,
Там всё меняется совсем,
И ты становишься не тем,
Кем жаждал бы тебя увидеть
Любого уровня правитель,
А тем, кем видят в эти дни
Тебя товарищи твои...

Иных уж нет... К ним прикоснуться
Лишь словом можно, а рукой – нельзя.
И всё же в прошлое вернуться,
Пожить сегодня прежним чувством
Уж очень хочется, друзья.

___

Ну а сейчас я опишу
Тетеревиный ток.
Идём
Мы до рассвета – к шалашу.
Апрель. И вот вдвоём –
Пришли. Забрались. Ждём.

Как тихо и темно. Озноб.
Бекас лишь одинокий блеет.
Почти растаявший сугроб
Едва белеет.

Опять затихло всё.
Но – звук
Издалека: «Чуф-ф-ш-и-и!»
Потом,
Над головою – вдруг,
Как будто близкий гром,
Затем – вокруг, кругом,
Как чистое бельё
На штормовом ветру...
То – косачей прилёт
На главную игру.

И – песня полилась
Со всех сторон, как будто

Ручьёв весенних страсть,
Бурля, тебя окутала.

Рассвет. И, чуть дыша,
Ты смотришь (иностранец!)
Сквозь ветки шалаша
На птичий бой и танец.

Как плуга паруса,
Распущенные крылья,
Поклоны, голоса –
Им нет сравнений сильных.

На кровь больших бровей,
На белизну подхвостья,
На гордость чернышей
Глядишь незваным гостем.

Что – тайной быть должно?
Что – видеть не пристало?
Зачем тебе дано
Найти своё начало?..

На высоте плеча –
Ружьё.
И – грохнул выстрел грозный,
И – крылья косача
Бьют мёрзлый мох и воздух.

Весь мир затих на миг.
Всё замерло от взрыва...
Минута, две... и вновь возник
Всё тех же голосов родник,
Теперь – без перерыва.

—

Зимой, когда всё делалось скучней,
Мы с другом приезжали в Лисино, что в шаге
От Питера. Там жили пару дней
В Охотничьем дворце – студенческой общаге,
Чтоб говорить о том... о всём –
Не ежедневным языком.

—

Комендант открывал общежитие,
Принимал за ночёвку взнос.
Был уж вечер.
Для чае- и винопития
Мы выкладывали – кто что привёз.

Говорили про всё без стеснения:
О студенческих, позже – рабочих делах,
Об охоте, сердечных своих увлечениях,
Иногда – и в стихах.

Были долгие разговоры
О жизни, похожей на круг,
И всегда, конечно, о лесе,
О лесе, который –
Наш общий свободный друг.

Песен русских пели немало мы.
Пели то, что на душу легло:
«Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село...».
Эти песни прошлого нашего
Сердцу были – то уголь, то снег...
«Как у нас, голова бесшабашная,
Застрелился чужой человек...»

Петь, молчать, говорить или слушать нам
Было просто, сладко, легко.
Все дела и заботы бездушные
Отлетали от нас далеко...

—

А утром мы – в лесу. Там в белых кружевах
Немой стеной дремал подлесок,
И полусвет, как в черно-белых снах,
Был бестенистен и не резок.

Кругом был снег, и он – везде, на всём –
Был чист, как облаков первоначальных стадо.

Яснела мысль: когда в лесу живём,
То жизнь сама – и есть её награда.

Ещё хвоя и сучья не покрыли
Поверхность снега – гладь его чиста,
Ещё не видно человечьей пыли,
Жизнь будто началась здесь с чистого листа.
И как легко найти, бродя по лесу,
Начальной жизни первые дела:
Здесь – белка прыткая на ель залезла,
Здесь – заяц ел кору, полёвка проползла,
Здесь – пробежала резвая куница,
Здесь – рябчик ночевал в снегу
(Казалось, лунка – тёплая, она ещё дымится,
Как сено мокрое в стогу).

Потом в лесу мы ёлку наряжали,
Чтоб посмотреть, что с ней произойдёт
Когда-нибудь, обычно – через год.
Часы бежали...

Мы нехотя, но возвращались, чтобы
Успеть на нужный (нужный ли?) автобус.
Автобус ехал мимо церкви. В ней
Слова на стенах – клички лошадей...

—

Друг однажды сказал: «Поедем
К деду с бабкой в деревню. Там –
Лес, река, дом крестьянский, всё это
С детства милые мне места».

...По булыжной дороге Ростовской,
Что вилась вдоль старых берёз,
Дряхлый, тесный, весёлый автобус
До Ильинского нас довёз.

И по лесу в сторону Устьи
С рюкзаками и ружьями за спиной
Мы пошли по тропе не узкой.
Хрупкий лёд трещал под ногой.

Воздух был, как будто в начале
Послегрозья – прохладен и нов.
Мы шли, конечно, не замечая
Вассиановых древних следов.

Мы не знали, что к Устье когда-то
Пробирался этим путём
Некий инок – и также крылато
Билось сердце ждущее в нём?!
Наша память была чиста...
Тот чернец был нам не чета.

—

Ручьи в движении лавинном,
Как на току тетеревином,
Не умолкали ни на миг,
Пока их птичий голос тихий
Не заглушил реки Звенихи
Звериный непрерывный рык.

Но вот – видна опушка леса,
И перед взглядом нет завесы.
По косогору – на простор
Выходим: Троицкое, церковь.
Но нас ведут иные цели.
Идём быстрей, чем до сих пор.

Стремимся дальше мы,
Туда,
Где избы за рекой толпятся,
Где, если от моста подняться,
Нас ждёт деревня Слобода –
Конец пути. Свобода?
Да!

—

И были будни, точно праздник...
Егору слепнувшему я
Читал библейские рассказы
(Что после Книги Бытия).
А баба Анна угощала

Нас преснецами с творогом.
Мы по хозяйству помогали:
Дрова кололи колуном,
Носили воду,
Со двора
Навоз на огород носили...
Но мы, конечно, лесом жили.
Нам и теперь туда пора...

—

Апрельских полян старотравье
Покрыто было водой.
Я вспомнил! Всё новое, здравствуй!
Мир здешний – не новый, а – мой!

Здесь солнце и сверху, и снизу,
На небе и у сапог.
Жизнь вольная – солнца брызги –
И там, высоко, и – у ног.

Здесь кажется: жизнь – без предела.
Но воды – к пределу спешат,
И вылететь хочет из тела
Туда же – к пределу – душа.

—

Всё, что раскинулось вокруг,
Показывал мне щедро друг,
Как дом свой.
Мы сначала
К реке спустились,
А потом,
Облазили весь этот дом –
От крыши до подвала.

Боры ближайшие (до Клина)
Сравню, наверное, с крыльцом.
Через него мы входим в дом –
В приустьичную половину.

А если путь у нас намечен
В другую сторону,

Войдём
В уютный О́сек. Здесь, как печка,
Сосновый бор обдаст теплом.

Потом – Точи́щи, где над нами
В берёзах свет такой, что он
Не мог быть солнцем сотворён.
Стоим, как перед образа́ми.

За Дубняками – царство гор,
И высоту здесь не опишешь.
Царим, как в первый раз на крыше,
В груди – восторг.

А там, где Каблуко́во поле, –
Глубокий, весь в лесу, овраг.
Нет, не могу его никак
Сравнить с подвалом и подпольем.

Здесь, на границе с полем плоским,
Мы видим, как почти у ног,
Два рябчика – веерохвостны –
Бегут, услышав наш манок.

Внизу – тенисто и чуть влажно,
Прохладно даже жарким днём.
И если рухнет мир однажды,
Мы здесь его переживём.

Как неприступны эти стены!
Они – защита от людей
Богатства листьев и стеблей,
Следов непуганых зверей
И птиц в коронах драгоценных.

На дне оврага вечно льётся
Живоначальная вода.
Кто был здесь, тот сюда вернётся,
Хоть мысленно,
Хоть иногда.

...Друг изменился за неделю,
Показывая мне свой дом.

Его глаза теперь блестели.
И я был счастлив в доме том.

___

Белолицый день угасает,
Из цвета уходят силы.
Длинная тень косая
Почти остановилась.

Скоро мы будем на тяге:
Идём в Пусто́шку, к реке.
Слышно, как лают собаки
В деревне, невдалеке...

Дошли. Под ольхою вдвоём
Встали; притихли и ждём...

Посланец сумеречного мира
Летит почти неслышно,
Почти незримо.
Как неожидан тихий хриплый хорк его,
Он возникает – из ничего;
Хотя сама лесная эта птица
Из прошлогоднего листа, наверное, родится.
Уже дрозды все отошли ко сну,
Лишь он сгущает тень и тишину.
Он подлетел и улетает дальше,
Он сам – и тишь, и тьма,
Последний вальдшнеп.
Ну что ж, пора и нам с тобой...
Тропу теряя, мы идём домой.

___

Тратить слов мы стали всё меньше:
Мы без них говорили друг с другом –
Улыбкой, глазами, движением...
Это вовсе не трудно.

Мы друг с другом нашли понимание,
Понимание мира нашли.
Голос неба – простое молчание –
Долетел до нас –
От земли.

Отступление о любительской охоте и других труднообъяснимых видах деятельности

Что есть глупей охоты? –
Писание стихов?
Игра в футбол до пота
(Без денежных призов)?
Конечно! Глупо также
Держать котов, собак,
Не как ночную стражу,
Не к выгодной продаже,
А, в общем – просто так.
Не мудро лезть куда-то,
Где раньше не бывал,
Работать без зарплаты,
Смирять девятый вал,
Любить, не зная, кто же
Тебя так опьянил
(Что выяснится позже,
На склоне дней и сил).
А много ль толку в дружбе?
Вот если друг богат,
Тогда, наверно, нужно
Быть верным другом, брат.
Жить беззаботно, смело,
Когда пуста сума,
И это тоже дело
Несильного ума.
Но не умней и вера
В Того, кто создал всех.
Коль есть Он, верю: первым
Он и придумал смех.
Мы все, возможно, брызги
Тех шуточек Его.
Что есть смешнее жизни?!
Живём же... ничего.

Но есть в летучих чарах
Игрушечных затей
Божественный подарок.
Для выросших детей.

2. Дорога на Губино

Через несколько лет мы собрались
Отпуск свой провести в Слободе.
Мы встретились на Московском вокзале,
Друга мать и родственники провожали.
Никто не думал о близкой беде.

В этот раз мы собрались рано.
Был апрель
И в нас – счастливый такой непокой.
Ах, какие мы строили планы,
Сколько времени было у нас той весной!

...Среди других стояла там на перроне
Его двоюродная сестра.
Но я слишком быстро очутился в вагоне...
Значит, было ещё не пора.

—

Мы в Ильинском расстались. Как же
Близка к нам была Слобода!
Я поехал туда на подводе с поклажей,
А он, как оказалось, – ушёл навсегда.

По дороге в далёкое Губино
Среди голых красных ветвей
Была жизнь друга зачем-то погублена...
Говорят, крики слышались: «Эй!.. Эй!..»
Ещё в рост не тронулся лист,
Даже ива ещё не цвела.
Было сыро. Но воздух был чист
И река неподвижно бела.

...А его в Слободе ожидали.
День, другой – никаких известий.
Снег вокруг всё таял и таял,
Мы с Марией думали да гадали:
Если он – туда, то – тогда... Если... если...

Ожидание вестей чёрных и серых,
Слухи, которые оправдались...

А потом – поездка на тракторе в Заозерье,
Тело, которое нам с Григорием передали.
И до Углича ночью тёплой, но зябкой,
Был длинный путь...
Тело друга дрожало от дорожной тряски.
...Надо было бы чем-то ещё обернуть...

—

Лес мой вечно милый,
Мы теперь одни.
Мимо друга, мимо
Утекают дни...

Продолжалась знобкая
Русская весна.
Наша речка робкая
Стала вдруг – полна.

Ночью, будто крадучись,
Выпрямилась во весь рост.
Три дня что-то праздновала
И свалила мост.

—

В чём смысл такой короткой жизни?
Зачем намеченный полёт
Был остановлен, а не снижен
(Как с многими произойдёт)?
Зачем двух жизней перекрестье
Понадобилось небесам?
Зачем мы оказались вместе?
Чтоб разойтись по сторонам?

Наверное, был кто-то должен
Другого направлять… Куда?
Его – не знаю, но возможно,
Меня – в деревню Слобода?
Чтоб мне вдруг не проехать мимо
Избы на Устье, чтоб успеть
Увидеть женский фотоснимок,
Пока к тебе несётся смерть?
Чтоб ты помог узнать мне больше

Того, что я один бы смог:
Охоты дрожь, льняное поле,
Апрель весёлый без дорог?
Чтоб вся любовь к лесам и весям
Соединилась со стихом,
Чтоб шли они всё время вместе –
До этой смерти
И потом?
Чтоб я своим сердечным стуком
(Не знаю – для кого) донёс,
Что мир не стоит жизни друга,
Весь мир не стоит жизни друга
И женских безнадёжных слёз?

Не знаю... Что теперь гадать?
Нас русская земля соединит опять.

Отступление о певце

(вольный перевод из Гёте Л. Трусова)

«Скажи мне, чьё пение там у ворот
С моста надо рвом прозвучало?
Скорей же иди. Для забавы господ
Певца пригласи в наши залы» –
Слуге своенравно промолвил король. –
«Да, кстати, просить ты его соизволь,
Чтоб спел эту песню с начала».

«Приветствую вас, благородных господ,
И вас, о прекрасные дамы!
Какой пред собою я зрю небосвод,
Какими усыпан звездáми,
Какая здесь роскошь, величье и свет!
Но... очи, закройтесь: времени нет
Ласкать эту роскошь глазами».

Свой взор опустил седовласый певец,
Ударил в струну звуковую.
И дамы и воины с биеньем сердец
Прослушали песню простую.
Король был доволен; за этот напев,

К себе старику подойти повелев,
Он цепь протянул золотую.

«Не надо дарить мне богатых даров:
Цепочку получит пусть воин,
Который копьём поражает врагов,
А я же её недостоин;
Иль канцлеру дайте за верность его,
Хоть много подарков златых у него,
Но будет и этим доволен.

Я вольные песни задаром пою,
Как птица поёт над землёю.
Лишь звуки, что в сердце своём создаю,
Наградой мне служат большою.
Но если позволишь, просил бы о том,
Чтоб дали мне кубок с янтарным вином,
С блестящей, как злато, струёю».

К устам своим звонкий поднёс он бокал
С напитком – о... полным услады!
«Я счастья бы этому дому желал,
Где кубок – частица награды.
И коль повезёт вам не только в вине,
Я скромно прошу вспоминать обо мне.
А большего мне и не надо».

Часть третья.
МЕСТНОСТЬ

Река

Начало Устьи – ближе к Заозерью.
Я не был там, а потому другим поверю,
Что начинается она в болоте топяном,
Как водится, невидным ручейком.
Потом бежит она по вязкой пойме,
Вернее, не бежит – идёт, ползёт:

А что́ ей
Бежать? Куда, зачем? И знает ли она,
Что впереди грядёт большая глубина?
Но если бы она и знала:
Рекою двигает не устье, а начало.

У речки впереди вёрст разных очень много.
Её течение ещё до Слободы
Пересекает в Губино дорога
(Здесь раньше были лёвины следы),
А дальше по течению – там наши
Уже знакомые края, потом,
Пройдя тот берег, где Егора дом,
Река течёт туда, где больше пашен
И деревень, и сёл –
За Троицкое (куда когда-то Вассиан пришёл)...

Потом деревни отступают
От низких берегов реки.
Она всё ширится, ещё не зная,
Что волны Вёксы родственной близки.
И вот близ города Ростова
Река (от места «Три воды»)
Течёт уже как часть иного
Потока, и её следы
Скрывает Волга...

—

У реки глаза омуто́вые,
Заблестеть от солнца готовые,
А ресницы и брови – пышные,
Камышом да осокой колышутся.
Лишь зимой холодной да снежною
Омута – как будто ослепшие.
Но реке не во вред снега кашица,
Слепота её – только кажется.

—

Твои воды всё те же, лишь берега
Изменяют их вкус. И станет ли горше
Вкус напитка, который так трудно испортить?
Он готовился долго – века и века.

Унесёшь ли ты память домов и полей,
Всё, что с нами случилось, прочь, до самого моря,
Или каждая радость и каждое горе
Здесь останутся вместе с травою твоей?

Если так, то осока, камыш да тростник
Заскрипят, захрустят от скопившейся соли,
Потому что несчастий всё-таки больше,
И тогда – твой засохнет язык.

А когда ты умолкнешь даже весной,
Собирая весь снег, что в округе скопился,
Это значит, что наш новодел отразился
На тебе,
И ты стала иной.

___

Плотва обнюхивает воздух с интересом,
От носа рыбьего идут круги.
Она всё ждёт, когда из поднебесья
Добыча свалится на зеркало реки.

Да, были времена, когда и мы ловили
Здесь всех и всё, что и без нас растёт.
Но ловим и теперь, хотя почти забыли,
Как добывали белку, находили мёд.

Зато готовы мы идти за урожаем
Грибов и ягод, лес не свой рубить,
В реке ничейной рыбу половить,
Везде – не сея, не сажая,
Как будто жить нам года два,
Как будто мы – плотва.

___

Мост через Устью – деревянный.
Когда построен?.. Как сказать? –
Он строится всё время, непрестанно,
И разрушается опять.

Кто разрушает? Нет, не время,
Не происки зловредных чужаков.

Нет, это – люди из деревни:
Водители безумных тракторов,
Грузовиков и... любопытные: их силы
Воистину безбрежны, а мечта –
Узнать, как крепко держатся перила
И как сквозь доски бедного настила
Войти во внутренности этого моста,
Проверить все проёмы и разъёмы,
Там что-то расшатать и выбросить долой,
Что поддаётся – превратить в обломки,
Тем насладиться и пойти домой,
Попутно посмотрев ещё, как будет биться в речке
Среди травы доска с колесно-тракторной насечкой.

—

А вот что говорит сама река –
Негромко, ненапористо (пока):

«Я – лицо твоё, край мой росистый,
Посмотри на меня, – на себя:
Если ты здоровый и чистый,
Значит, буду такой и я.

Не грязните ручьи да колодцы,
И низины лесов и полей.
Я хочу быть чистой, холодной,
Чтобы радовать ваших детей.

Если цвет у ручьев, как вощины,
То в меня будут травы лезть.
Травы водные – это морщины,
Это старость моя и болезнь.

Не бросайте в воду осколков
Грязных дел, доходящих до дна.
Как добавить прозрачности Волге,
Если Устья будет мутна?

Не смертельны мои болезни,
Но и нет былой чистоты.
Не заводов – навоза железо
Ржавеет в толще воды.

Край мой милый, как жизнь обернётся?
Не хочу быть, как старый ров.
За леченье никто не берётся,
Нет ещё для меня докторов».

___

Ты весною полней – от снегов, не дождей,
А снега – с берегов долины твоей.
Пусть снега твои воды промоют,
И разлив, словно взрыв, из тебя унесёт
Весь тот сор, что скопился за лето, за год,
Но не стал ещё, Устья, тобою.

То, что здесь с берегов доставалось волнам,
Часто было чужим и самим берегам,
И тебя склоняло к измене.
Да и ты слишком вяло работала, знать,
Коль теперь тебя, Устья, почти не узнать.
Ты сама зарастаешь от лени.

Вот и пусть этот мальчик – весенний разлив,
Твои старые воды другими промыв,
Вместе с грязью наносной умчится,
Вкус же древней воды – сохранится.

___

Твой путь известен в этом мире –
К реке большой,
Где ты окажешься и шире,
И чуть иной.
Твоя извечная дорога –
Прочь от оков:
Всё дальше, дальше от истока
И берегов,
Туда, где воля безгранична,
Где Русь – вдали,
Где воздух станет другом личным
Взамен земли,
Где нет препятствий для теченья,
Везде – вода...
Течь вниз – реки предназначенье,
Потом – куда?

И от избытка воли слёзной
Ты будешь грызть
Землёй навязанное лоно,
Ты станешь горькой и солёной,
Как чья-то жизнь.
А если вдруг ты обернёшься
И вверх пойдёшь,
К истоку, может быть, вернёшься,
Но лишь – как дождь.

Урожай

1. Здешний климат

Местность наша такая холмистая,
Словно мускулы у борца.
Кровь её – это воды струистые,
Родники же – её сердца.

Ну а нервы – дороги небыстрые
И висячие провода.
Приближают они неблизкие
И селения, и города.

У земли здесь дыханье обычное,
Дышит пашней она да листвой.
И заботы её – привычные,
Как в деревне над Устьей-рекой.

А глаза – как цветки цикория,
А душа легка, как пыльца.
Улетела она до моря бы,
Да всё ждёт (от кого?) письмеца.

—

Суров ли климат в устьиных местах?
С Россией прочей здесь заметно сходство:
Зима длинна, как русская езда,
Ещё длиннее – прошлые уродства;
Зато здесь ночь бывает коротка,
И для страды здесь времени довольно –

Паши да сей, да собирай, пока
В руках есть сила и в груди не больно.

Описывая климат здешний,
Ты не пропустишь лес, как глаз ни закрывай.
В нём дуб растёт, и в нём даёт орешник
Раз в десять лет обильный урожай.
Хоть у природы здесь не бедный вид
(Она о том плодами говорит),
Но всё же, в климате – какая ж это новость? –
Легко заметить лишнюю суровость.
Она несёт движению души
Приказы: то – «Спеши!», то – «Не спеши!»
Как угадать: безвременный мороз
Убьёт ли на полях горох, овёс?
А там, где семена легли густой строкою,
Не выпреет ли рожь озимая зимою?
А тёплой осенью – каков размер потерь,
Когда ест всходы травожадный червь?
А в лето красное, дождливою порой
Не зарастёт ли рожь метлистою травой?
Вдруг пропадёт зерно, как непутёвый сын,
Как вспыхнувший от молнии овин?

Ещё ненастья были посерьёзней,
Когда единоличник ли, колхозник
Подумывал пожить своею головой, –
Какой тогда здесь раздавался вой!?
Да, злее те погодные напасти,
Которые идут не от небесной власти,
А от владетелей пищалей и казны
Уезда, города, страны.

Мороз не зимний – бич полей и грядок,
А бич души – той жизни распорядок,
Когда не верит опытный крестьянин,
Что он – земли своей хозяин.

Отступление о русском климате

То – лихие дожди, то – ветра,
То безводье и солнце слепое,

Тёмно-красные вечера
После дня бесполезного боя.

Как успеть вызреть плодам
В этом климате окаянном?!
Здесь всегда было сытно не нам,
А высоким, как пальмы, бурьянам.

Здесь колеблется климат души
От неласковых туч над нами.
Может, собственный хвост распушить
И зарыться в него с ушами?

Непогоды чужой – не признать,
Не вникать в верховые порядки,
Климат собственный создавать
На своих плодородных грядках.

2. Поля

Под ветром чуть колеблясь,
Цветут равнины льна.
Зачем спустилась с неба
Его голубизна?

Неужто чудо это
Затем нам суждено,
Чтоб только быть одетым
В льняное волокно?

Неужто труд на поле
Не может больше дать:
Не семя льна всего лишь,
А – жизнь,
Где в равной доле
Краса и благодать?

—

Я помню поля со льном...
Видать, это было давно.
И что-то стал малозаметен ячмень,
Всё больше картошки вокруг деревень.

Поля красивы, будто цветник,
Но я к сорнякам ещё не привык.
От этого – грустно, ненастно,
Будто получена весть,
Что где-то случилось несчастье.
Да это – оно и есть.

___

Пока мы не полюбим это поле,
И этот лес, и эти облака,
Мы будем жить по-прежнему в неволе,
А жизнь иная будет далека.

Пока поля – для цветников и свалок,
Для радости упорных сорняков,
То значит: в душах мусора немало,
Посеять доброе там будет нелегко.

Когда мы Устью старую уважим
И выловим ненужное гнильё,
Тогда очистим и природу нашу,
И сердце неопрятное своё.

___

Под полог леса, как врагу,
Трудней пробиться сорняку,
Чем на пустую сечу.
Так вот и нам пора опять
Своим соседям помогать,
Не говоря, что – нечем.

Кто нам поможет, если мы –
Уже не узники тюрьмы –
Не соберём здесь силы
Всё делать, как Иван, Егор
И все, кто здесь с давнишних пор
Трудолюбиво жили?

Кто здесь поможет обрести
Нам единение в пути
(Пророков-то не видно)?

Конечно – реки и поля,
Вся наша общая земля,
И – за себя обида.

___

Коль будет интерес кому пахать и сеять,
Тогда, быть может, славно заживём.
Но надо дать, кто хочет – жить со всеми,
Кто хочет – *каждый при своём*.

___

Тебя вскормило поле, русский город,
И у тебя немало сыновей,
Вернее, внуков, правнуков,
Которых
Вновь тянет жить на супесях полей.

Они готовы к полю, но не знают,
Когда заборы старые снесут.
Они – как уток перелётных стая,
Увидевшая озеро внизу:

Какие заросли, какое мелководье,
Какой просторный и богатый вид!
Но – хищных птиц вокруг ещё довольно,
Да и ружейный ствол из тростников торчит.

___

У дороги – цикорий.
Что о травке сказать?
Да, полезен в нём корень,
Но прекрасны – глаза.

Эта неба частица,
Ясность Божеских глаз –
Надо ж чуду случиться! –
Оказалась у нас.

Значит, всё же мы чем-то
Приглянулись Тому,
Кто нам дал эту землю,
Ну а мы что – Ему?..

Он не просит оплаты
За старанья свои,
Лишь ответного взгляда
Ждёт от поля и сада –
От цветущей земли.

___

Когда весной потянет от земли
Тем запахом, что зелени душистей,
Тогда понятно каждому: пришли
Дела для настоящей жизни.

Когда затихнет вод весенних звук,
И тёплых дней становится всё больше,
Кому-то золотой – из чудной сказки – плуг
Достанется,
И пахарь выйдет в поле.

Он плугом тем преобразит наш край:
С землёю разговаривать умея,
Он соберёт обильный урожай,
Но поле, вспаханное им, не обеднеет.

А люди, вспомнив старую мечту,
Почувствуют в руках живое тело плуга,
И дел крестьянских мощь и красоту
Увидят друг у друга.

Отступление о сельской хозяйке

Топи же печь, не глядя на погоду,
И создавай свой непохожий хлеб,
Пирог с начинкой собственной породы
И сочно-пышный солнечный омлет.

Пускай часы идут и не присядут:
Тепло в избе, до смерти далеко,
Ребёнок спит, и не остынет за́ день
В печи твоей густое молоко.

На горе

Я стою над равниной пятнистой
На высоком холме меж полей.
Как же в мире просторно и чисто!
Как немного в том мире людей!

Под ногой нет запёкшейся глины,
Здесь земля, словно детство, легка.
Я смотрю на пустые равнины
И туда, где за ними река.

Всё леса да поля без народа –
Будто мы сюда не дошли.
Как возможна здесь несвобода,
Если столько свободной земли?!

Колокольни вдали – точно звёзды,
Млечный путь – дома деревень.
Вся земля сверху кажется пёстрой:
Там от каждого облака тень.

Как безмерно вокруг пространство,
Где я был и где не бывал!
Вижу – дом: там скромно убранство,
Дальше – дым: там горела Москва.

Вот Ростов, церквями полный
(Слышен колокол чудный – «Сысóй»).
Здесь бывали княгиня Ольга
И сам князь Владимир Святой.

А поближе ко мне – Устьи берег
И обитель: «Борис и Глеб»;
Для неё место выбрал Сергий
Там, где раньше теснился лес.

Говорят, что здесь недалёко
Жил когда-то силач Святогор...
Эх, какой же тут воздух лёгкий
И почти средиземный простор!

Надо мной глаза небосвода
Всё синей от бровей облаков...
Как возможна вокруг несвобода,
Если видится так далеко?!

Не смущаясь близостью неба
К деревенской дороге в грязи,
Говорю: этот воздух целебный
Может каждого – преобразить.

Кто бы стал сейчас сомневаться
В том, что мир человека высок,
Если б мог до вершины подняться?..
Мне вдруг кажется, что я смог.

И поэтому я беззаботно
Свой последний вопрос задаю:
Как возможна вокруг несвобода,
Если я здесь – свободный – стою?!

Я свободен?
Или беспечен
Из-за близости к облакам?..
Но пора уж к деревне у речки:
Все ответы, наверное, там.

Награда

Я спускаюсь с горы к нашей Устье.
Час-другой – я уже в Слободе.
Что сказать при прощании грустном
Всем, живущим при этой воде?

Здесь привольно для сердца, для дружбы,
Но вопросы про жизнь – велики:
Нам река – нужна?
Земля нужна?
Что нам нужно?
А мы-то нужны – для реки?

Эх, собрат мой по жизни и смерти,
Я не вправе учить-укорять:
Я кручусь в другой круговерти,
Но нам вместе жить-помирать.

За тобой не страна, а семейство;
Помоги – и семье, и реке,
И всему, что вокруг, невдалеке,
Но на помощь грехов – не надейся.

Ты надейся – на доброе имя,
На свой добротный дом,
На поле, вспаханное руками своими,
На детей, играющих под окном,
На Бога, спасающего от ненависти и пожара,
На время, когда отдыхать недосуг,
На воскресенье земли после пара,
На верность соседских рук,
На достоинство (не на гордость),
На то, что ты и есть
Живой, настоящий корень
Всего, что будет здесь,

И на старую русскую местность,
Что досталась на все времена
От людей, нам уже неизвестных,
В ненадёжное наше наследство...
Посмотри, как прекрасна она!

Всё окрестное – наша награда.
Но за что? Дано ли понять?
А пока не поймём, нам не надо,
Не надо
На неволю и бедность пенять.

…Что ж, прощайте. Уехать не рвусь я,
Но приходится. Вот и вокзал.
Я вернусь ещё к местности русской
Возле речки по имени Устья,
Но меня город чудный позвал.

2000-2002, 2006–2007, 2018

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

При написании стихотворной повести «Речка Устья» использованы воспоминания Прасковьи Георгиевны и Людмилы Александровны Кузнецовых, исследования Виктора Алексеевича Бурякова по истории села Троицкого и местной церкви, литературные и архивные материалы, а также личные впечатления автора. Печатается по последнему изданию (2018 г.). Ниже даются примечания к отдельным главам.

Окрестности

Устья – река в Ярославской области; настоящее название – Устье (в старину означало «рыбное угодье»).

Слобода (в прошлом – Плохова Слобода) – деревня, *Троицкое* – село; расположены на р. Устье в 30 км к югу от Углича (Ильинская волость).

Соседи

Саша и Петрович – персонажи, прототипы которых (в том числе Алексей Петрович Грецков) не говорили именно тех слов, которые им приписал автор; однако они могли бы сказать нечто подобное.

«Из деревни как-то летом…» – речь идёт о 1990-х годах.

Вшивая горка – слухи о ней связаны с грибными местами в окрестностях д. Слобода. Держилово, Мона́рево – деревни к югу от Слободы;

Дубняки – покинутая деревня.

Под – нижняя часть горнила (топки) русской печи.

Сочиво – сок из семян, употребляемый для приправы, а также кушанье, приправленное этим соком.

Устье – выходное отверстие русской печи, через которое закладывается топливо и помещается посуда.

Дом

«Живущий... несравним» – слова из стихотворения О. Мандельштама.

Егор Кузнецов – житель д. Слобода, *Анна* – его жена.

Курышино – деревня к северо-западу от Слободы.

Новина́ – небелёная холстина.

Заозерье – торговое село по дороге из Углича в Сергиев Посад и Переславль-Залесский (юго-западнее Слободы).

Ильинское – село на дороге из Углича в Ростов, волостной центр.

Мироновская колбаса – производство колбасы в с. Ильинское наладил в 20-х годах С.С. Миронов.

Каблуково (в старину – Клобуково) – деревня к юго-востоку от Слободы.

Внучка Егора – Людмила Кузнецова, её дочь – Ирина Федорчук.

Омшаник – утеплённое помещение для зимовки пчёл.

Забор… он стоит до сих пор – до 2012 года, потом поставлено ограждение из металлической сетки.

Мятежный поход

Старухин, Львов – участники реальных событий (так называемых «кулацких мятежей» 1918–1919 гг.), о которых в пересказах стариков многие помнят до сих пор.

Нагорье – крупное село по дороге из Углича и с. Ильинского в Сергиев Посад и Переславль-Залесский.

Катырева яма

Чернова Ольга – молодая женщина из д. Вальцово; жила в д. Иванцево, потом в с. Улейма, где и погибла в 1997 г. (самоубийство).

Катырева Анна – скотница, утопившаяся в р. Устье в 30-х годах. По её фамилии назван один из омутов.

Станок (в свинарнике) – огороженная площадка для свиноматки.

Плетюга (местное) – большая корзина для переноски сена.

Троицкое

Вассиан (1439–1509) – основатель Рябовской пустыни, которая, как показал В.А. Буряков, находилась на месте нынешнего села Троицкого (некоторыми это оспаривается). Главное отступление автора от опубликованных жизнеописаний Вассиана состоит в том, что в действительности Вассиану помогли основать пустынь и построить церковь его родственники и местные бояре. Душевные движения и взгляды Вассиана являются вымыслом автора.

Паисий – основатель и игумен Покровского монастыря на Волге под Угличем, учитель Вассиана.

Князь Андрей (Васильевич) – князь Угличский (Андрей Большой, Горяй), брат великого князя Ивана III.

Князь Иван (Васильевич) – Иван III, великий князь Московский.

Улейма – село, где находится Николо-Улейминский монастырь (недалеко от Углича, по Ростовской дороге).

Травень – древнеславянское название месяца мая.

Звени́ха – речка, приток р. Устье.

То́ни – места рыбной ловли.

Жигимонт – польский король Сигизмунд.

«Ужас видений был лишь одному» – видение о судьбе Углича было ниспослано, согласно летописи, иноку Никольского монастыря.

«О, Угличская земля!..» – использованы фрагменты Угличской летописи.

Бастыльник (местное) – сорное растение, вид василька; почти не поедается скотом.

Бобыли – бедные крестьяне, не владеющие землёй.

Хвостатая звезда – комета, появившаяся в 1619 г. (упоминается, например, в «Летописи о многих мятежах...», 1771).

Евдокия Королёва (Козлова) – жительница с. Троицкого, организатор сбора средств, которые обеспечили сохранение церкви.

Комбедовские – члены так называемого «комитета бедноты».

Тимофей (Лазариков) – житель д. Высоково, священник Троицкой церкви в 1930–1945 гг.

«На пороге… трава» – сейчас церковь регулярно ремонтируется.

Друг

Друг – Трусов Леонид (Лев) Николаевич (1935–1963), внук Егора Кузнецова; учился в Лесотехнической академии, после её окончания работал в лесоустроительной экспедиции. Охотничьи впечатления, использованные в данной главе, получены от совместных походов с Л. Трусовым и Э. Кобаком.

Институт в старинном парке – Лесотехническая академия в Ленинграде (Петербурге), в прошлом – Лесной институт.

Ток – особое поведение птиц в брачный период (у вальдшнепов – «тяга»), а также место, где это происходит.

Лисино – пос. Лисино-Корпус, где находится база Лесотехнической академии для прохождения летней практики студентов; *Охотничий дворец* – здание, которое использовалось при царских охотах, позднее – как студенческое общежитие; *церковь* – храм во имя Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня (дворец и церковь построены при Александре II архитектором Н.Л. Бенуа); *клички лошадей* – надписи на стене, сделанные готическим шрифтом немцами во время войны, когда в церкви была конюшня.

Двоюродная сестра – Людмила Кузнецова, внучка Егора Кузнецова; женский фотоснимок – её фотопортрет в деревенском доме (д. Слобода).

Клин, Осек, Точищи, Пустошка – названия урочищ, расположенных около д. Слобода.

Преснецы – род выпечки (блины с начинкой, изготовленные в русской печи).

Губино – деревня к югу от Слободы.

Мария – старшая дочь Егора Кузнецова, *Григорий* – ее муж.

Река

Вёкса – река, которая сливается с р. Устье и образует реку Которосль (последняя впадает в Волгу).

«Мост через Устью деревянный» – к моменту издания книги мост разрушен, используется самодельная переправа (плот и канат, натянутый между двумя колёсами).

Вощина – восковой остов пчелиных сотов.

Урожай

«Каждый при своём» – девиз на государственных межевых столбах, поставленных на хуторах и отрубах во время столыпинской реформы.

На горе

Княгиня Ольга, князь Владимир, Святогор – сведения о достопримечательностях территории в районе г. Ростова и реки Устье приводились в литературе неоднократно, в том числе А.А. Титовым в книге «Ростовский уезд Ярославской губернии» (1885); первоисточники – летопись, находившаяся в хранилище П.В. Хлебникова и выписки их неё А.Я. Артынова.

«Борис и Глеб» – Борисоглебский монастырь, основанный ростовскими монахами Фёдором и Павлом; по преданию, место для него выбрал Сергий Радонежский в 1363 г. на берегу р. Устье.

Награда

Город чудный – Ленинград-Петербург (см.: В. Федорчук «На берегу несинего моря. Поэма»; 2007, 2018).

ПЬЕСА

ДИКИЙ КОТ ОБВИНЯЕТ

Сцены одного странного суда

Разве лев – царь зверей? Человек – царь зверей.
Вот он выйдет с утра из квартиры своей,
он посмотрит кругом, улыбнётся...
Целый мир перед ним содрогнётся.

Булат Окуджава, 1969

Сцена первая

Берег моря или большого озера. Штиль. Вдоль берега с одной стороны лес и отроги гор, с другой пустое место, за которым вдали виден город. **Медведь** сидит на старом бревне. **Дикий Кот** расположился на песке недалеко от **Медведя**. **Человек** сидит на стуле с другой стороны от **Медведя**, положив ногу на ногу и опираясь на палку; в руке у него банка пива. Рядом с **Человеком – Домашний Пёс**. **Ворона** и

Крыс сидят недалеко друг от друга; некоторые птицы – на сухом дереве, остальные звери и птицы – кто где.

Медведь (*перебивая шум собравшихся*). Эй вы, звери и птицы, внимание! (*Шум стихает.*) Верховный суд разрешил нам выслушать сочинение… нет, как там?.. обвинение… вот! – обвинение Диким Котом Человека. Мы можем согласиться с Котом или нет, а потом объявить… как это называется?.. сейчас… предварительный вер... дикт. Вот! Вердикт! (*Стало тихо.*) Ага! Вы, кажется, меня поняли?! Так, очень хорошо. Верховный суд дал нам на сегодняшний день общий язык и… сейчас скажу… по-нимание… понимание.

Волк. А что такое «понимание»?

Медведь. Понимание – это, когда поймёшь что-нибудь, то это и будет пониманием. Оно будет похоже на человеческое. (*Снова шум, крики: «Мы не хотим!»)* Временное, временное! Успокойтесь. Только до того времени, когда мы сообщим Верховному суду наше решение. Временное понимание и в меру заумное… Нет, что это я?! В меру разумное, конечно, похожее на человеческое; но всё же не такое же. А иначе как мы все поймём друг друга и Человека? (*Становится тихо*).

Волк. Как раньше понимали, так и сейчас поймём. Главное – это не встречаться друг с другом.

Медведь. Теперь это уже очень трудно. Всё, пора начинать, а то не успеем.

Волк. Хорошо. (*Чешет задней ногой шею, Пёс начинает делать то же самое*).

Медведь (*обращаясь к Коту*). Итак, ты готов говорить, почему недоволен Человеком?

Дикий Кот. Я-то готов. Но буду говорить не только от себя. Я знаю, что Человеком обижены многие другие звери и птицы, которые потерпели от него неправедное притеснение.

Ворона. Чего они потерпели?

Кот. Притеснение. Неправедное, то есть несправедливое. А что такое притеснение – об этом и будет сегодня наш разговор. Но вот готов ли Человек выслушать и ответить?

Человек (*обращаясь к Медведю*). Странно, но я вас всех тоже понимаю. И тебя и вот этого… леопарда что ли?

Кот. Я – и леопард, и пантера, и барс, и рысь, и другие. В общем, я – Дикий Кот.

Человек. Ладно. Только почему именно я должен отвечать за всех людей? Я самый обычный человек. И вообще, как я сюда попал?

Медведь. Этого мы не знаем. А почему именно ты? Может быть, как раз потому, что ты человек самый обыкновенный.

Человек. Ну, пусть так. Только это очень смешно: не с вашими куриными мозгами обсуждать то, что вы предлагаете. (*Шум*). Даже если курица вдруг заговорит по-медвежьи или по-человечески.

Медведь (*обращаясь ко всем*). Тише, тише!.. (*К Человеку.*) Продолжай. Однако не ругайся. Курицы – это у людей, это ваше изобретение. А у нас есть птицы. Об их мозгах ты, может быть, сегодня кое-что и узнаешь.

Человек. Это всё равно: вопрос-то совсем ясный. Мне только любопытно, что вы сможете сказать такого, чего я не знаю, а, главное, чего-то доказать? (*Допивает пиво и бросает банку далеко в сторону.*) Ради потехи и послушаю.

Волк. Мне тоже ясно! Еще как ясно-то! Что тут обсуждать? Человека надо… как его?.. осудить и быстро рас… ну… расправиться с ним. Он давно не даёт нам всем жить свободно – так, как это было издавна.

Ворона. Тебе только дай свободу…

Медведь (*обращаясь к Вороне и Волку*). Эй, вы, потише, потише. (*К Человеку*). Хорошо, что ты согласился выслушать, а то иначе мы, пожалуй, сделали бы так, как Волк предлагает. Защищаться сам будешь?

Человек. Ещё чего! Пустяки это. Что вы можете сделать со мной?

Домашний Пёс. Конечно, пустяки всё это.

Человек. А-а! Ты тоже по-человечьи заговорил?

Пёс. Заговорил. Волка уберите куда подальше.

Медведь. Не бойся: сегодня всё будет мирно. Волк, отползи от Пса.

Человек. Если уж вам всем так хочется поговорить сегодня по-человечьи, тогда пусть мой Пёс отбрехивается от разных пустяков.

Медведь. Хорошо, можете оба, если хотите, отвечать на обвинение. (*Обращаясь к Коту.*) Говори, Дикий Кот.

Кот. Я обвиняю Человека в том, что он нарушил законы природы ради своей выгоды. Он ущемил права диких животных. Он уничтожает первобытные леса и степи; он отбирает у нас тундры и болота, реки и озера. Все они были даны нам для жизни. Он истребил в безмерном количестве диких животных, а многих извёл совсем; их уже больше нет на свете и никогда не будет.

Пёс. Кто такие? Назови. По-моему, как раньше водились медведи да волки, совы да рябчики, так и теперь. Некоторых даже больше стало. Вот, например, голубей, воробьев, мышей.

Волк. Ты еще ваших кур и баранов назови дикими…

Медведь. Не перебивай, Волк: дай Коту продолжить.

Кот. Тех, кого Человек извёл совсем, я, конечно, назову, если у вас хватит терпения выслушать. Хотя всех зверей и птиц, погибших по вине людей, я не знаю. Но знаю, что были времена, когда каждый год – от весны до весны – кто-то из птиц и зверей исчезал и больше никогда не появлялся на Земле. Вот часть списка навечно погибших, которая мне известна. А теперь слушай, Пёс: назову только тех, кто когда-то жил в здешних краях. Помнишь ли ты тура – дикого быка, которого уже нет? Помнишь дикую лошадь – тарпана? Где он теперь? Где обитавший здесь зубр? Или серна? И ты, небось, забыл даже то, что в этих местах когда-то водились львы? Теперь львы здесь только каменные, среди каменных же лесов. (*Машет лапой в сторону города.*) А где нынче птица ибис? А – бескрылая гагарка?..

Волк. А о других своих родственниках, кроме льва, ты забыл, что ли?

Кот. Нет. Но с ними обошлись не так уж и жестоко. Правда, одного из гепардов уже нет с нами.

Медведь. Это всё?

Кот. Некоторых из тех, кто погиб в других местах, могут назвать Орёл и Альбатрос.

Медведь (*к Орлу*). Можешь? Тогда говори, Орёл, что знаешь.

Орёл. Я назову тех, кто когда-то жил на суше. Других Альбатрос вспомнит. В тех землях, куда вечером уходит солнце, где Человек уничтожил бессчётное количество бизонов, давно уже не живут ни странствующий голубь, ни северный кроншнеп, ни белоклювый дятел, ни местный журавль. Их, как и несколько пород попугаев, Человек извёл совсем. Их больше нет. А мой брат кондор остался в живых только чудом. Теперь буду говорить о других краях, где солнце днём светит высоко над головой. Здесь Человек уже уничтожил несколько пород антилоп, и оленей, и зебр, белого носорога, почти извёл прыгающую по скалам шиншиллу, горную ламу, а также многих, многих других.

Пёс. Не может быть, чтобы столько погибло совсем. Я думаю, это ошибка.

Медведь. Слушай, слушай! Кто мешал людям узнать об этом раньше? Давай, Альбатрос, что у тебя?

Альбатрос. А я могу назвать тех, кто теперь уже перестал жить в морях и на островах, или кого сейчас уже почти не осталось в живых. Их тоже уничтожил Человек или продолжает уничтожать. Это – гигантский нелетающий голубь, это морская корова, это исполинская черепаха, это морской котик, это много пород мелких птиц, пойманных и убитых собирателями перьев. А сколько разных китов погибло!

Пёс. Не верю я, что все они погибли из-за Человека. Наверное, животные и сами по себе исчезали. Кто – от холода, кто – от жары, кто – от безводья. Будто так не бывало?

Кот. Бывали, конечно, и природные катастрофы, особенно в древние времена. Но с тех пор, как Человек обрёл силу, бескормица или безводица чаще всего случались из-за людей.

Пёс. Пусть так. И всё-таки большинство-то зверей и птиц выжили? Правда?

Кот. Выжили. Хотя большинство или меньшинство – этого никто не знает. Но многим из оставшихся в живых пришлось бросить привычные угодья и отступить в дальние глухие места, куда Человек пока не добрался.

Бобр. А те, кто остался, часто страдают от зверей, которых человеки сюда приводят. Эти чужаки прогоняют тех, кто жил здесь раньше.

Кот. Ещё хуже, когда Человек приходит в места, где никогда не бывало хищников. Там животные даже не знают что это такое – «убегать». И происходит вот что: человеческие прилипалы – собаки, домашние кошки, свиньи – быстро уничтожают беззащитных местных животных.

Пёс. Как ты, однако, грубо выражаешься?! Прилипалы! Мы просто стараемся жить в мире с Человеком и помогать ему. Человек – это самое сильное существо.

Кот. Я не вас осуждаю. Вы потеряли свою свободу, и на вас нет вины.

Пёс. Я сам себе хозяин. Мне не надо добывать пищу, я живу в покое и сытости. Я – на службе.

Кот. Потому-то ты сам себе не хозяин.

Пёс. Я могу уйти от Человека.

Кот. Куда? Свобода требует труда, а ты отвык от него.

Пёс. Я лаю, когда…

Медведь. Давайте о диких животных. (*К Коту*.) У тебя есть ещё что сказать?

Кот. Конечно. А теперь я хочу обвинить Человека в бездумной и преступной растрате не только жизней отдельных животных и целых пород живых существ, но и в растрате всего природного достояния Земли.

Ворона. Что ты?! Земли ещё так много.

Кот. Пока Человек действовал также как мы – был охотником, рыболовом, занимался сбором съедобных растений – он не вёл войны с природой. Когда он приручил огонь и стал сжигать лесные чащи, чтобы создать на их месте пастбища или пашни, когда он перегородил и отравил реки, начал быстро вырубать ещё оставшиеся леса и осушать болота, он стал разрушителем природы. Но Земля не принадлежит Человеку, это он принадлежит Земле. Сейчас Человек – это самое опасное существо в мире, это вредитель природы. Он размножается быстрее мышей и кроликов…

Крыс (*Вороне*). А чего в этом плохого, не понимаю?

Кот. Человек пожирает всё живое и неживое на Земле. Он устроил на месте наших угодий свои города, посёлки, дороги, поля, пастбища, пустыри, свалки. То, что делает Человек – это катастрофа для всех зверей и птиц… (*смотрит на Ворону и Крыса*)... почти для всех. Эта катастрофа более разрушительна, чем всемирное наводнение или извержение огромного вулкана. Человек входит в благодатные леса, а оставляет после себя пустыни.

Пёс. Это всё необходимо Человеку, чтобы выжить. Из чего строить дом? Чем его согреть, если не дровами? Где сеять хлеб? Где пасти овец и коров. Не в лесу же?

Ворона. Как он его! Как Пёс Кота опрокинул!

Кот. Это правда, что Человеку нужен кров, еда, тепло. Однако Человек жаден и жесток. Ему надо всё больше и больше. Ему мало быть сытым и одетым. Ему надо быть богатым, чтобы господствовать над себе подобными и над всей природой. Вспомним хотя бы прошедшие времена: вот овечьи стада, например. Они разводились не только для того, чтобы долго сохранять овечье мясо…

Медведь. Такое мясо люди называют бараниной.

Кот (*не слушая*). Не только для того, чтобы мясо не портилось. Стада становились всё больше и больше; чем больше овец, тем богаче их хозяин, тем сильнее власть его над людьми.

Пёс. О чём ты? Я не понял.

Человек (*смеясь*). Эх, и простак же ты, всё-таки, Пёс! Хоть и говоришь по-человечьи.

Кот. Ладно, давай о другом: о жестокости. Человеку действительно, как и всем нам, нужно есть, пить, растить детенышей…

Медведь. Детей, по-ихнему.

Кот. Да, детей… Ему надо быть укрытым от непогоды и других бедствий. Но он всегда истреблял больше животных и растений, чем ему необходимо, и более жестоко, чем это возможно.

Медведь. А зачем Человеку такая жадность? Или, кажется, есть другое слово… рас… расточительность?

Кот. Не знаю. Возможно, от страха, что ему не хватит чего-нибудь, возможно потому, что он считает дикую природу обиталищем чужого, непонятного, которого он боится.

Пёс. Чего тут непонятного? Вы охотитесь друг на друга, а мы с Человеком – на вас. Никакой разницы.

Кот. Разница есть. Вот люди часто охотятся друг на друга. А у нас чтобы кот на кота или, например, волк на волка, такого нет… Ну, об этом позже поговорим. Кроме того, Человек уничтожает лучших, самых сильных и красивых животных или всех без разбора. А нам легче охотится на слабых. Не зря говорят: клык волка обостряет зрение оленя, а быстрота и осторожность оленя делает волка более ловким. Потом вот ещё: люди нас убивают не только ради своего выживания, а часто для разных пустяков, причем убивают с особой жестокостью…

Пёс. Какие такие пустяки? Объясни. А жестокость… что тут скажешь? Ты хочешь бескровной охоты? У вас она разве бескровна?

Кот. Ради каких пустяков нас убивают? Скажу. Например, ради украшений из перьев, ради игральных шаров из рогов или бивней, ради веществ, которыми люди зачем-то мажут себе лица; ещё ради того, чтобы хвастаться трофейными шкурами или рогами перед другими. Иногда люди убивают нас вообще без всякой причины и надобности. Теперь скажи, знаешь ли ты, как охотятся на альбатросов из-за их перьев или чтобы сделать из их костей курительные трубки? Птиц палками бьют на гнёздах. Просто палками!

Пёс. Какая разница чем?

Альбатрос. Палками по гнёздам, там, где малые птенцы!

Кот. А знаешь ли ты, Пёс, как Человек загоняет стада антилоп в ямы, утыканные острыми кольями? А знаешь, как железными палками – опять палками! – забивают только что родившихся, совсем беззащитных «бельков» – детёнышей тюленей? Новорождённых – ради их меха!! Всё это – безжалостное детоубийство. А разорение Земли, которая нас всех кормит – это всё равно как убийство родной матери.

Человек. Это не я! Я вообще не знал о том, о чём вы тут рассказываете! Откуда тебе это известно? Ты не можешь

всего этого знать! Ты всё это выдумал, лишь бы обвинить меня! Ты нагло врёшь! Это всё в прошлом.

Кот. Нет, это правда. Ты должен был знать, потому что…

Человек. Хватит врать! Никому я не должен! (*Встаёт, делает шаг к Коту и замахивается палкой, крича непонятные для зверей и птиц слова*.) Нет этого сейчас, нет!

Медведь. Стой!

Медведь хватает Человека за ворот, отнимает палку и сажает рядом с собой. Пёс лает, остальные звери и птицы вскакивают или вспархивают со своих мест.

Медведь. Сядь рядом.

Человек (*поглаживая поцарапанную шею*). Кот всё выдумал.

Кот. Хочешь сказать, что сегодня такого детоубийства больше нет? Могу показать: это не так далеко. Сведения верные.

Человек. У нас есть законы, защищающие животных от жестокого обращения.

Кот. Законы, может, и есть, да законности маловато.

Медведь. Делаем перерыв. Надо успокоиться. Кому пить – ручей рядом. Но далеко не улетайте и не убегайте: скоро продолжим.

Сцена вторая

Берег ручья, заросший ивой и ольхой. Появляются **Ворона** и **Крыс**.

Ворона. Опасное дело затеял Кот. Как бы нам хуже не стало. (*Пьёт из ручья*.)

Крыс (*тоже пьёт, потом отвечает*). Как это хуже? Почему?

Ворона. Могут осудить Человека.

Крыс. А нам-то что?

Ворона. Это смотря какое решение примут. Могут вообще отгородить его от нас или заставят убрать свалки и помойки.

Крыс. Ну и что?

Ворона. Ох, и приземистый ты какой-то! Ты где корм находишь?

Крыс. На складах.

Ворона. Они помойками называются или свалками. А ещё где?

Крыс. Там в основном и достаю, ещё в домах человеков.

Ворона. Вот и представь, Крыс, свою жизнь без всего этого. Нет, без Человека нам плохо придётся.

Появляется Домашний Пёс, он бежит к ручью и жадно пьёт.

Ворона. Вот ему (*Показывает на Пса*.) тоже худо придётся без Человека.

Пёс. Я всегда с Человеком. Он уйдёт – и я уйду. Я слышал, вы тут про мусор. По-моему, мусор убирают, иногда даже слишком хорошо: трудно найти что-нибудь особенно привлекательное и пахучее.

Крыс. Это тебе трудно найти, а я легко нахожу. Рядом с Человеком всегда горы мусора. Если не около домов, то на складах… то есть на помойках, если не там, то в самих домах. Нет, насчёт мусора рядом с Человеком раздолье! Такое богатство! Я не испытываю никакой нужды. Удивляюсь даже, почему Человек самое ценное не ест, а выбрасывает. Вот, например, сыр с такими зелёными прожилками… очень вкусный. Там можно найти даже сало. А вот морковку есть не могу: здесь у нее такой противный привкус, не то, что у деревенской… угощали тут как-то.

Ворона. Ещё яркие такие вещицы попадаются: блестящие пуговицы, например, или шарики разноцветные; а то ещё брошки или как их?.. Мы воспитываем здесь у наших птенцов вкус к хорошим вещам.

Пёс (*презрительно*). Просто вы другого не видели. (*Убегает*.)

Крыс (*задумчиво)*. Ещё много других полезных предметов есть у Человека. Вот одна крысиха, симпатичная такая… Ты знаешь, у неё хвост длиннее, чем у других, наверное, на целое овсяное зернышко. А на голове…

Ворона. Ты о чём-то начал.

Крыс. Да, так вот. Эта крысиха вывела крысят в сапоге таком… тёплом.

Ворона. В валенке?

Крыс. Ну да, кажется. И, знаешь, крысята на два дня быстрее научились вылезать из гнезда и влезать в него.

Ворона. Это полезно… Надо бы сегодня помочь Человеку. Могут осудить, ох, могут. И всё эти хищники! Правда, Человеку я тоже не доверяю: какой-то он непонятный, не знаешь, чего от него ждать. А всё-таки без него будет хуже.

Крыс. Мне он тоже не нравится, всё время приходится быть начеку. Иногда такую отраву подбрасывает! Кот, конечно, тоже противный, хоть и не домашний. Или вот Пёс…

Ворона. Ну, Пёс – это простофиля.

Крыс. Не знаю… А крысиху с длинным хвостом я часто вспоминаю…

Ворона и Крыс исчезают. Вскоре появляются Волк и Лиса. Они пьют из ручья.

Волк. Нет, я всё-таки не понимаю, зачем эта болтовня? Ясно, что Человек – это наш враг и чем меньше будет людей, тем нам лучше. К чему этот суд и всё такое?

Лиса. Мне кажется, что нам надо не просто осудить Человека, а доказать, что он нарушает законы природы.

Волк. А зачем это? По-моему, мы теряем время.

Лиса. И мы и Человек находимся под властью, которая выше нас всех. Если мы не докажем, что Человек нарушает те законы, которые не им созданы, то он захватит всю Землю.

Волк. У кого же высшая власть?

Лиса. У Верховного суда.

Волк. А что это такое?

Лиса. Откуда мне знать? Может быть, это сама природа, может быть какое-то высшее существо – не зверь, не птица, не человек.

Волк. А что – у этого суда большая сила?

Лиса. Я надеюсь.

Волк. Разве мы не сумеем сами справиться с Человеком, если объединимся?

Лиса. Ты хочешь объединиться с зайцем или с оленем или, например, с водяной крысой?

Волк. Ради такого дела… (*После паузы*.) Да, пожалуй, будет трудновато.

Лиса. И даже если мы объединимся, что дальше-то? Давай лучше решать, чем можно помочь Коту в сегодняшнем деле? Правда, откровенно говоря, за курами легче охотится, чем за тетеревами. Однако если не усмирить людей хоть немного, нам просто жить будет негде.

Волк. Да, точно… Противный он, всё-таки.

Лиса. Кто?

Волк. Кот.

Лиса. Эх ты, объединитель зверей! Ничего у тебя не получится.

Волк. Всё равно: хоть один, хоть с тобой и даже с Котом, я буду бороться, чтобы не жить рядом с Человеком!

Лиса. Пошли, пошли, пора уже.

Уходят.

Сцена третья

Обстановка та же, что и в сцене первой. **Человек** сидит на бревне рядом с **Медведем**. Слабый ветер.

Медведь. Дикий Кот готов закончить ту часть обвинения, в которой он говорил о разорении Человеком наших угодий, то есть мест, где мы живём. Давай, Кот, только не очень долго: погода портится.

Дикий Кот. Хорошо. Продолжаю. Человек, кажется, считает, что у него есть только права, но нет никаких обязанностей.

Домашний Пёс. И правильно! У него сила и разум…

Кот (*не слушая*). Он берёт у природы всё, что хочет, и столько, сколько считает нужным, и ничего не даёт

взамен. О варварском прошлом человечества я говорить не буду. Но даже теперь Человек соглашается только на самые незначительные уступки дикой природе. Он один решает, что ему нужно или кто ему нужен, а кто вреден.

Пёс. И правильно! Ему хватит – значит и вам должно хватить, и вы все будете жить хорошо.

Кот. И ты, и Человек, видимо, лучше нас знаете, что нам нужно?! Вы, наверное, считаете, что можете вместо нас решать, как нам жить, кому жить, а кому – не жить?!

Пёс. Да, потому что Человек имеет разум, а вы и вся природа – нет.

Кот. Человек, конечно, существо мыслящее, но неразумное. Это показывают все прошедшие времена, когда Человек приобрёл огромную силу. А у каждого из нас действительно нет разума. Зато у природы есть сила, которая сильней человеческого разума.

Пёс. И что же это за сила?

Кот. Это – долгое-долгое время, которое создаёт всё живое, совершенствует нас, исправляет наши ошибки, если они когда-то были допущены. А разве можно считать разумным то, что Человек сделал с природой? По-моему, сам Человек уже так не считает.

Медведь. Некоторые поступки Человека всё же можно считать разумными. (*Обращаясь к Человеку.*) Скажи, прав ли Кот? Не всё, сделанное людьми, было правильным?

Человек. Да, ошибки, наверное, были.

Кот. Много ошибок.

Человек. Но благодаря нашему разуму эти ошибки и устраняются. Поэтому мы можем не только сохранить природу, но и сделать её более совершенной.

Кот. Что значит «более совершенной»? Я этого не понимаю. Дикая природа и так совершенна и прекрасна.

Человек. Для нас в природе много лишнего, бесполезного и даже опасного, вредного или враждебного. И некрасивого тоже хватает. Зачем нам всё это? Мы сохраним самое ценное, самое лучшее.

Кот. Самое лучшее – для человека?

Человек. Конечно. А остальную природу мы

преобразуем, сделаем более полезной. Мы будем так управлять ею, чтобы жилось хорошо и людям и животным.

Кот. Тогда это будет уже другая, покорённая природа и другие, покорённые животные, потому что дикой, то есть свободной природой, управлять нельзя. Управлять можно только покорённой природой.

Олень. Например, волами или баранами. Может быть, можно также управлять Домашними Псами.

Пёс. Эй, ты что-то слишком расхрабрился…

Лиса (*перебивая*). Подожди! Ещё удобнее управлять животными в зоопарке. Или вот ещё – совсем удобно (*Визгливо лает.*)… в зоологическом музее…

Волк. Да, или в цирке. Управляйте ими, если хотите.

Человек. Что ж, значит, мы покорим и изменим природу. Мы уже давно создали не только новые породы растений и животных, которые лучше вас, но также сады и парки, которые лучше первобытных лесов. Мы научили животных тому, чего они никогда не умели…

Волк. Например, медведей кататься на каких-то колесах.

Медведь. На велосипедах.

Волк. Ещё Человек превратил свободных зверей в рабов, которые делают за него самую тяжелую работу.

Кот. Нет, Волк, лучше об этом не надо: многие звери и птицы пошли в услужение к Человеку добровольно. Они нам даже приносят пользу: ведь домашние животные дают Человеку мясо, шкуры и другое, которое раньше он добывал, убивая нас, диких зверей и птиц.

Человек. Сила наша огромна. Ей никто не может противостоять. Человек может всё!

Кот. Всё испортить! Ты можешь одним взрывом уничтожить всех нас и себя заодно.

Человек (*не слушая*). Мы уже покорили солнечную энергию и внутреннюю силу всех вещей, мы выходим за пределы земного шара.

Орёл. Но не в ваших силах создать новые великие горы, глубокие моря, первобытные леса и всех их обитателей.

Человек. Мы уже создали кое-что подобное, а дальше дело пойдет ещё лучше.

Орёл. Видел я ваши жалкие горы, похожие на кучи, которые крот вытолкнул из земли. Видел я и ваши мелководные моря. Они похожи на разливы, которые делают бобры около своих запруд; из них торчат верхушки деревьев и остатки людских построек. Видел и ваши рукотворные леса цвета лисьего хвоста. Всё это – жалкое зрелище. Человек всё же лучше умеет разрушать, чем строить.

Бобр. Нет-нет, строит он хорошо, наверное, не хуже нашего. Только для чего строятся некоторые из этих сооружений, нам не понять. К тому же их очень много.

Медведь. Кого много?

Бобр. Человеков и его сооружений.

Медведь. И что же?

Бобр. Надо же и другим место оставить.

Кот. Из всего, что мы услышали от Человека, следует, что он заботится только о себе и в тоже время он неразумен. Вернее, его ум очень самоуверен. Он не ведает, что погубив дикую природу, он погибнет и сам.

Медведь. Он говорит, что хочет улучшить природу.

Кот. Разве ему можно верить? Даже те дела, которые он затевал для своей пользы, часто приводят совсем не к тому, о чем он мечтал. Он изобрёл лук и копьё для охоты – и стал убивать ими себе подобных, он перегородил реки и обводнил земли для повышения урожая растений – и погубил эти земли, он построил заводы для делания разных вещей – и отравил воздух, воду и землю… Я не верю Человеку.

Альбатрос. А видели вы, как морские птицы беспомощно барахтаются в липкой чёрной воде?

Кот. Это в той жиже, которая выливается из больших людских лодок?

Альбатрос. Да. Птицы становятся непохожими на самих себя. Они не могут ни есть, ни пить, ни дышать, а потом долго умирают.

Лиса. Человек погряз в своих нечистотах…

Медведь. В отходах, что ли?

Лиса. Да. Он сначала что-то делает, а потом почти всё

выбрасывает. Он прельщает нас своими объедками, даже таких зверей, как Медведь.

Медведь (*тихо*). Да, это большой соблазн.

Волк. Как Человек может сохранить природу, если он даже сам себя убивает? У нас этого нет.

Пёс. Как это вы не убиваете? Ты – первый убийца и режешь всех без разбора, особенно наши стада, наших коров и овец.

Кот. Ну, стада надо охранять, если они действительно ваши. Однако Волк имеет в виду то, что люди убивают друг друга на войне, в мятежах и просто так.

Пёс. Будто вы не убиваете друг друга? Какие вы все овечки, как я погляжу; особенно – Волк! Хав! Хав!

Волк. Но мы созданы для того, чтобы охотится – убивать добычу и съедать её. А для чего Человек создан? Неужели для того, чтобы друг друга убивать, да ещё при этом и не есть убитых?!

Кот. Да, если мы хищники, то мы убиваем, когда охотимся, – для еды. Но волк волка или ястреб ястреба – это очень редко и случайно, хотя при драках бывает и такое. Но люди всё время воюют друг с другом и количество убитых огромно, оно всё растёт и растёт.

Лиса. У нас кому с кем драться каждый решает сам, а у людей часто один решает за многих – с кем и когда громыхать железом.

Олень. А ещё у нас вожаки – это самые опытные и смелые, а у людей, я слышал, вожаки бывают иногда более беспутными и злыми, чем само стадо.

Ворона (*не утерпев*). А я заметила, что в то время, когда громыхают железом, люди становятся похожими на нас: они надевают одинаковую одежду, такую… цвета коровьего помёта; поэтому их почти нельзя отличить друг от друга.

Пёс. По запаху всех можно отличить.

Медведь. Ворона, не сбивай разговор.

Кот. Пусть Человек объяснит, зачем нужны эти войны и другие постоянные убийства друг друга?

Пёс. Люди не все одинаковые, как например, звери или

птицы одной породы. Есть хорошие люди, есть злые и чужие. Воюют, чтобы хороших людей было больше.

Человек. Подожди, Пёс, не лезь. Откуда тебе знать? Войны разрушают старое и зарождают новое, они обеспечивают единство людей одной нации, открывают новые богатства, позволяют наладить жизнь, которая в какой-нибудь стране оказалась скудной.

Кот. Бедные вы, бедные! До сих пор так и не смогли ничего придумать для обновления, кроме того, чтобы убивать друг друга! Война может обновить, скорее всего, только орудия и способы убийства.

Человек. Война – это не очень весёлое занятие, но без неё не было бы прогресса. Это – в природе человека, наверное.

Кот. Если природа ваша так несовершенна, то зачем вы хотите усовершенствовать нашу природу, дикую природу?

Человек. Ваша природа такая же. Вы тоже воюете друг с другом.

Кот. Тебе уже объяснили: некоторые из нас охотятся на других зверей и птиц, чтобы добыть себе пропитание. Но я так и не понял, зачем вы друг друга-то убиваете?

Человек. Тоже очень часто из-за пищи, если сказать так, чтобы вы поняли. Кроме того, нам ведь надо защищать себя и своих близких, если другие люди нападают. Как же иначе?!

Кот. Не нам, простодушным животным, разбираться в ваших распрях. Я только удивляюсь, как эти неестественные раздоры возникают у существ, которые гордятся своим разумом.

Лиса. А мне кажется, что люди воюют от скуки. Это мы никогда не скучаем, потому что некогда. Люди же часто скучают и делают что попало.

Волк. Нет, я считаю, что люди убивают друг друга из-за своей злобности. Более злобных существ нет в мире, особенно когда они собираются в стаи. И во время громыхания железом.

Медведь. Во время войны?

Волк. Да, во время войны и без неё тоже. Разве вы видели, чтобы у нас ястреб или сокол выклевывали глаза

у живых (представьте – у живых!) сокола или ястреба? Или – только вообразите! – что один тигр ест лапу другого живого, но беспомощного тигра. И это только для того, чтобы заставить другого тигра что-то такое сделать. Ужас какой-то!

Медведь. Ну и что?

Волк. А то, что у людей такие мучительства – обычное дело. Я так удивился, когда узнал, что люди считают меня образцом свирепости или называют «зверством» издевательство одних людей над другими. Это – оскорбление всего животного царства! Такого мучительства у нас всё-таки нет.

Медведь. Откуда ты знаешь про эти мучительства, которые у людей?

Волк. Крыс сказал.

Медведь. Крыс, откуда это тебе известно?

Крыс. Сам видел и другие рассказывали.

Медведь. Где видел?

Крыс. В подвале каком-то.

Медведь. Понятно. Однако, это не новость: есть и другие свидетели.

Лиса. У людей война или охота – это какая-то игра. У нас обычно играют детёныши, а у людей – почти все. Вместо того чтобы поспать, когда нет важного дела, они всё играют и играют, кто во что.

Ворона. А вы заметили, что играют у людей самцы, редко – самки. Особенно – в войну и охоту.

Лиса. Не самцы и самки, а мужики и бабы.

Медведь. Нет, мужи и жёны – так правильнее.

Пёс. Мужчины и женщины – вот как это у них.

Медведь. Ты, Ворона, опять мешаешь, замолкни, наконец!

Ворона. Не затыкай мне клюв! Мы все здесь на равных природных правах!

Медведь. Я покажу тебе сейчас настоящее природное право! Отниму у тебя человечий голос, будешь только каркать, как вчера или как будешь завтра. Молчи! Кто готов? Ты, Олень?

Олень. Да, я вспомнил ещё, что во время войны и охоты Человек использует какие-то отвратительные предметы – стреляющие палки, самоползущие и самолетающие железные дома. Они изрыгают огонь и гром. Они все какие-то особенно… Не могу подобрать слово.

Медведь. Страшные?

Олень Да, но еще и другое.

Медведь. Уродливые?

Олень. Да, именно уродливые.

Пёс. Я тоже боюсь техники, когда она грохочет, но к этому можно привыкнуть.

Орёл. Слушайте! Иногда я вижу, как по полям и даже по городам ползут целые полчища таких самодвижущихся домов. Я уже привык к машинам на колесах. Но из этих всегда торчат какие-то палки. Что это такое?

Ворона. А-а! Это Человек любуется своей военной техникой.

Волк. То есть орудиями убийства.

Человек. Чего вы удивляетесь? Вы тоже демонстрируете друг перед другом рога да клыки.

Лиса. Самцы это, самцы! Для них главное – похвастаться.

Ворона. А некоторые люди, я слыхала, собирают оружие прямо в домах для того, чтобы любоваться им.

Медведь. Остановись, Ворона! Дело не в оружии. В конце концов, мои когти, или клюв Орла, или клыки Волка тоже, наверное, не нравятся нашим жертвам?

Олень. Но жертвы человечьей техники – сами люди и есть. Это кажется удивительным.

Медведь. Ты прав. Дело, видимо, вот в чем: когда Человек стреляет из своих палок разного размера, он своим телом не касается тела жертвы. Он тогда не ощущает крови и смерти; может быть, даже не понимает, что произошла смерть.

Олень. Но почему он убивает?

Медведь. Человек пытался нам ответить, но я так и не понял. (*После паузы*.) Вот что, Кот. Выскажись об охоте, и сделаем перерыв. Я уже не могу больше: очень жарко.

Кот. Что же ещё сказать? Если охота служит не для того, чтобы добывать пищу, одежду и другие совершенно необходимые средства для жизни, то охота – это развлечение. Лиса правильно говорила: Человек превратил в игру даже смерть. Мы, к счастью, не знаем заранее о своей смерти. А Человек знает. Поэтому совсем странно, что он играет с ней. Это ни к чему хорошему не приведёт.

Олень. Игра со смертью – слишком жестокое развлечение. Пусть мы и не знаем о смерти, однако все животные испытывают ужас, когда их преследуют или ловят. Даже если это игра не смертельная. Человек убивает на охоте огромное количество животных и почти столько же зверей и птиц остаются ранеными. Они умирают долго и мучительно.

Бобр. А ловушки, в которые мы попадаем? Знаете, как это больно?! Я вот с трудом вырвался из капкана. До сих пор хромаю.

Волк. Ещё не забыть про отравленные приманки: от них звери умирают в мучениях. Я видел. Хорошо, что я только один раз обманулся, но быстро понял и выплюнул. И то с тех пор мой голос хрипит, как будто в горле кость застряла.

Кот. Многие из нас охотники: мы охотимся за добычей. Но мы презираем человека-охотника, потому что он труслив: его жестокость направлена против жертвы, которая обычно не может защититься от своего мучителя. А если человек не труслив, то он часто глуп: он рискует жизнью без серьезной причины, только ради игры.

Человек. Ты знаешь серьёзные причины? Может быть, даже знаешь смысл жизни?

Кот. Что значит слово такое – «смысл» – я не знаю; но я знаю, что для нас единственное серьёзное дело – это дети. А вы заняты слишком многим: богатством, войной, удобствами, властью, развлечением и другими прихотями.

Человек. Мы этим самым и заботимся о детях и их будущем.

Кот. Странно как-то вы заботитесь. Нам трудно понять.

Человек. Где уж вам!?

Медведь (*к Человеку*). Ты будешь возражать по-настоящему или нет? А иначе мы всё поймем по-своему и закончим прямо сейчас. Будешь говорить?

Человек. Ну, хорошо, после перерыва. Что так душно?

Медведь. Будет гроза. Перерыв! Все знают, где ручей?

Звери и птицы (*хором*). Все!

Сцена четвертая

Берег ручья. Появляются **Ворона** и **Дикий Кот**.

Ворона (*напившись из ручья*). По-моему, Кот, надо мягче вести дело. Важно выманить у Человека уступки, чтобы нам стало жить легче.

Дикий Кот. Больших уступок от Человека не дождёшься, а маленькие нам не нужны, потому что они не помогут.

Ворона. Как раз помогут, помогут!

Кот. Тебе, Ворона, и так хорошо живётся. Чего ты волнуешься?

Ворона. Это мне-то хорошо? Кругом опасности с разных сторон. То от Человека, то от собак, то, прости уж, от кошек. Но я не о себе. Я хочу, чтобы все жили лучше, чем сейчас.

Кот. Что значит «лучше»? Я подозреваю, что ты боишься нашего успеха в сегодняшнем деле. Тогда ты лишишься своей доли требухи в человечьих городах и поселках.

Ворона. Да, конечно, это большое подспорье. Но я хочу также, чтобы лучше жилось и совсем диким, и не очень диким тварям.

Кот. Диким этого не надо. Им нужно, чтобы Человек оставил их в покое.

Ворона. Мне кажется, что не всем… А вот и Человек. Всё-таки подумай. (*Улетает*.)

Появляется Человек.

Человек. А-а-а! Противник здесь. (*Достаёт из кармана складной стаканчик, зачерпывает воды из ручья и пьёт*.)

Кот. Да, я тоже здесь.

Человек (*после паузы*). По-моему, ты очень уж резко ведешь дело: из-за этого твоим зверям будет только хуже.

Кот. Вот и Ворона сейчас об этом же говорила.

Человек. Ворона неглупая птица, к ней стоило бы прислушаться.

Кот. Ага! Видишь: а ты в начале собрания, я помню, что-то про наши куриные мозги говорил.

Человек. Ну, может быть, я тогда немного погорячился. И всё же мозги у вас не человеческие.

Кот. Конечно, они звериные да птичьи.

Человек. Мне кажется, нам выгоднее договориться и жить вместе, не особенно мешая друг другу.

Кот. Как это – «не особенно мешая»? Дикой природе нельзя жить вместе с Человеком, иначе она уже перестанет быть дикой и свободной.

Человек. Ну, не все же вы такие уж дикие: посмотри на Ворону или Крыса.

Кот. Ты хочешь, чтобы мы все были такими же?

Человек (*после паузы*). Нет, пусть будут и другие. Только не очень вредные.

Молчание.

Кот. Вот что я хотел спросить: у тебя есть дети?

Человек (*удивленно*). Есть.

Кот. Ты приводил кого-нибудь из детей в такие места, где совсем нет людей – в безлюдные горы, леса, пустыни?

Человек. Нет. Но как-то раз мы были с сыном совсем рядом.

Кот. И что сказал сын, узнав, что есть такие места?

Человек (*после паузы*). Это ему понравилось.

Кот. Почему?

Человек. Наверное, потому что это было для него новым. А он любит всё новое. Вообще-то он не совсем нормальный: до сих пор ему не живётся, как всем, он всё время носится как раз по таким безлюдным местам.

Кот. Ты им недоволен?

Человек. Да. Но ты не радуйся: у меня ещё два сына. Они будут жить, как все нормальные люди.

Кот. А ты сам-то любишь бывать среди природы?

Человек. Иногда.

Кот. Почему?

Человек. Ну как же: охота, рыбалка, грибы-ягоды.

Кот. А в глухие места заходишь?

Человек. Редко, но бывает.

Кот. Не боишься?

Человек. Чего?

Кот. Там кругом – дикие кровожадные звери и хищные птицы.

Человек (*рассмеявшись*). Не думаю, что они очень интересуются человеком.

Кот. Это правда. Если человек их не беспокоит. А тебе просто так, без добычи, приятно бывать в лесу, на реке или вообще в природе?

Человек (*после паузы*). Иногда, пожалуй.

Кот. Почему?

Человек. Кажется, я там чувствую себя проще.

Кот. Потому что можно не исполнять человеческие законы?

Человек. Нет… Может быть… У нас всё очень уж рассчитано, всё определено – что когда делать. На природе бывает спокойнее, что ли…

Кот. По-моему, ты избегаешь слова «свободнее»?

Человек. Нет, я свободный человек, живу в свободном обществе.

Кот. Чего стоит свобода, допускающая рабство?

Человек. У нас нет рабства.

Кот. Ты знаешь, о чем я: о порабощении и разрушении человеком нашего мира, мира дикой природы.

Человек. По-моему, к человеческому обществу это не имеет никакого отношения.

Кот. Я не согласен: жестокость, как и многое другое, входит в привычку… Ты любишь сыновей?

Человек. Хватит. Пошли: уже пора.

Кот. Животные – это как дети. Разве вы все не знаете?.. Что ж, пойдём.

Уходят.

Сцена пятая

Там же, где первая и третья сцены. Ветер. Волны.

Медведь. Сейчас, как договаривались, будет говорить Человек. Давай.

Человек. Вы все, которые тут собрались, не имеете права меня судить, потому что человек – это самое совершенное творение на Земле и мера всех вещей. Только он один наделён разумом и пониманием жизни. Пусть мы, люди, иногда совершаем ошибки, но мы способны их исправлять и делать жизнь всё лучше и лучше. Причём, не только свою жизнь, но и вашу. Вы этого не понимаете. Даже дикую природу, о которой Кот так хлопочет, мы давно охраняем в заповедниках. Мы вынуждены бороться с природой, чтобы выжить. Благодаря нашему разуму, мы теперь гораздо меньше зависим от прихотей природы, чем раньше. Человек стал могущественным и может справиться со злыми и вредными силами природы, а полезные использовать, охранять и совершенствовать. Ваши претензии ко мне неосновательные, мелкие, смешные, недостойные серьезного обсуждения. Человек не обязан заботится о каждом волке, змее или комаре. Наоборот, он должен защищаться от них и делать своё дело.

Дикий Кот. Ты так и не опроверг наших обвинений. Пусть так. Какое же это дело, ради которого живет человек?

Человек. Создать такой мир, где человеку жилось бы всё лучше и лучше, свободнее и свободнее.

Кот. Без природы?

Человек. Нет, с улучшенной природой.

Кот. Я понял. Теперь послушай мой взгляд на то, как мы с тобой должны жить. Не всё на Земле должно быть направлено только на благо человека. Не человек – мера всех вещей, а жизнь – вот всеобщая мера и самое ценное, что есть на Земле. Земля принадлежит всем, кто на ней родился. Человек, конечно, должен защищать себя и заботиться о себе. Но он не должен делать из обороны всемирную катастрофу. Ты нарушил старый договор

между первобытным человеком и природой. Ты посчитал себя слишком сильным и безнаказанным, чтобы соблюдать законы природы.

Человек. О каком договоре ты говоришь?

Кот. Договор о равноправности жизни всех живых существ.

Человек (*смеясь*). О равноправии человека и комара?

Кот. Скажи-ка, говорят, когда на Земле был большой потоп, древний человек спас на ковчеге всех тварей – и полезных, и других. Как ты думаешь, зачем он это сделал?

Человек. Не помню… не знаю. Может быть, чтобы они затем стали полезными.

Кот. Возможно, что так. Некоторые говорят, что бесполезные или вредные животные – это такие, достоинства которых ещё не открыты. Я же скажу иначе: дикая природа ценна не потому, что она полезна человеку, а потому, что она – это совершенно иное, чем природа человека, что она не похожа на царство людей и очеловеченную природу, потому, что в ней скрыты неизвестные возможности. Дикая природа ценна тем, что в ней есть тайна. Она важна сама по себе и имеет право на свободную жизнь.

Человек. Повторяю, мы даём вам возможность жить так, как вы хотите, например, в заповедниках, и не только. Если вы не поверите людям, то окажетесь в дураках.

Крыс. Где мы окажемся, Ворона?

Ворона. Я не поняла.

Кот. Если интересы людей всегда выше интересов природы, значит, и любые заповедники могут быть упразднены, если изменятся интересы людей.

Человек. Конечно, это естественно.

Кот. Но мы не хотим жить с вами. Вы менее совершенны, чем дикая природа. Вы сами себе готовите чудовищ, воюя друг с другом или разоряя ту землю, на которой живете. В результате у вас появляются всё новые болезни, новые преступления. Свирепость ваша всё увеличивается и увеличивается.

Человек. Ха! Как и кем это было сосчитано?

Кот. Людьми, насколько я знаю. Не все люди такие, как ты.

Человек. Точно это никому не известно. Может быть, это ошибка или злой умысел.

Лиса. Какая ошибка?! Что ты? Ваши коровы, свиньи и куры стали болеть такими болезнями, о которых раньше и не слышали. Я-то знаю! А всё потому, что вы содержите домашних животных в неестественной тесноте и жутких условиях.

Кот. Для людей эти болезни ещё опаснее, чем для домашних животных.

Человек. Такие случаи бывают редко.

Кот. А чего ты всё ёжишься и чешешься, да и дышишь как-то тяжело?

Человек. Я не переношу котов.

Кот. Телесно или просто их вид не переносишь?

Человек. Телесно, а с сегодняшнего дня и их вид не переношу.

Кот. Раньше, кажется, у тебя кожа не чесалась, и дыхание не прерывалось от присутствия котов. А теперь, я знаю, тебя раздражают и коты, и пыль, и запах…

Волк. Все новые болезни – это знаете что такое? Это Человеку мстят за нас те существа, которых не видно и не слышно. Они уже начали своё дело. Человек сам призывает их, потому что нарушает природную жизнь и заполняет собой всю Землю.

Пёс. Слушайте! Я стал замечать, никогда этого не было: глаза слезятся, а по утрам так противно чешется кончик хвоста. На нём уже шерсть облезла. Это тоже новая болезнь?

Кот. За шерстью надо лучше ухаживать.

Лиса. Мне кто-то из водных зверей новость рассказал. По-моему это выдра была. Так вот, она сообщила, что в реке недавно появилась какая-то новая рыба – колючая и очень невкусная. Просто отвратительная! Она жрёт мальков и икру других рыб. Этой рыбы становится всё больше и больше. На реке люди что-то построили – и вот…

Ворона. Нет, в этом не Человек виноват, а погода! Она в последние зимы так переменилась! Причём тут Человек?

Кот. Человек всё-таки так и не ответил: почему у них столько нелепостей, которых нет у нас. Тогда я отвечу. Это всё из-за неестественной жизни. Человек пытается огнём и мечом завоевать какое-то счастливое будущее. Однако не только люди, но и природа не знает этого будущего. И всё же только природа знает, в какую сторону надо идти. Поэтому мы не надеемся на разум, которого у нас нет. Мы не надеемся ни на войны, ни на мятежи, ни на убийства. Мы надеемся только на одно – на великое самодвижение природы. В этом самодвижении даже смерть прислуживает жизни.

Человек. Ты что же, считаешь, что нам не нужен разум, что мы должны жить так, как вы все?

Кот. Нет. Я всего лишь пытаюсь убедить, что разумность Человека не очень и велика, что он должен учитывать законы природы и её права.

Медведь. Чего же ты требуешь?

Кот. Мы не такие кровожадные, как люди. Мы не требуем мести. Мы даже не просим понимания. Мы хотим того, что нам принадлежит по праву – свободы. Пусть человек оставит нас в покое, хотя бы на части Земли.

Медведь. Боюсь, это уже трудно сделать; или – пока трудно.

Ласточка. А можно мне сказать?

Медведь (*оглядываясь кругом*). Кто это? Где ты?

Ласточка. Это я, Ласточка.

Медведь. А-а-а. Говори, что ж…

Ласточка. Человек, мне кажется, не всю правду нам сказал. Не такой уж он плохой… не совсем такой.

Медведь. Какой не такой? Откуда ты знаешь? Говори ещё.

Ласточка. Я давно живу с ним рядом, чаще в деревне. Ничего плохого от него не видела. Я часто строю гнёзда на его домах и даже внутри домов.

Кот. Не внутри домов, а внутри пристроек. А человечьи детёныши… ну, вернее, дети, они тебе не мешают разве? Или – домашние коты, например?

Ласточка. Бывает, конечно, всякое. Все знают, что с детьми хлопот много. Дикий Кот, наверное, всё правильно сегодня говорил, он такой знающий…

Медведь. Ну что ты остановилась? Давай дальше.

Ласточка. Это верно, что Человек своей силой притесняет многих из нас, у него избыток силы…

Волк. И нехватка ума!

Медведь. Не перебивай! Откуда тебе-то знать?

Ласточка. Некоторые из нас, действительно, страдают от силы Человека, которой он пользуется не всегда…

Волк. Не всегда умно! Только я бы выразился по-другому: почти всегда глупо!

Медведь (*Волку, угрожающе*). Прекращай, Волк, преувеличивать и встревать в разговор. Всё! (*Ласточке*.) Продолжай.

Ласточка. Если природа страдает от силы Человека или от его поступков, которые он считает полезными для себя, то спроси у Человека вот что: есть ли у него слабости? Или ещё: что он считает в себе не очень полезным для себя же?

Медведь. А зачем это?

Ласточка. Может быть, это поможет нам понять его.

Медведь (*после паузы*). Ну, хорошо. (*Обращаясь к Человеку*.) Скажи, сильный Человек, есть ли у тебя слабости или что-нибудь кроме твоей силы?

Человек. У меня нет слабостей… Почти нет. Не считать же ум – слабостью?! Правда, развлечения я очень люблю. Может быть, это и есть слабость. Пустячная, впрочем. Или вот еще: иногда я вроде бы сыт и здоров, но мне невесело или скучно.

Ворона. Вот-вот! Он прав: радость жизни не происходит от большого ума.

Медведь. А у других людей?

Человек. А у других есть много разных странностей.

Медведь. Перечисли, какие они? Хотя на наш взгляд и в тебе много странного.

Человек. Есть любители делиться своим имуществом,

деньгами или пищей: кормить, например, не только себя и свою семью, но и посторонних…

Ворона (*радостно*). Я тоже однажды делала, как такие люди: помнишь, Лиса? Я поделилась с тобой последним куском сыра.

Лиса (*визгливо лая*). Хай! Хай! Уморила!

Пёс. Брось врать, Ворона, все давно знают эту историю.

Медведь. Умолкните вы или нет?! Всех лишу человеческой речи; будете только лаять да каркать! (*К Человеку.*) Продолжай. Какие, по-твоему, еще странности есть у людей?

Человек. Есть такие люди, которые, не устроив как следует собственных дел, помогают разным увечным и другим неполноценным. Они ухаживают за больными и дряхлыми, за теми, кто не способен двигаться или даже соображать.

Медведь. А тебе не приходилось так поступать?

Человек (*усмехаясь*). Нет. Впрочем, когда-то, кажется, участвовал в одном таком недоразумении – в помощи кому-то; не помню, впрочем, кому именно. А ещё есть люди, которые готовы кормить и воспитывать чужих детей…

Ворона. Как кукушкиных птенцов?

Человек. Нет, добровольно, сами просят, чтобы им дали таких детей. Но это не всё. Есть и такие, которые прощают всех, причинивших им обиду или убыток. А некоторые даже почему-то готовы умереть вместо других.

Пауза.

Медведь (*Коту*). Ну, что скажешь?

Кот. Да-а… У нас так почти не бывает. Разве только у самок с детенышами. Силу мы понимаем, хитрость тоже. Остальное же, о чем рассказал сейчас Человек... Может быть, в этом и есть наша надежда?

Медведь. В чём именно?

Кот. Сейчас попробую объяснить. Только ещё один случай расскажу. Однажды я увидел дом, в котором никто не живёт. Да в нём и невозможно жить, как я понял. Но к

этому дому всё время приходили люди и смотрели на него. Некоторые из пришедших радовались чему-то, другие плакали и даже становились на колени. А потом люди покидали это место. Мне показалось, что они уходили с тем же, с чем и пришли.

Медведь. А зачем же они туда приходили?

Кот. Мне это непонятно. Я также не знаю, зачем надо прощать кого-то или умирать вместо кого-то другого, например. Зато я, кажется, догадался вот о чём: бывает так, что никакой видимой пользы для некоторых людей нет, а они такое бесполезное дело всё-таки делают. Значит, не каждый из них живёт только ради своей или только сегодняшней пользы. Вот в этом и есть наша надежда.

Медведь. Хорошо. Кажется, я понял. Нам пора заканчивать. Надо принять решение. Видите громадную чёрную тучу над водой? Это идёт гроза. Если наш вердикт будет утверждён Верховным судом, гроза пройдёт мимо, если нет, то она дойдёт до нас.

Слышен глухой раскат грома, солнце скрывается.

Медведь. Давайте решать. Сначала отвечайте на такой вопрос: виновен ли Человек в том, что нарушил законы природы и ущемил наши права? Да или нет?

Звери и птицы (*хором*). Да! Нет! Да!

Медведь. Значит, да.

Пёс. Ты же не считал! А сколько голосов сказали «да» и сколько «нет»? Я сказал «нет», а также, кажется, Ворона и Крыс.

Медведь. Мне не нужно считать. Ты слишком долго не жил среди нас. Нам не нужен счёт, наша жизнь устроена по-другому.

Ворона. Это правда, Пёс, обмана нет.

Медведь. Теперь отвечайте на другой вопрос: заслуживает ли Человек снисхождения, потому что он пока слишком дикий и недостаточно разумный? Да или нет?

Звери и птицы (*хором*). Да! Нет! Да!

Медведь. Значит, заслуживает снисхождения.

Раздается раскат грома и появляется солнце.

Медведь. Гроза проходит мимо. Это значит, что наш вердикт принят Верховным судом. Но наказание людям мы не обсуждаем. При таком решении, как наше, предполагается, что Человек накажет себя сам.

Волк. Как это сам? Он не будет этого делать!

Медведь. У Человека нет других врагов, кроме него самого. Правда, люди привыкли ещё и выдумывать себе врагов, чтобы не улучшать самих себя. Но с этим уж ничего не поделаешь. И всё же, оставить Человека наедине с самим собой – это сейчас самый верный приговор.

Волк. А мы-то за что должны страдать? Я всё-таки считаю, что людей надо изолировать.

Медведь. Человека уже нельзя отделить от нас. Но ты не переживай: Верховный суд посылает людям предупреждения. Эти предупреждения люди не могут не заметить.

Волк. А если не заметят или не захотят замечать?

Медведь. Если всё же человеческий разум будет созревать слишком медленно, мы вновь соберёмся здесь и изменим наше сегодняшнее решение. Тогда и приговор будет иным.

Волк. Тогда наказание людям будет более суровым, чем сейчас?

Медведь. Конечно. Наказание будет таким суровым, что мы можем опять остаться на Земле одни, без Человека. Всё, звери и птицы: суд окончен! Нам пора возвращаться к себе. Мы уходим с надеждой, что победит всё-таки не человек или дикая природа. Мы надеемся, что победит жизнь – жизнь, которая преодолеет неестественные раздоры и неестественную смерть. Прощайте!

Конец

Литературно-художественное издание

Федорчук Виктор Николаевич

ДВЕ РОДИНЫ

И СВОБОДНАЯ ПРИРОДА

Избранные стихи, пьеса

Подписано в печать 29.11.2021. Формат 84×108/32. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,0. Тираж 50. Заказ 4862.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного автором,
в Издательско-полиграфическом центре
Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29.
Тел.: (812)552-77-17, 550-40-14